

**НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ И
ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АССОЦИАЦИЯ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ**

**«РОССИЯ И ТЮРКСКИЙ МИР: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ
СТРАН БОЛЬШОГО АЛТАЯ»**

**МАТЕРИАЛЫ
I Международного научного молодежного форума**

29–30 октября 2020 г.
Барнаул

УДК 94(5–191.2)(063)+94(470)(063)
ББК 63.3(54)я431+63.3(2)я431

Ответственный редактор

С.В. Землюков, д-р юрид.наук, профессор

Редакционная коллегия

Ю.А. Лысенко, д-р ист. наук, профессор АлтГУ

Н.Н. Серегин, д-р. ист. наук, доцент АлтГУ

И.В. Анисимова, канд. ист. наук, доцент АлтГУ

Издание осуществлено в рамках реализации Госзадания Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности») реестровый номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Р 768 Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая [Текст] : Материалы I Международного научного молодежного форума. Барнаул, 29–30 октября 2020 г. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 175 с.

ISBN

В сборнике представлены научные материалы I Международного научного молодежного форума «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая», который состоялся 29–30 октября 2020 г. на базе Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» и Алтайского государственного университета. Рассматриваются актуальные вопросы тюркологии и алтаистики: развитие языка, проблемы сохранения традиционной культуры, актуальные вопросы истории народов Большого Алтая, этнополитические, миграционные и этнокультурные процессы в современном тюрко-монгольском мире.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, занимающихся проблемами тюркологии и алтаистики.

УДК 94(5–191.2)(063)+94(470)(063)
ББК 63.3(54)я431+63.3(2)я431

ISBN

© Оформление.

Издательство Алтайского

государственного университета, 2020

**Уважаемые участники I Международного научного
молодежного форума «Россия и тюркский мир: взгляд
молодежи стран Большого Алтая»!**

Сегодня мы являемся свидетелями важного и уникального события в мире науки. Впервые Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» собрал молодых ученых – тюркологов, алтаистов, монголоведов России и стран Центральной Азии. Выбор Алтайского государственного университета в качестве площадки для проведения Форума не является случайным. Во-первых, АлтГУ территориально располагается на территории Большого Алтая – макрорегиона, включающего приграничные территории России, Казахстана, Китая и Монголии и сыгравшего особую историческую и культурно-цивилизационную роль в Евразийском пространстве. Большой Алтай – колыбель народов алтайской языковой семьи, исторический центр тюрко-монгольского мира, прародина тюркских народов, сосредоточение уникальных культурных объектов.

Во-вторых, в настоящее во многих научно-образовательных центрах Российской Федерации, Юга Западной Сибири сложились и успешно функционируют научные школы, ориентированные на изучение, сохранение и популяризацию материального и духовного наследия народов тюрко-монгольского мира. Среди них Алтайский государственный университет занимает одну из лидирующих позиций и является признанным тюркологическим центром.

Сегодня крайне важным представляется необходимость консолидации усилий мировых научных центров для проведения междисциплинарных фундаментальных исследований в области тюркологии, алтаистики и буддологии. Именно с этой целью в Алтайском государственном университете создан Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай». Принципиальной позицией его деятельности становится формирование устойчивых коммуникаций в молодежном научном пространстве, привлечение к исследовательской работе молодых ученых, оказание им консультационной и экспертной помощи в выборе направлений научных изысканий.

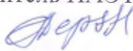
Участникам I Международного научного молодежного форума «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая» предоставляется уникальная возможность прослушать курс

лекций ведущих ученых тюркологов России, стран Ближнего и Дальнего зарубежья, презентовать результаты своих научных изысканий, обменяться опытом в их проведении, скорректировать дальнейшую программу научной работы.

Надеюсь, что ваш Форум станет постоянной действующей площадкой, местом для вашего общения, реализации новых идей и возможностей! Могу высказать предложение лично встретиться с вами в ближайшее время!

Желаю участникам Форума плодотворной работы, здоровья и успехов!

Научный руководитель ИАЭТ СО РАН,
академик
Деревянко

26.10.2020г

А.П.

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ I МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО МОЛОДЕЖНОГО ФОРУМА

«Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая»

Уважаемые коллеги, гости и участники! Хочу поприветствовать вас на Первом (I) Международном научном молодежном форуме «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая» и выразить вам благодарность за участие. Искренне надеюсь, что опыт участия будет полезен всем участникам Форума в процессе их научно-исследовательской работы.

Впервые на площадке НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» соберутся молодые ученые – тюркологи России и стран Центральной Азии. Молодые ученые смогут не только презентовать результаты своих научных изысканий, но и расширить научные коммуникации, стать частью международного научного тюркологического сообщества. Приятно осознавать, что Форум включает в себя не просто встречи по интересам, а комплекс научно-образовательных мероприятий: встречи с экспертами, лекции специалистов в области тюркологии и алтаистики, и наконец сессии молодых ученых.

Работа молодежного форума объединит исследовательский потенциал экспертов и участников 4 государств: Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Турецкой Республики. Ведущие ученые по тюркологии и алтаистике привлечены в качестве экспертов для работы с молодым поколением ученых.

Уверен, что Международная школа молодых ученых - тюркологов, алтаистов и монголоведов созданная на базе Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», окажет существенное институциональное влияние на ход всех научных процессов Большого Алтая и принесет научные плоды всем заинтересованным участникам!

Выражаю твердую уверенность, что I Международный научный молодежный форум станет постоянно действующей научно-дискуссионной площадкой, где вы будете встречаться не только онлайн, но и непосредственно на летних и зимних школах, музеях, архивах, что станет залогом постоянного обмена и сотрудничества в будущем.

Желаю организаторам и всем участникам Международного научного молодежного форума «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая» плодотворной работы, эффективного взаимодействия!

Президент АлтГУ, профессор

С.В. Землюков

Программа I Международного научного молодежного форума

«РОССИЯ И ТЮРКСКИЙ МИР: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ СТРАН БОЛЬШОГО АЛТАЯ»

Барнаул, 29–30 октября 2020 г.

I Международный научный молодежный форум «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая» проводится Научно-образовательным центром алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» и Алтайским государственным университетом при поддержке Ассоциации азиатских университетов.

Впервые на площадке НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» соберутся молодые ученые – тюркологи, алтаисты, монголоеды России и стран Центральной Азии, которые смогут не только презентовать результаты своих научных изысканий, но и расширить научные связи, стать частью международного научного тюркологического сообщества. Форум представляет собой эффективную платформу, где молодые ученые – тюркологи, алтаисты и монголоеды смогут сформировать устойчивые коммуникации, обменяться опытом и определить актуальные направления будущих исследований.

Выбор места проведения не является случайным. Алтай исторически выступает прародиной тюркских народов, центром роста алтайской языковой семьи, играет особую культурную роль в Евразийском пространстве. Сегодня наблюдается возрастающий интерес научного сообщества к различным аспектам развития тюрко-монгольской историко-культурной общности. Актуальной является и проблема не только изучения, но и сохранения культуры, традиций добрососедства народов Большого Алтая. Важная роль в этом отводится молодому поколению.

Цель Форума заключается в консолидации молодежного научного сообщества России и стран Центральной Азии, чьи

исследования связаны с изучением археологического прошлого, истории, языка, традиционной культуры и современного положения народов тюркского мира. Важными задачами Форума является объединение молодого международного научного тюркологического сообщества для развития научного потенциала и интенсификации научных исследований в области тюркологии, алтаистики и монголоведения; формирование устойчивых коммуникаций, поиск новых подходов к изучению этнической истории, археологии, этнографии, лингвистики тюрко-монгольских народов; сохранение и бережное отношение к культурно-историческому наследию тюрко-монгольского мира.

На Форуме экспертами России и Центральной Азии и молодыми учеными будет обсуждаться широкий круг вопросов по развитию и современному положению тюркских языков, археологии и истории тюркской общности, сохранению и приумножению традиционной культуры тюркского мира, современным тенденциям социокультурного и этнополитического развития тюркских народов.

Порядок работы Форума

Время проведения: 29–30 октября 2020 г.

Формат конференции: оф-лайн, он-лайн

Место проведения: Алтайский государственный университет

Общее количество участников: 70 человек

Эксперты – представители научных школ России:

Васильев Д.В. – д-р ист.наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

Лысенко Ю.А. – д-р ист.наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Назаров И.И. – директор Института истории и международных отношений, канд.ист.наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Серегин Н.Н. – д-р ист.наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Тадина Н.А. – канд.ист.наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия)

Шерстова Л.И. – д-р ист.наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Эксперты – представители зарубежных научных школ:

Кайыркен Т.З. – д-р ист.наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Кенесариев Т. – д-р ист.наук, зав.отделением Манасоведения Национальной академии «Манас и Ч. Айтматов» (Бишкек, Кыргызская Республика)

Сапашев О.С. – д-р филол.наук, профессор, Стамбульский университет (Стамбул, Турция)

Координатор:

Анисимова И.В. канд.ист.наук, доцент Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

29 октября 2020 г.

Время проведения: 11:00 – 18:00

Место проведения конференции:

г. Барнаул, Алтайский государственный университет, пр. Ленина 61, Ауд. 416Л.

Регламент работы Форума:

продолжительность секционного выступления – 10 мин,
дискуссия – 10 мин.

Программа работы Форума

8-00 – 10-00 Заезд участников

10-30 – Регистрация участников (Ауд. 416Л)

11:00 – 11:30 Торжественное открытие Форума (Ауд. 416Л)

Модератор:

Лысенко Юлия Александровна – д.и.н., заведующий кафедрой востоковедения Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета

Приветственное слово:

Землюков Сергей Валентинович – руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», д-р юрид. наук, профессор, президент Алтайского государственного университета

Дервянко Анатолий Пантелеевич – академик РАН, д-р. ист. наук, профессор Алтайского государственного университета

11:30 – 12:30 Научно-образовательная программа Форума.

Часть 1. (Ауд. 416Л)

Лекции:

11:30 – 11:55 Серегин Николай Николаевич – д-р ист.наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия) *Тема лекции:* Археология раннесредневековых тюрок Центральной Азии

12:00 – 12:30 Васильев Дмитрий Валентинович – д-р ист.наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва, Россия) *Тема лекции:* Российская империя в

Центральной Азии: методология исследования политических и социально-экономических реформ

12:35 -14:00 Научная сессия № 1. Археология и история тюркской общности в России и государствах Центральной Азии (Ауд. 416Л)

Модераторы:

Серегин Николай Николаевич – д-р ист.наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Анисимова Инна Владимировна – канд. ист.наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

1. Казаков Георгий Константинович, *Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)* Археология тюркского периода в Синьцзяне: основные направления и проблемы изучения в современной историографии

2. Тусупов Айбек Русланович, *Павлодарский педагогический университет, Павлодар (Казахстан)* Специфика форм зависимости в древнетюркских каганатах

3. Бурнаев Артем Витальевич, *Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)* Международное сотрудничество Тюркских каганатов со странами Востока и Запада

4. Калининская Анна Викторовна, *Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)* Влияние тюркского культурного комплекса на население Кузнецкой котловины

5. Кенбаева Адия Болатовна, *Жетысуский университет им. И. Жансугурова, Талдыкорган (Казахстан)* Труды арабских историков и географов о тюркском мире

6. Левчук Виктория Денисовна, *Жетысуский университет им. И.Жансугурова, Талдыкорган (Казахстан)* Труды тюркских ученых как исторический источник

7. Серкебаева Калия, *Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Бишкек (Кыргызская Республика)*

Вклад выдающегося русского ученого Е.Д. Поливанова в изучении эпоса «Манас»

8. Убей-Конь Дарья Григорьевна, *Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)* К вопросу о развитии пограничной торговли России и Китая в Центральной Азии (первая половина XIX в.)

9. Иунина Ксения Владимировна, *Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)* Некоторые аспекты изучения ясачной политики у тюркоязычных народов Сибири в первой половине XIX века

14:15 – 15:30 Научно-образовательная программа Форума.

Часть 2. (Ауд. 416Л)

Лекции:

14:15 – 14:45 Шерстова Людмила Ивановна – д-р ист.наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия) *Тема лекции:* Тюркоязычные народы Сибири в составе Российского государства: этнополитические процессы и этнокультурная динамика (XVII - начало XX вв.)

14:50 – 15:20 Сапашев Ораз Сапашевич – д-р филол.наук, профессор, Стамбульский университет (Стамбул, Турция) *Тема лекции:* Зарубежная тюркология XXI в.: основные направления исследования и региональные особенности

15:25 – 15:55 Кайыркен Турсынхан Законулы – д-р ист.наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Республика Казахстан) *Тема лекции:* Китайский надписи на древнетюркских памятниках

16:15 -18:00 Научная сессия № 2. Традиционная культура тюркских народов (Ауд. 416Л)

Модераторы:

Сапашев Ораз Сапашевич – д-р филол.наук, профессор, Стамбульский университет (Стамбул, Турция)

Анисимова Инна Владимировна – канд. ист.наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

1. Попова Ольга Степановна, *Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия)* Лексика мифов и легенд, обозначающая божества нижнего мира в алтайском языке
2. Бедушева Алина Гавриловна, *Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия)* Образ коня в алтайской лингвокультуре
3. Лапуценко Антон Витальевич, *Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)* Образ Чингиз-хана в культуре казахов России и Центральной Азии
4. Абдильдинова Лашын Батырхановна, *Жетысуский университет, Талдыкорган (Казахстан)* Тюркские языки
5. Калташева Диана Васильевна *Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия)* Истоки письменности тюркоязычных народов
6. Алексеева Валерия Евгеньевна, *Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)* Практики сохранения и возрождения кумандинцами традиционной культуры и родного языка
7. Боговиева Росина Руслановна, *Алтайский государственный институт культуры, Барнаул (Россия)* Национальная кухня в современном быту казанских татар (на материалах села Беленькое)
8. Лилявина Елена Владимировна *Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Томск (Россия)* Надмогильные памятники томских татар
9. Торопова Вероника Евгеньевна, *Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)* Сохранение и презентация объектов нематериального культурного наследия алтайцев в Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина.
10. Мандаева Карина Эркемендиновна, Кантырова Кун-Тана Александровна, *Горно-Алтайский государственный Университет, г. Горно-Алтайск (Россия)* Мобильное приложение по изучению алтайского языка

11. Дубанаева Сезим Аманбековна *Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек (Кыргызская Республика)* Игры кочевников: этноспортивный и этнокультурный обмен туркоязычного народа

30 октября 2020 г.

10:00 – 13:30 Продолжение работы Форума

10:00 – 11:30 Научно-образовательная программа Форума.

Часть 3. (Ауд. 416Л)

Модератор:

Лысенко Юлия Александровна – д.и.н., заведующий кафедрой востоковедения Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета

Лекции:

10:00 – 10:30 Тадина Надежда Алексеевна – канд.ист.наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия) *Тема лекции:* Научные направления и результаты деятельности научной лаборатории этнографических исследований ГАГУ

10:35 – 11:05 Лысенко Юлия Александровна – д-р ист.наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия) *Тема лекции:* Политика Российской империи в отношении тюрко-мусульманских народов

11:20 – 13:15 Научная сессия № 3. Тюркский мир в XXI в.

(Ауд. 416Л)

Модераторы:

Васильев Дмитрий Валентинович – д-р ист.наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

Лысенко Юлия Александровна – д-р ист. наук, заведующий кафедрой востоковедения Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета

1. Фрадкина Гелла Борисовна *Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)* Казахстанская пейзажная живопись середины 50–60-х годов XX века
2. Курманов Ернар Фархадович, *Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск (Казахстан)* Особенности адаптации и интеграции казахов в условиях города (на примере Восточного Казахстана)
3. Лыкова Алёна Алексеевна, *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск (Россия)* Источниковая база по изучению региональных отделений политических партий (на материалах Республики Алтай)
4. Скоробогач Никита Игоревич, *Томский государственный университет, Томск (Россия)* Влияние ассоциации хакасского народа «Тун» на политические процессы в Республике Хакасия в первой половине 1990-х годов
5. Сатаева Альминара Асетхановна, *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)* Сохранение культурного наследия тюркского мира
6. Тойбаев Асхат Жунисович, *Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск (Казахстан)* Казахи Алтая: история зарождения диаспоры и репатриация в Казахстан
7. Галушкин Захар Максимович, *Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)* Уйгуры Китая: к вопросу о сохранении национальной идентичности
8. Мусаева Эльвира Абышкызы, *Восточно-Казахстанский университет им.С. Аманжолова, Усть-Каменогорск (Казахстан)* О региональной классификации сферы образования Республики Казахстан
9. Подолько Валентина Владимировна, *Омский государственный университет, Омск (Россия)* Тюркский мир в XXI веке: в поисках казахской государственности
10. Шаршенбек кызы Айпери, *Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек*

(Кыргызская Республика) Культурно-гуманитарные отношения Кыргызстана с Россией на современном этапе

13:20 – 13:30 Подведение итогов работы Форума. Принятие Резолюции. Принятие Положения Международной школы молодых ученых – тюркологов, алтаистов, монголоведов. Утверждение плана работы Школы на 2021 г.

От редколлегии

29–30 октября 2020 г. на базе Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» и Алтайского государственного университета состоялся I Международный научный молодежный форум «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая», в котором приняли участие молодые ученые, аспиранты, магистранты и студенты, представляющие вузы и научные организации России, Казахстана и Кыргызстана. Проведение Форума выступает важной составляющей научного проекта «Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности».

Целью Форума являлась объединение молодых ученых России и Центральной Азии, чьи научные исследования связаны с изучением различных аспектов развития тюркской историко-культурной общности, формирования тюрко-славянского взаимодействия, положения народов тюркского мира в XXI в. С приветственным словом на открытии Форума выступили академик РАН, д-р ист. наук, профессор А.П. Деревянко и ректор Алтайского государственного университета, д-р эконом. наук, профессор С.Н. Бочаров.

Важной частью работы Форума был образовательный сегмент. Ведущие ученые – тюркологи России, Турции и Казахстана прочитали для участников Форума курс лекций по актуальным вопросам тюркологии. Экспертами Форума выступили российские ученые: Д.В. Васильев, д-р ист.наук, профессор Московского городского педагогического университета; Ю.А. Лысенко, д-р ист.наук, профессор Алтайского государственного университета;

Н.Н. Серегин, д-р ист.наук, доцент Алтайского государственного университета; Н.А. Тадина, канд.ист.наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета; Л.И. Шерстова, д-р ист.наук, профессор Томского государственного университета; а также ведущие зарубежные исследователи Т.З. Кайыркен, д-р ист.наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева и О.С. Сапашев, д-р филол. наук, профессор Стамбульского университета.

Форум представил собой эффективную платформу объединения молодых ученых – тюркологов, алтаистов и монголоведов для презентации и обсуждения результатов научных изысканий. Основное содержание Форума составлял широкий круг вопросов по развитию и современному положению тюркских языков, археологии и истории тюркской общности, сохранению и приумножению традиционной культуры тюркского мира, современным тенденциям социокультурного и этнополитического развития тюркских народов. На секционных заседаниях молодые ученые не только представили свои научные исследования, но и обсудили широкий круг дискуссионных вопросов истории и современного положения тюркской общности, проблемы сохранения традиционной национальной культуры и языка народов Большого Алтая.

Представленные для публикации тезисы докладов разделены по тематическим секциям: «Археология и история тюркской общности в России и государствах Центральной Азии», «Традиционная культура тюркских народов», «Тюркский мир в XXI в.» и отражают основные направления комплексных научных исследований по актуальным проблемам тюркологии и алтаистики.

Форум позволил молодым ученым – тюркологам, алтаистам и монголоведам сформировать устойчивые коммуникации, обмениваться опытом и определить актуальные направления будущих исследований. Итогами Форума стало: принятие итоговой Резолюции; принятие Положения о Международной школе молодых ученых - тюркологов, алтаистов и монголоведов; создание на базе Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» постоянно действующей научной площадки для

передачи опыта, обучения, воспитания молодого научного сообщества, интеграции научных исследований молодых ученых – тюркологов, алтаистов и монголоведов; утверждение плана работы Международной школы молодых ученых - тюркологов, алтаистов и монголоведов в 2021 г.

На Форуме было принято решение о проведении II Международного научного молодежного форума «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая» будет проходить в рамках II Международного тюркологического конгресса «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность», который состоится в 2021 г.

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ТЮРКСКОЙ ОБЩНОСТИ В РОССИИ И ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

А.Р. Тусупов

Павлодарский педагогический университет, Павлодар (Республика
Казахстан)

СПЕЦИФИКА ФОРМ ЗАВИСИМОСТИ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ КАГАНАТАХ

В статье рассматривается проблема специфики форм зависимости в древнетюркских государствах. Отмечается реальное значение рабства в древнетюркском обществе. Уделено внимание институту «татство». Автор приходит к выводам, что рабы (невольники) у древних тюрков это подчиненные чужому, они не подвергались беспощадной эксплуатации и не были «классическими» рабами. Кулство означало признание подчинения и власти над собой, иначе, почему кулами именовали отдельных лиц и целые племена. Источниками для пополнения рабов служила война и набеги на соседей, долги или тяжелые преступления перед обществом.

Ключевые слова: рабство, древние тюрки, Тюркский каганат, таты, кулы, рабыни

A.R. Tussupov

Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar (Kazakhstan)

SPECIFIC FEATURES OF DEPENDENCE IN THE ANCIENT TURKIC KAGANATES

The article deals with the problem of the specificity of the forms of dependence in the ancient Turkic states. The real significance of slavery in the ancient Turkic society is noted. Attention is paid to the institution "tatstvo". The author comes to the conclusion that the slaves (slaves) of the ancient Turks are subordinates to a stranger, were not subjected to merciless exploitation and were not "classical" slaves. Kulstvo meant the recognition of power over oneself and subordination, otherwise, why were individuals and entire tribes

called Kul. Sources for the replenishment of slaves were war and raids on neighbors, debts or serious crimes against society.

Key words: slavery, ancient Turks, Turkic kaganate, tats, kuls, slaves

Проблема форм зависимости у кочевников сложная научная тема в исторической науке. Одним из актуальных вопросов остается по сегодняшний день определение социальной природы и статуса «татов» в древнетюркском обществе. Еще востоковед В.В. Бартольд выделял наличие названия «тат» у мусульман-иранцев и уйгур в Караханидском государстве, на Кавказе у евреев. Так, «в Средней Азии слово «тат» встречается в языке туркмен, которые называют так людей оседлой культуры, в том числе хивинцев. Такое же значение слово «тат», очевидно, имело в XI в.; иначе трудно было бы объяснить существование одного и того же названия для иранцев и для культурных турок-уйгуров» [1, с. 70]. С.Г. Кляшторный отмечая экономическую роль татов в Западнотюркском каганате, подчеркивает: «Тюркские каганы называли своих согдийских подданных «татами», т. е. зависимыми данниками» [2, с. 98].

У Абулгазы имеется следующая выдержка о татах, когда он описывает юрты огузова иля: «В те времена в Иране, Хорасане и Мавераннахре государи, сипахи и райяты – все были «таты»; кроме татов, никого не было» [3, с. 56]. Это сообщение позволяет говорить о татах, как о данниках с оседло-земледельческой культурой.

Если «татами» именовали оседлых земледельцев оазисов Средней Азии, Афганистана и Ирана, то как можно охарактеризовать китайцев земледельцев и ремесленников, живших на землях тюркских каганатов. В китайских источниках имеются косвенные свидетельства их существования. Так, в докладной записке китайского полководца Ланчжун Хоуин императору Юаньди от 33 г. до н. э., говорится: «Рабы и рабыни пограничных жителей без исключения помышляют о бегстве. Они вообще говорят, что у хуннов весело жить, и не смотря на бдительность караулов иногда перебегают за границу... Разбойники, воры и другие преступники в крайних обстоятельствах скрываются бегством на север за границу и там невозможно поймать их» [4, с. 77; 5, с. 169]. Имеющиеся другие свидетельства в пользу угона в плен китайцев на положении рабов

заставляли фиксировать рабовладельческие отношения в кочевом обществе [5, с. 168].

Н.Н. Крадин анализируя историко-археологические материалы о военнопленных китайцах у хуннов, склоняется к тому, что «вероятно, более правы те исследователи, которые считают, что подавляющее число военнопленных занималось земледелием и ремеслом в специально созданных для этого поселениях. Однако по социально-экономическому и юридическому положению большинство из этих лиц являлись не рабами. Их статус был близок к статусу данников» [5, с. 170].

Наличие пленных у тюркютов является несомненным, однако, остается выяснить, какова была их дальнейшая судьба и какое место им отводилось в обществе. Наиболее вероятными представляются два варианта: 1. работоторговля, т. е. перепродажа пленных через рынки рабов, что дополнительно увеличивало отдачу от военной добычи; 2. использование пленных в качестве рабочей силы в обществе.

Возможно сосуществование обеих вариантов, как не противоречащих друг другу. Известно, например, что хунну сажали пленников китайцев в специальные поселки, где они занимались земледелием, рыболовством и ремеслом [6, с. 154–155; 5, с. 79–94, 169, 171]. Подобные процессы А.М. Хазанов отмечает у тюркютов [7, с. 139].

Перейдем к рассмотрению рабов как зависимой социальной категории в обществе. Эта проблема уже неоднократно подвергалась исследованиям и служила камнем преткновения не одного поколения историков [8–9].

С.Г. Кляшторный, указывая на подчиненный статус кулов и кунов, их иноэтничности и чуждости общине древних тюрков, делает вывод: хотя личное рабство в тюркских государствах Центральной Азии в основном не выходило за пределы домашнего, вся жизнедеятельность древнетюркской общины и в какой-то мере и ее боевая сила были связаны эксплуатацией невольников и, в еще большей степени, невольниц. Захват полона был одной из главных целей тех войн, которые вели тюрки [10, с. 167]. На домашний характер рабства у кочевников указывают большинство исследователей ссылаясь на специфику скотоводческого хозяйства,

где труд рабов малоэффективен и экономически нерационален [10, с. 165; 5, с. 167–168; 9, с. 269].

По анализу одной из надписей можно говорить, что рабы тюрков сами могли иметь рабов, вспомним в связи с этим известную сентенцию «Вассал моего вассала, не мой вассал»: «В то время (наши) рабы стали рабовладельцами, а (наши) рабыни рабовладелицами...» [11, с. 87].

В китайском источнике содержится интересный эпизод проливающий свет на поставленную проблему: «Кин-цзе еще предложил ему называться вассалом. Шаболио (тюркский каган – *A.T.*) спросил у своих сановников, что такое значит слово: вассал? В ответ ему сказали, вассал в царстве Суй значит то же, что у нас слово раб. Шаболио сказал: что я имею счастье сделаться рабом Сына Неба из дома Суй, сим тебе министр я обязан. И так он подарил Лу Кин-цзе 1000 лошадей и еще выдал за него свою двоюродную сестру» [12, с. 242]. Из этого свидетельства можно сделать вывод, что положение рабов у тюркютов не было тягостным и статус раба означал подчиненное положение, ограничение прав и свобод, которыми обладали свободные члены общества.

В этой связи уместно привести высказывание Л.Н. Гумилева заметившего, что «основное содержание понятия «*qul*» – это подчинение чужому. ...Использование кулов в VI–VIII вв. было совсем иным: тюркюты приводили их на свои земли, селили в определенных местах и взимали с них налоги. Кроме того, женщин использовали в качестве домашней прислуги и наложниц. Можно сказать, что кулы походили на римских колонов, но понятие «раб» в нашем смысле к ним совсем неприложимо» [6, с. 55].

Кулство воспринималось как признание собственного подчиненного положения и несвободы и признание более сильного над собой господином. Унизительность подобного положения для кочевника очевидна. Привлекает внимание выражение из древнетюркских рунических памятников «приобретенные сыновья», которое вполне вероятно соответствует мужскому потомству от рабынь-наложниц.

Таким образом, рабы (невольники) у древних тюрков это подчиненные чужому, они не подвергались беспощадной эксплуатации и не были «классическими» рабами. Кулство означало

признание подчинения и власти над собой, иначе, почему кулами именовали отдельных лиц и целые племена. Источниками для пополнения рабов служила война и набеги на соседей, долги или тяжелые преступления перед обществом.

Библиографический список

1. Бартольд В. В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов в Средней Азии. А.: Жалын, 1993. 192с.
2. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан летопись трех тысячелетий. А-А.: Рауан, 1992. 376 с.
3. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л - Гази хана хивинского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 290 с.
4. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 212 с.
5. Крадин Н. Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 312 с.
6. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Товарищество "Клышников Комаров и К", 1993. 527 с.
7. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Изд-во «Наука», 1976. 343 с.
8. Першиц А. И. Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // Проблемы типологии в этнографии / Отв. ред. Ю. В. Бромлей, М.: Изд-во «Наука», 1979. С. 59–65.
9. Хазанов А.М. Роль рабства в процессах классообразования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. М.: Изд-во «Наука», 1976. С. 249–279.
10. Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1985. С. 159–168.
11. Орхонские надписи. Кюль - тегин. Бильге-каган. Тоньюкук. Семей: МКА, 2001. С. 65–123.

12. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том I. А.: ТОО "Жалын баспасы", 1998. 390 с.

А.В. Бурнаев

Алтайский государственный университет,

Барнаул (Российская Федерация)

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

В статье, на основе комплекса исследований, рассматриваются особенности внешнеполитической деятельности трех кочевых империй средневековья (Тюркского, Западно-тюркского и Восточно-тюркского каганатов). Необходимо отметить, что геополитические связи данных кочевых образований рассматриваются не только в дипломатическом, но и в военном аспекте. В работе также проводится сравнительный анализ существующих в историографии исследовательских концепций, основанных как на письменных, так и на археологических источниках. Все это позволяет не только обобщить существующие сегодня позиции ученых-тюркологов по данному вопросу и обнаружить схожие тенденции в развитии кочевых государств на международной арене, но и определить приемы и методы внешней дипломатии у каждого, отдельно взятого тюркского государства.

Ключевые слова: международная политика, дипломатия, Тюркский каганат, военный союз, Китайская империя, согдийцы, экономические связи.

A. V. Burnaev

Altai State University, Barnaul (Russia)

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE TURKIC KAGANATES WITH THE COUNTRIES OF THE EAST AND WEST

Based on various historiographic studies of the authors, the article examines the features of the foreign policy of the three nomadic empires of the Medieval era (the Turkic, Western Turkic and East Turkic kaganates) with the countries of the East and West. In addition, the international relations of these steppe formations are analyzed not only in the diplomatic, but also in the

military aspect. The work also provides a comparative analysis of historians based on the results of their research based on both written and archaeological sources. All this makes it possible not only to summarize all the research materials of Turkic scholars and discover similar trends in the development of nomadic states in the international arena, but also to identify the distinctive features of each of the Turkic kaganates separately, regarding issues of diplomatic benefit and strategic warfare.

Key words: international politics, diplomacy, Turkic kaganate, military alliance, Chinese empire, Sogdians, economic ties

Кочевые тюркские образования Евразийского континента середины VI – начала VIII вв. широко изучались не одним поколением как зарубежных, так и отечественных ученых-историков, которые и по сей день проводят значимые исследования не только в области политико-административного и общественно-организационного устройства средневековых империй, но и уделяют немалое внимание их международной активности. Данная потребность в изучении дипломатических отношений дает возможность по новому взглянуть на вопросы внешней политики тюркоязычных каганатов центральноазиатской степи, благодаря последовательному и точному критическому анализу, а также накопленному за 250-летний период исследовательскому материалу, посвященному данной тематике [1, с. 4].

Одним из первых исследователей советского периода в области тюркологии принято считать Л.Н. Гумилева, который в одном из своих трудов, опираясь на письменные источники проводил полный анализ торгово-экономического и военно-стратегического состояния первого Тюркского государства. Так, в военно-политическом аспекте исследователь ссылаясь на стремление тюрков к господствующему положению над китайскими землями, к контролю Шелкового пути и дальнейшему продвижению на запад в погоне за аварами [2, с. 35]. В экономическом аспекте ученым больше рассматривалась протяженность и географическое положение, которое с одной стороны позволяла иметь таких соседей, как Византия, Сасанидский Иран и Китай, а с другой – быть посредником во взаимодействии средиземноморской и дальневосточной культур. Как указывал сам тюрколог, в экономической политике Тюркского

каганата на западном направлении, в отличие от восточного, первостепенную роль играла именно согдийская дипломатия, которая принимала явное участие в организации торговых караванов по Великому Шелковому пути [2, с. 25–27].

Помимо этого, ссылаясь на переведенные китайские сочинения, Л.Н. Гумилев активно использовал сравнительно-исторический подход в раскрытии сущностных признаков двух каганатов Средневековой степи, образовавшихся в результате раскола Тюркского государства на два «крыла» – западного и восточного (отсюда их названия Западно-Тюркский и Восточно-Тюркский каганаты). Автор стоит на позиции полного противопоставления двух осколков ранее могущественной кочевой империи, как в вопросах ведения внешней дипломатии, так и в выборе военного союзника и торгово-экономического партнера.

Отечественный ученый Ю.С. Худяков в своем учебном пособии, используя исторический метод, обобщает результаты трудов Д.Г. Савинова, Л.Н. Гумилева, С.Г. Кляшторного и др., проводя полный системный анализ их работ, касающихся дипломатии Тюркского каганата. Исходя из этого, основную роль в возвышении и последующем развитии первого каганата Ю.С. Худяков уделяет непосредственно Северному Китаю, который происходил из сяньбийской династии Тоба-Вэй. По мнению автора, именно увеличение численности и влияния тюрков в степях Евразийского континента, а также заключение первоначального дипломатического союза с Китайской империей способствовало освобождению тюркского народа от вассальной зависимости Жужанского ханства и, в результате, позволило одержать победу над ним. В дальнейшем Тюркский каганат проводил довольно радикальную политику по отношению к Китаю, фактически делая его своим вассалом [3, с. 58–59].

Вместе с тем, по мнению Ю.С. Худякова, экономическая политика первого кочевого государства, в котором немалую роль играл согдийский этнос, имела схожую тенденцию с торгово-дипломатическим и военным курсом Западно-тюркского каганата. Так, развитая в торговом отношении Византийская империя, заключив торговое соглашение с номадами, в первую очередь видела в тюркоязычных кочевниках не экономических партнеров, а военных

союзников, которые могли бы оказать значительную помощь Западной империи в борьбе с Сасанидским Ираном и обеспечить защиту греков во внешнеполитическом пространстве [4, с. 107–110].

Опираясь также на археологические данные, ученый указывает, что на территории Средней Азии отмечается большое количество византийских монет VI в., найденных в погребениях Восточного Туркестана, что говорит об активной греко-тюркской торговой деятельности в период раннего Средневековья [4, с. 98].

При анализе международной обстановки вокруг Западно-тюркского каганата необходимо указать позицию С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова. Исследователи ссылались на то, что Западная часть империи, включавшая в себя Джунгарию и часть Восточного Туркестана, не надолго смогла исправить свою экономическую и внешнеполитическую ситуацию в лучшую сторону, путем обогащения правящей ханской верхушки и расширения своей территориальной экспансии на восточном направлении. Но в дальнейшем, как отмечает Д.Г. Савинов, в результате внутренней межплеменной войны и династийной междоусобицы, произошло вторжение на территорию каганата войск Танской династии, пришедшей к власти в Китае в 618 г. в результате гражданской войны. В итоге, в 657 г. ополчение Западно-тюркского государства потерпело поражение, и управление каганатом стало осуществляться через китайского ставленника [5, с. 22].

В одной из своих статей номадолог С.А. Васютин, применяя метод моделирования, исследует проблему взаимоотношения кочевых nomadов Центральной Азии и Китая, в которой касается концепции «биполярного мира» Т. Барфилда. По данной теории рост могущества Тюркских государств определялся экономической эксплуатацией Китайской империи, что поддерживало существование более или менее устойчивых государственных структур (имперских конфедераций) в степи. При этом сам автор уделяет частичное внимание данной концепции, считая, что возвышение каганатов определяется не централизацией экономики Китая и ростом его ресурсов, а разделением Поднебесной на несколько царств и кризисом династий Суй и Тан. Но, все - таки, С.А. Васютин соглашается с теорией «биполярного мира» как одной из возможных моделей взаимодействия первого Тюркского и

Восточно-Тюркского каганатов и Китая, тем самым признавая заслугу мир-системного подхода Т. Барфилда и обобщая сходство вышеперечисленных каганатов в вопросах ведения эксплуатационной политики по отношению к Китайской империи [6, с. 34–39].

Однако, несмотря на вышеперечисленные положения, можно частично опровергнуть концепцию «биполярного мира» Т. Барфилда, определяющую экономическое могущество кочевых империй (Тюркских каганатов) только через эксплуатацию жизненно важных ресурсов развитого Китая в ходе опустошительных набегов. По мнению С.А. Васютина, сами походы, в первую очередь, являлись неотъемлемой частью военной дипломатии, в процессе которых тюрки пытались отстоять у императора свои торговые и финансовые интересы. Вместе с этим, экономический рост степной империи происходил и за счет фискальной системы, которой облагались все зависимые от каганата народы; и военной добычи, найденной на территории Средней Азии; и товаров, попадавших в степь в результате караванной торговли и обмена с другими государствами [6, с. 34–39].

Исследователь А.М. Мамадазимов в своём труде «Выход на мировую арену согдийской дипломатии...», анализируя большое количество арабских письменных источников, проводит общенаучный метод анализа в вопросе формирования согдийской дипломатии и ее выхода на мировую арену. Автор полностью придерживался позиции Л.Н. Гумилева относительно согдийского вопроса. А.М. Мамадазимов также считал ключевым торговым фактором именно согдийцев, которые имели союзнические отношения с Тюркским и Западно-Тюркским государством в проведении международной торговли шелком, что поставило кочевников в один ряд с другими торговыми империями, успешно конкурирующими между собой на маршрутах Великого Шелкового пути [7, с. 157–162].

Кроме того, по мнению историка, основной стратегической задачей экономики тюркских кочевников за все время существования каганатов была именно борьба за контроль над маршрутами и узловыми пунктами Шелкового пути. Это свидетельствует не только о получении дополнительного экономического заработка, путем

охраны и пропуска торговых караванов через тюркские границы, но и о косвенном участии тюрков на данном маршруте, соединяющим Северный Китай со странами Средиземноморья [7, с. 157–162].

В заключении, необходимо рассмотреть точку зрения отечественного ученого Н.Н. Серегина, который при изучении внешнеторговой деятельности кочевников опирается на археологический материал. По утверждению автора, примером яркого экономического и культурного взаимодействия Тюркского государства и Поднебесной империи является Бугутский памятник, расположенный в Монголии, северо-западной от поселения Бугут, значимым элементом которого является известная стела. Подчеркивая активное развитие торговли кочевников на восточном направлении, исследователь Н.Н. Серегин уделяет большое внимание представленному руническому памятнику, по его словам, данный комплекс концептуально является уменьшенным и упрощенным воспроизведением традиций обрядовой практики населения Поднебесной империи [8].

Таким образом, благодаря значительному вкладу вышеперечисленных ученых в вопросах международного сотрудничества тюркских каганатов со странами Востока и Запада, включая как военно-политические, так и торгово-экономические отношения, можно проследить некоторые особенности ведения внешней дипломатии у каждой из тюркских кочевых империй. Вместе с этим, обобщая изложенные позиции исследователей, следует отметить и такие схожие черты данных степных образований, как завоевательные походы на вассальные территории с целью сбора дани, экспансивная политика по отношению к Китайской империи; большая роль согдийского фактора на западных маршрутах Великого Шелкового пути и т.п.

Библиографический список

1. Ганиев Р.Т. Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI – первой половине VIII вв. Екатеринбург: Уральский государственный университет имени А.М. Горького, 2006. 23 с.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки (VI–VIII вв.). М., 1967. 504 с.

3. Худяков Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знамёнах. Оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. СПб: «Петербургское востоковедение», 2007. 192 с.
4. Худяков Ю.С. История дипломатии кочевников Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 239 с.
5. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб: «Фарн», 1994. 432 с.
6. Васютин С.А. К вопросу о взаимодействии первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // Вестник НГУ. 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 34–39.
7. Мамадазимов А.М. Выход на мировую арену согдийской дипломатии во времена Тюркского каганата (VI–VII вв.) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 157–162.
8. Серегин Н.Н. Тюрки Центральной Азии: социогенез и этнокультурная история: по материалам погребальных и номинальных комплексов второй половины V–XI вв. н.э.: автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2019. 54 с.

А.В. Калининская

Кемеровский государственный университет,
Кемерово (Российская Федерация)

ВЛИЯНИЕ ТЮРКСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА НА НАСЕЛЕНИЕ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием кочевых народов Саяно-Алтая и его степных предгорий на население Кузнецкой котловины, а также с проблемой культурной и хронологической интерпретаций раннесредневековых погребений. Был использован опубликованный материал из курганного погребально-поминального памятника верхнеобской культуры Ваганово-1. Материалы данного некрополя показывают существенное влияние тюркских традиций на сферу вооружения, снаряжения верхового коня, а также является свидетельством межкультурного взаимодействия различных этнических групп на территории Кузнецкой котловины.

Ключевые слова: средневековые, тюрки, верхнеобская культура, Юго-Западная Сибирь, Кузнецкая котловина, Ваганово-I, погребальный памятник, инвентарь

A.V. Kalinskaya

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)

INFLUENCE OF THE TURKIC CULTURAL COMPLEX ON THE POPULATION OF THE KUZNETSK HOLLOW

The article deals with issues related to the influence of nomadic peoples of the Sayan-Altai and its steppe foothills on the population of the Kuznetsk hollow, as well as with the problem of cultural and chronological interpretation of early medieval burials. Published material from the burial and memorial mound monument of the Verkhneobskaya culture Vaganovo-I was used. The materials of this necropolis show the significant influence of Turkic traditions on the sphere of weapons and equipment riding horse, as well as evidence of cross-cultural interaction of various ethnics group on the territory of the Kuznetsk hollow.

Key words: Middle Ages, Turks, Verkhneobskaya culture, South-Western Siberia, Kuznetsk hollow, Vaganovo-I, funerary site, inventory

Вопрос об этническом взаимодействии коренных жителей Западной Сибири и кочевых народов вызывает дискуссии среди учёных уже с начала XX в. В раннесредневековых могильниках изучаемого региона на основе инвентаря и обряда погребения прослеживаются кочевнические черты, что говорит о наличии контактов между тюрками и самодийцами.

В период с V по VI вв. население Юго-Западной Сибири практически не контактировало с кочевыми народами Саяно-Алтая. Непосредственное проникновение кочевников в регион начинается с середины VIII в. Это подтверждают погребальные памятники, имеющие южные кочевнические черты в обряде погребения и инвентаре [1, с. 58]. Взаимоотношения местного населения и кочевников продолжались несколько веков, в результате чего в первой половине II тыс. появились предки современных аборигенных народов Западной Сибири [1, с. 59].

В этот период на Алтае формируется сrostкинская культура, элементы которой распространяются и на другие территории.

Датировка памятников данной культуры определяется второй половиной VIII – XII вв. н. э. При исследовании погребений выяснилось, что ведущим компонентом в процессе формирования новой общности стал тюркский, вторым компонентом выступал самодийский [2, с. 333].

На фоне данных процессов появляется проблема в культурной и хронологической интерпретации раннесредневековых погребений. К тому же, нет письменных источников, которые могли бы подтвердить данный процесс в регионе; сложно сказать и о характере взаимодействия пришлых народов с местным населением. Данная проблема освещается в трудах таких авторов, как Д.Г. Савинов, В.А. Могильников, Т.Н. Троицкая, Л.А. Чиндина, А.В. Новиков, А.С. Васютин, В. В, Горбунов, А.М. Илюшин, С.А. Васютин и др. Исследователи в полной мере затронули вопросы хронологии и периодизации археологических культур региона данного времени, пути и времени распространения тюркского влияния. Влияние кочевников на оседлое население можно проследить по следующим элементам инвентаря: предметы оружия, конской упряжи и торевтики, которые являются аналогиями инвентаря тюркских погребальных памятников сопредельных территорий, таких как, например, Кудыргэ [3, с. 104].

Одним из археологических памятников Кузнецкой котловины, в котором прослеживаются элементы тюркской культуры, является Ваганово I. Вагановский курганный некрополь, датируемый IX в. н.э., расположен в Промышленновском районе Кемеровской области. Он находится на стыке двух геоморфологических образований Кузнецко-Салаирской горной области – межгорной Кузнецкой котловины и Салаирского кряжа. Данный могильник был исследован в 1959 г. А.И. Мартыновым, указавшим на его месторасположение в 3 км к северо-востоку от с. Ваганово. Раскопки данного некрополя длились с 1991 по 1998 гг. под руководством к.и.н., с.н.с. А.С. Васютина [4, с. 14]. Могильник состоял из 16 грунтовых насыпей, которые располагались нечетким рядом по линии север-юг, в этом же направлении были ориентированы длинные оси насыпей курганов, иногда смещаясь на северо-восток – юго-запад [4, с. 5].

Исследователи столкнулись с проблемой культурной интерпретации погребений данного могильника. Обряд погребения представлен трупосожжением вместе с частью инвентаря. С одной стороны, данный обряд появился ещё предположительно в IV–V вв., VII–VIII вв. у местного населения, т.е. у самодийцев, угро-самодийцев и угров, с другой – массовое распространение обряда кремации сопровождалось одновременным появлением тюркских ингумированных погребений с сопроводительным захоронением лошадей [4, с. 21].

Массовый материал археологического памятника Ваганово-I был рассмотрен по таким критериям, как оружие, снаряжение верхового коня и украшения. Исследователи не стали использовать для прямого датирования керамический комплекс в связи с отсутствием чётких критериев в установлении хронологии. За основу была взята классификация инвентаря, предложенная С.В. Неверовым и была дополнена исследованиями аналогичных материалов из сrostкинской культуры [4, с. 35].

Проанализировав все три группы инвентаря, о которых было сказано выше, исследователи пришли к мнению, что типологические особенности инвентаря памятника Ваганово-I прямо сопоставимы с хронологическими группами погребального инвентаря кочевников северо-западных предгорий Алтая, ограниченными рубежом VIII–IX вв. – началом X в. [4, с. 48]. Что касается обряда погребения и жертвенных комплексов, то многие признаки известны в погребальных обрядах и верхнеобской, и сrostкинской археологических культур.

Таким образом, вагановский курганный некрополь подтверждает существенное влияние тюркских традиций на сферу вооружения, снаряжения верхового коня, а также является свидетельством межкультурного взаимодействия различных этнических групп на территории Кузнецкой котловины, в результате чего начала формироваться басандайская культура.

Библиографический список

1. Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. На северной границе кочевого мира. Дописьменная история населения

юга Западной Сибири раннего средневековья. Томск: Томск. гос. пед. ун-т, 2008. 204 с.

2. История Алтая: в 3-х т. Т. 1 : Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та ; Белгород : Константа, 2019. 392 с.

3. Васютин А.С., Онищенко, С.С. Кочевнические компоненты в материальной культуре населения Верхнеобской культуры Кузнецкой котловины (VII–X вв. н. э.) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2010. №3. С.103-115.

4. Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н. э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.

А.Б. Кенбаева

Жетысуский университет им. И. Жансугурова, Талдыкорган
(Республика Казахстан)

ТРУДЫ АРАБСКИХ ИСТОРИКОВ И ГЕОГРАФОВ О ТЮРКСКОМ МИРЕ

В данной статье рассмотрены труды арабских историков и географов, в которых содержатся исторические свидетельства и тюркском мире. Проанализированы основные научные достижения арабских историков и географов, рассмотрен их жизненный путь.

Ключевые слова: Арабские историки, арабские географы, труды, тюрки

A.B. Kenbaeva

Zhetisu university after named is I.Zhansugurov, Takdykorgan (Kazakhstan)

WORKS OF ARABIAN HISTORIANS AND GEOGRAPHERS ABOUT THE TURKIC WORLD

This article examines the works of Arab historians and geographers, which contain historical evidence and the Turkic world. The main scientific achievements of Arab historians and geographers are analyzed, their life path is considered.

Key words: Arab historians, Arab geographers, works, Turks

Труды арабских историков и географов имеют большое значение для изучения истории тюркского народа. Арабские исторические и географические труды представляют значительный комплекс источников, на основании которых современная наука может реконструировать исторические процессы в странах, входивших в средние века в круг влияния арабской культуры. Так, территория современного Казахстана в VI–XIII вв., была тюркоязычной, однако, в X в. принятие ислама, распространение новой религии и письменности привели к изменениям как в духовной, так и материальной культуре. Но самое важное, произошло знакомство арабских мыслителей с огромной тюркоязычной общностью. Арабские исторические источники о тюркских народностях представляют ценные сведения.

В первую очередь, необходимо отметить фрагмент, написанный аль-Джахизом «Послания Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и всего халифского войска», котором автор приводит интересные сведения о тюрках: «Тюрки не знают ни мести, ни обмана, ни лицемерия, ни наущничества, ни притворства, ни клеветы, ни высокомерия к близким, ни притеснения сотоварищей, они не подвержены пороку ереси, не присваивают имущество по причине различного толкования закона. Их недостаток и причина их страданий – тоска по родине, стремление к странствиям, страсть к набегам, влечение к грабёжам и сильная привязанность к своим обычаям... Более всего побуждало их к бегству, влекло назад и вызывало у них отвращение к длительному пребыванию на месте неосведомленность о своих способностях, неведение своих достоинств и пренебрежение благоприятными моментами их применения и использования. И когда поставили их в одинаковое положение с другими воинами, они не захотели быть в последних рядах и в числе всяких других, не захотели пребывать в среде простого воинства и раствориться в общей массе воинов, они сочли это недостойным себя и указали, что им нужно, и увидели они, что им не пристало терпеть притеснения и пребывать в безвестности. Они хуже относятся к тому, кто не знает об их правах, чем к тому, кто пытается сознательно лишить их этих прав. И когда случится им иметь над собой терпеливого владыку, сведущего в судьбах людей, не потакающего дурным обычаям, не попустительствующего

низменным страстям, не отдающего предпочтения одной стране перед другой, управляющего со знанием дела, где бы ни управлял, следующего истине во всем, что бы ни делал — останутся тогда те из них, кто понял свою удачу, стал исповедовать истину, отказался от дурных обычаев, избрал для себя истинный путь, оторвался от своей родины, отдал предпочтение имамату перед тиранией, и оказался благоразумным, вопреки своим привязанностям» [1]. На основании этого отрывка можно сделать вывод, что первоначально тюрки не имели никаких преимуществ перед другими воинами, значит их высокие воинские качества и преданность обременяли казну не более, чем расходы на других воинов.

Следующим необходимо отметить произведение аль-Якуби, мыслителя, который в своем сочинении «Книга стран» (Китаб ал-булдан) приводит ценные сведения о тюркских племенах, населявших территорию Казахстана и Средней Азии. Его произведение содержит обширную информацию исторического и этнографического характера [2]. Автор в этом труде приводит весьма важные сведения о таких тюркских народах, как огузы, карлуки, кимаки, кыргызы и др.

Безусловно, среди трудов, по праву являющихся важным историческим источником о тюркских народах, необходимо отметить работу аль-Масуди «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джавахир». Французский вариант текста содержит важные сведения о трех группах гузов (огузов). В то время как ряд российских исследователей делят огузов на нижних, верхних и средних, французский текст Масуди дает более точное деление гузов на три орды: большая, малая и средняя. Вот отрывок из «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джавахир» в переводе С.Л. Волина: «И на нем [Аральском море] лежит город, принадлежащий тюркам, который называется Новый город [ал- Мадина ал-Джадида]; в нем живут мусульмане. Преобладают среди тюрков в этом месте гузы, частью кочевые, частью оседлые. Это племя из тюрков, оно делится на три группы: нижние (гузы), верхние и средние; они самые храбрые из тюрков, самые маленькие из них ростом, и у них самые маленькие глаза» [3].

В сочинении арабского мыслителя аль-Марвази гузы (огузы), которых насчитывается 12 племен, относятся к числу наиболее

могущественных тюркских народностей. По описанию мыслителя, гузы, приняв ислам, стали называться туркменами. Они одолели неверных и прогнали их. Те отошли от Хорезма к местопребыванию печенегов. Туркмены распространились по мусульманским странам, они стали царями и султанами. Вот как аль-Марвази рисует миграцию племен: «Куны прибыли из страны Китай, боясь китайского хана (под «кунами» надо понимать киданей или каракитаев). Они христиане несторианского толка. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их числа Акиндж Качугар Хорезм-шах. Их преследовал народ, который называется кай. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Тогда куны переселились на землю шаров, а шары ушли в землю туркмен. Туркмены переселились на восточные земли гузов, а гузы переселились в землю печенегов, поблизости от берега Черного моря» [4]. При этом, аль-Марвази подчеркивает, что «тюрки - великий народ» и отмечает, что из многочисленных тюркских племен одни живут в городах и селениях, другие - в степях.

Важным источником по истории тюркских народов выступает рассказ аль-Марвази о карлуках, которые в прошлом «обитали на горе Тунис (Тулис), а эта гора из золота. Они были рабами тогуз-гузов и восстали против них. Оттуда они вышли в мусульманские страны. Их 9 групп: 3 - джигили, 3 - баскиль, I - булак, I - куқыркин, I - тухси». В этом рассказе ценной информацией является, безусловно, сообщение о Золотой горе (Алтай), о зависимости карлуков от тюрков (тогузгузов) и девятиплеменном составе карлуков [5]. Следует подчеркнуть, что в этом источнике приводится структура, общественный строй, политика, переселение тюркских народов.

Помимо вышеизложенных трудов наиболее ценные сведения о тюрках описывается в сочинении анонимного автора X в. «Худуд ал-алам», который является особо значимым историческим источником по истории тюркских народов. Анонимный автор дает ценнейшие исторические сведения, без которых история тюркских племен и народов была бы далеко не полной. Автор дает подробное описание тюркского общества, выделяя наиболее существенные элементы: на первое место автор ставит - природные, климатические характеристики, на второе - религию, лишь на третье

место - язык и на последнее место - форму правления. Описывая область расселения тогуз-гузов, автор отмечает, что «она больше всех других областей тюрков, и что цари всего Туркестана в древние времена были из тогуз-гузов». Из контекста видно, что для автора тогуз-гузы и тюрки - один народ. Такая трактовка явно не совпадает с распространенным мнением о тождестве тогуз-гузов и уйгуров. Теперь становится понятным, почему Махмуд Кашгари никогда не употреблял вместо тогуз-гузов слово уйгур. Автор говорит о тогуз-гузах, как о воинственных и хорошо вооруженных кочевниках, указывает на то, что «старшинами его [Кашгара] в давние времена были халлухи (карлуки) или йагма». В описании автора хырхызы - люди, напоминающие нравом диких зверей, с грубым лицом, малым количеством волос, несправедливые и безжалостные, отличающиеся воинственностью [6].

По мнению автора, область карлуков самая заселенная и богатая среди всех тюркских областей. В области есть города и деревни. Часть карлуков - охотники, часть - земледельцы, часть - пастухи. Люди они воинственные и склонны к набегам, заключает автор. Среди населенных пунктов в области карлуков отмечаются, например Кулан, Мирки, Нункет, Ганкесир, Тузун-Балыг, являющийся между карлуками и йагма. Поблизости от Иссык-Куля, по «Худуд ал-алам», проходит граница между карлуками и чигилями. «Барсхан -- город на берегу озера (Иссык-Куля), благоустроенный, богатый. Правитель его из карлуков, однако народ держит сторону тогузгузов, отмечает автор» [7].

В заключение следует сказать, что арабские письменные источники историков и географов занимают значительное место в источниковедческой базе по изучению истории тюркских народностей. Благодаря этим сведениям, современные исследователи могут существенно дополнить историю тюркоязычных народов.

Библиографический список

1. Средневековые исторические источники Востока и Запада. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Jahiz/frametext.htm>

2. Якуби. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Якуби>.
3. Ал-Масуди. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Masudi_3/framepred.htm
4. Аль-Марвази – автор, писавший о принявших ислам русах, богатых печенегах и аль-Халладже. [Электронный ресурс]. URL: <http://islamosfera.ru/al-marvazi-avtor-pisavshij-o-prinyavshix-islam-rusax-bogatyx-pechenegax-i-al-xalladzhe/>
5. Карлукский каганат. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Карлукский_каганат
6. Худуд-ал-Алам. [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/hazarskiinformograf/home/hazar-skaa-biblioteka/a-bibliografia-na-sajte/hudud-al-alam/hudud-al-alam-stati-1-22>
7. История тюркских народов в арабских исторических источниках. [Электронный ресурс]. URL: https://studbooks.net/539616/istoriya/istoriya_tyurkskih_narodov_arabski_h_istoricheskikh_istochnikah

В.Д. Левчук

Жетысуский университет им. И. Жансугурова, Талдыкорган (Казахстан)

ТРУДЫ ТЮРКСКИХ УЧЕНЫХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье анализируется письменное наследие, оставленное средневековыми тюрками. Наследие тюркских мыслителей имеет важное значение для всего хода развития тюркской духовной культуры и их представляет актуальность и сегодня. Труды тюркских ученых по праву являются важным историческим источником средневековой эпохи.

Ключевые слова: тюркские ученые, казахская степь, философия, ислам, мыслители

V.D. Levchuk

Zhetisu university after named is I. Zhansugurov, Takdykorgan (Kazakhstan)

WORKS OF TURKISH SCIENTISTS AS A HISTORICAL SOURCE

The article analyzes the written heritage left by the medieval Turks. The heritage of Turkic thinkers is of great importance for the entire course of development of the Turkic spiritual culture and is still relevant today. The works of Turkic scholars are rightfully an important historical source of the medieval era.

Key words: Turkic scientists, Kazakh steppe, philosophy, Islam, thinkers

Творчество ученых и мыслителей казахской степи является веским свидетельством того, что древнетюркское письмо обладало политическим, государствообразующим признаком, традиции которого достигли совершенства в последующих веках. Сохранение живого тюркского языка способствовало росту этнического самосознания, расцвету литературных, культурных и теологических традиций. Наряду с арабским и персидским языками, тюркский был литературным языком, а также выступал языком международного общения. Политические катаклизмы, социальные потрясения, природные катастрофы не остановила процветание тюркской письменности и культуры.

Свидетельством развития литературной традиции тюркских народов является деятельность таких великих ученых, как Аль-Фараби, Кашгари, Ахмед Иугенеки, Жусупа Баласагуни.

Одним из этих ученых является Аль-Фараби – великий ученый-философ, астроном, математик, медик средневекового Востока. Аль-Фараби (полное имя ученого Абу Наср Мухаммед ибн Мухаммед ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби ат-Турки) родился в городе Фарабе на Сыр-Дарье в 870 г. Тематика его трудов весьма обширна и изначально его интересовали теоретические основания различных наук, их философский смысл. Аль-Фараби уделил значительное внимание трудам античных философов. Часто это были не просто пояснения к античным текстам, а парафразы, позволявшие их автору выражать собственные идеи как бы «от имени» авторитетного античного ученого. По мнению исследователей, на работах Аль-Фараби, таких как «Энциклопедия наук», «О происхождении наук», трактаты по философии и другие, формировалось мировоззрение Ибн Сины, Омара Хайяма, Да Винчи, Бэкона [1].

Следующий тюркский ученый Ходжа Ахмет Яссауи – суфийский поэт, один из первых суфийских мистиков в тюркоязычном мире. По происхождению считается тюрком. Писал на чагатайском языке. В своих трудах уделял большое внимание исламу и его сути. работе «Дивани хикмет» раскрывает основные правила и принципы мусульманства. Так, шариат – свод законов ислама, обычаев и традиций. Тарихат – суфийское учение. Хакихат – приближение к богу. Магрипат – познание религии. По Ахмету без шариата, тарихата и магрипата нельзя достичь хакихата, нельзя приблизиться к богу. А. Яссауи призывает к набожности, терпеливости, покорности, он убеждает всех в истинности слов (хадиса) пророка: «Основна веры - совесть». В загробном мире это «Золотой мост», ведущий души в рай. Он призывал людей стать честными, добрыми, милосердными [2].

Важную роль в развитии тюркской литературы сыграл Ахмед Иугнеки, мыслитель XII в., который оставил потомкам работу «Хибат ул-Хакайк» («Подарок истины»). Основные мысли его книги – польза знания, основы морали и человечности. В его книге отразились черты морали, существовавшие в то время среди населения Южного Казахстана [1].

Одним из выдающихся среднеазиатских ученых и мыслителей XI в. по праву считается Махмуд Кашгари (Махмуд ибн аль-Хусейн ибн Мухаммад), который родился в Кашгаре, жил и занимался наукой в городе Баласагуне [5]. По Махмуду, человек должен стремиться «к добродетели, приобретая ее, не быть гордым». Все зло Кашгари видит в мешанстве. «Вещи и имущество человека — его враги... Собрав богатство, думай, что низвергся поток воды — словно валун, катит оно своего обладателя вниз... Все мужи испортились из-за вещей. Увидев имущество, они кидаются на него, словно гриф на добычу... Они держат свое имущество, заперев его, сами не пользуются, плача от скупости, они собирают (копят) золото. Из-за имущества, не памятуя о боге, сыновей, родственников они на самом деле все душат». Махмуд Кашгари хотел, чтобы его книга «передала потомкам наследие народа в неизменной форме, обрела крылья в далекий и прекрасный мир, оставила неизгладимый след». Уникальным памятником тюркской диалектологии раннего

средневековья считается книга Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк».

Говоря о тюркских мыслителях, нельзя не сказать о Юсуфе (Жусипе) Баласагуни. Великий тюркский просветитель родился в 1017 г. в городе Баласагун, больше известном как Кыз-Орда. В некоторых источниках говорится, что город Баласагун был торгово-ремесленным центром государства караханидов, социально-экономическую основу которого составляли и оседлые крестьяне и кочевники [7].

Поэма «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание») является энциклопедическим произведением на тюркском языке. Автор в поэме руководствовался политической обстановкой, он стремился научить соотечественников искусству управления на примере таких высокоразвитых государств, как Мавераннахр, Восточный Туркестан. Само произведение не является политическим трактатом, оно охватывает науку и культуру средневековья; поднимает вопросы смысла жизни человека, его судьбы, места и роли в мире. Наряду с этим и проявляется его философское, шаманское, исламское мировоззрение. Представлять философию через поэзию было в традиции средневекового Востока. Вторая особенность поэмы – присутствие различных доисламских верований. В произведении встречаются шаманские понятия; значительное место занимает и исламская идеология. «Кутадгу Билиг» — первое произведение, написанное на языке древних тюрков и полностью сохранившееся. Многие тюркоязычные народы могут считать это произведение истоком или первым шедевром письменной литературы [8].

Следующим в этом почетном ряду необходимо назвать знаменитого историка и литератора Мухаммеда Хайдара Дулати (1499–1551). Мухаммед Хайдар Дулат является автором дастана «Джаханнама», вошедшего в исторический справочник по Могулистану и приграничных ему областей – «Тарихи Рашиди». «Тарих-и Рашиди» содержит много сведений о формировании Казахского ханства, о дальнейших событиях в Жетысу и Восточном Дешт-и-Кыпчаке, падении Могулистана, феодальных войнах, установлении дружеских союзов между казахами, кыргызами и узбеками в борьбе против внешнего врага. В работе также имеется много ценных данных о социально-экономическом положении

Южного и Восточного Казахстана в XV–XVI вв., об исторической географии средневекового казахстанского Жетысу, городской и земледельческой культуре казахов [9].

«Тарих-и Рашиди» охватывает исторические события, происходившие в XV–XVI веках в Казахстане, Средней Азии, Восточном Туркестане, Афганистане, Индии, подробно описывается история правителей Моголистана, взаимоотношения могольских ханов с династией Чагатай и казахскими ханами. Сегодня переведенные на персидский и турецкий языки варианты «Тарих-и Рашиди» хранятся в Санкт-Петербурге, Ташкенте, Душанбе [10].

Таким образом, в X–XII веках у тюркоязычных народов Казахстана появились значительные научные труды и литературные произведения, что было шагом вперед в развитии духовной культуры. Сегодня эти работы, по праву, являются важнейшими источниками по истории раннесредневекового периода на территории Казахстан. Культура каждого народа, каждого писателя или же ученого своеобразна и неповторима, достижения духовной культуры остаются непреложными ценностями всего народа.

Библиографический список

1. Ученые и мыслители Казахстана IX –XII вв. URL: <https://ibrain.kz/istoriya-kazahstana/uchenye-i-mysliteli-kazahstana-9-12-v>
2. Биография Аль-Фараби. URL: <https://www.kaznu.kz/ru/11244/page/>. – 2020.
3. Ходжа Ахмет Иассауи. URL: <http://inform.kz> https://www.inform.kz/ru/hodzha-ahmet-yassau_i_a2182931
4. Развитие науки. URL: <https://itest.kz/ru/ent/istoriya-kazahstana/7-klass/lecture/razvitie-nauki-i-obrazovaniya>
5. Махмуд Кашгари. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2195661>
6. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. URL: <https://www.twirpx.com/file/1314759/>
7. Жусуп Баласагуни. URL: <http://library.kz/ru/elektronnaya-biblioteka/zhusup-balasagun/zhusup-bala-sagun-o-nem.html>
8. Кутманалиева Дж.А. «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни. URL: <https://www.roerichs.com/blagodatnoe-znanie-yusufa-balasaguni/>

9. Мухамед Хайдар Дулати (1499–1551 гг.). URL: <https://www.tarsu.kz/ru/ob-universitete/ustav-targu.html>

10. «Тарих-и-Рашиди». Мирза Мухаммеда Хайдара Дулати об образовании Казахского ханства. URL: <http://bibliotekar.kz/chitat-knigu-onlain-istorija-srednevekov/2-tarih-i-rashidi-mirza-muhammeda-haidar.html>

К. Серкебаева

Кыргызский государственного университет им. И. Арабаева, Бишкек
(Кыргызская Республика)

ВКЛАД ВЫДАЮЩЕГОСЯ РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО Е. Д. ПОЛИВАНОВА В ИЗУЧЕНИЕ ЭПОСА «МАНАС»

В данной статье анализируется вклад в переводоведческое исследование и перевод эпоса «Манас» ученым-лингвистом Е.Д. Поливановым, который имел определяющее значение для становления принципов перевода кыргызской поэзии. Важно отметить, что специальных трудов, тем более анализа и теоретического обобщения по переводу эпоса Манас вплоть до 1935 г. не существовало. Е.Д. Поливановым на основе существующего переводного материала были разработаны основные принципы перевода «Манаса». В статье также рассмотрены некоторые работы ученого, написанные им в период пребывания в Киргизии, посвященные дунганскому и кыргызскому языкознанию и манасоведению.

Ключевые слова: эпос, поэтическое слово, кыргызский народ, кыргызское языкознание, пропагандирование эпоса «Манас», история кыргызского языка, этногенез кыргызского народа.

К. Serkebaeva

Kyrgyz State University. I. Arabaeva, Bishkek (Kyrgyz Republic)

CONTRIBUTION OF THE OUTSTANDING RUSSIAN SCIENTIST E. D. POLIVANOV TO THE STUDY OF THE EPIC "MANAS"

This article analyzes the contribution to the translation research and translation of the epic "Manas" by the linguist E.D. Polivanov, which was of decisive importance for the formation of the principles of translation

of Kyrgyz poetry. It is important to note that special works, especially analysis and theoretical generalizations on the translation of the epic Manas did not exist until 1935. E. D. Polivanov, on the basis of the existing translation material, developed the basic principles of the translation of "Manas". The article also examines some of the works of the scientist, written by him during his stay in Kyrgyzstan, dedicated to Dungan and Kyrgyz linguistics, manas studies.

Key words: epos, poetic word, Kyrgyz people, Kyrgyz linguistics, propaganda of the Manas epos, history of the Kyrgyz language, ethnogenesis of the Kyrgyz people.

Евгений Дмитриевич Поливанов (1891–1938 гг.) – выдающийся русский ученый лингвист, автор фундаментальных трудов по общему языкознанию, научной грамматике, словарей и учебно-методических работ по русскому, японскому, китайскому, дунганскому, узбекскому, киргизскому и другим языкам.

Родился ученый 28 февраля (12 марта) 1891 г. в Смоленске. В 1912 г. окончил Санкт-Петербургский университет. Одаренного молодого ученого оставили работать на кафедре сравнительного языкознания и, до событий октября 1917 г., и после, Е.Д. Поливанов занимался педагогической и научно-исследовательской работой. Назовем лишь некоторые места его работы и должности: приват-доцент факультета восточных языков Петроградского университета (по японскому языку), профессор факультета общественных наук Петроградского университета (с 1919 г.), профессор японского языка Института живых восточных языков в Петрограде, заместитель председателя Научного совета Наркомпроса Туркестанской АССР, профессор Туркестанского восточного института в Ташкенте и Среднеазиатского государственного университета, член Научного совета Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, председатель лингвистической секции Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), профессор кафедры языка и литературы Узбекской государственной педагогической академии, профессор Кыргызского института культурного строительства и педагогического института в г. Фрунзе и так далее. В 1917–1921 гг. – заведующий Отделом печати Министерства

иностранных дел, профессор петроградского университета. С 1921 г. до июня 1934 г. работал в научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях Ташкента и Самарканда в качестве профессора.

Уже при жизни он стал всемирно известным ученым, признанным лидером нового направления в лингвистике. Его труды переводились на иностранные языки, особенно ценились и переводились в Японии. В то же время в родном отечестве делалось все возможное, чтобы замолчать его исследования. Опубликованные научные труды были изъяты из обращения, а неопубликованные рукописи и сейчас находятся за «семью печатями» в секретных фондах недосягаемых архивов. И хотя в последнее время стали появляться статьи и книги о жизненном и творческом пути Е.Д. Поливанова, организуются конференции, посвященные его памяти, изданы избранные произведения, имя его все еще не заняло достойного места в исторической науке. В Кыргызстане, где проходили последние три года жизни и научные исследования выдающегося лингвиста современности, где им написаны труды по дунганскому и кыргызскому языкознанию, по манасоведению, пока что не создано серьезных публикаций о Е.Д. Поливанове, не собраны и не изданы последние его исследования.

В Кыргызстан Поливанов приехал по приглашению Касыма Тыныстанова, известного кыргызского лингвиста и тюрколога, поэта и ученого. Приказом по Институту культурного строительства от 21 июля 1934 г. профессор Е.Д. Поливанов зачисляется «научным сотрудником института в должности действительного члена по дунганскому сектору...».

Некоторое время он продолжает совмещать научно-педагогическую деятельность в Кыргызстане и Узбекистане. Основная его работа в Институте культурного строительства, вскоре переименованном в Институт кыргызского языка и письменности, кыргызский и дунганский языки, составление учебников, словарей, изучение и перевод на русский язык эпоса «Манас». Ученый владел многими языками, быстро мог освоить тот, которым еще не владел; имел обширный круг знакомых среди научной и творческой интеллигенции; увлекательно читал лекции.

Для Кыргызстана, только что вступившего в полосу культурного развития, Е.Д. Поливанов, привлекающий к себе людей огромной эрудицией и ораторским красноречием, был поистине драгоценной находкой.

За время деятельности в Киргизии им написаны десятки работ по лингвистике, составлены описания дунганских диалектов сопоставительные исследования по вопросам грамматики киргизского и русского языков. Е.Д. Поливанову принадлежит ряд оригинальных литературно-художественных произведений и литературных переводов с дунганского и киргизского языков. Последние годы жизни Е. Д. Поливанов продуктивно занимался исследованием, переводом и пропагандированием эпоса «Манас».

В рукописном отделе Национальной Академии наук Кыргызской Республики находится ряд рукописей научно-исследовательских работ и переводов, выполненных во время пребывания в Киргизии.

В указанном архиве были обнаружены также работы Е.Д. Поливанова, посвященные кыргызскому языку, сохранилось четыре, т. н. «киргизских тетради».

Небезынтересны и сегодня, причем не только для специалистов, занимающихся этой проблемой, рассуждения ученого о проблемах истории кыргызского языка и этногенеза кыргызского народа. Е.Д. Поливанов поддерживал гипотезу енисейского происхождения кыргызов, связывая с ним отсутствие в Средней Азии другого тюркского языка, близкого кыргызскому. В то же время он говорит о многочисленных этнических компонентах кыргызской народности – как миграционных, так и местных тьян-шаньских. При этом ученый подчеркивал, что «смешение вполне различных народностей – в отдельных частностях процесс этот (а значит, и история киргизов) остается еще далеко не освещенным и содержит в себе много спорных для современного востоковедения моментов».

Этот тезис большого ученого сохраняет свое научное значение и для современного кыргызоведения, ибо процесс этногенеза кыргызского народа окончательно еще не выявлен, и в современной науке существует несколько гипотез.

Е.Д. Поливанов стоял у истоков реформы национальных языков Средней Азии, а вместе со своим коллегой и другом К. Тыныстановым – у истоков реформы кыргызского языка. Он целиком поддерживает классификацию кыргызского языка по четырем диалектам, установленную, как утверждал ученый, «выдающимся местным исследователем К. Тыныстановым», – юга Кыргызстана, долины Таласа, Чуйской долины, восточной части Северного Кыргызстана. Следует отметить, что Поливанов высоко ценил лингвистические способности своего Тыныстанова. В одной из рукописных тетрадей ученого читаем: «Исследовательская работа Тыныстанова заслуживает безусловного внимания, так как в ней он вполне самостоятельно подошел к той проблеме морфонологии (т.е. дисциплины, изучающей соотношения и взаимные причинные зависимости фонологической и морфологической систем языка), которая лишь в последние годы... стала разрабатываться западноевропейскими лингвистами». Касыму Тыныстанову, одному из первых кыргызских ученых, лингвистов, литераторов и поэтов XX в., в 1936 г. присваивается звание профессора. В этот год только два ученых, глубоко уважающих и поддерживающих друг друга, – Е.Д. Поливанов и К. Тыныстанов были удостоены этого ученого звания. Приведем часть отзыва Е.Д. Поливанова о научных записках Тыныстанова: «...Считаю нужным указать, что: 1. Тов. Тыныстанов, без сомнения, занимает первое место среди языковедов, занимающихся вопросами националов Киргизии. 2. Начав с задания лексикологического характера, тов. Тыныстанов самостоятельно изобрел оригинальный способ (и технический прибор) для исчерпывающего обследования словарного запаса в индивидуальном языковом мышлении (изобретение это может иметь большое теоретическое и прикладное значение). 3. Работа над словарем привела тов. Тыныстанова к вопросам так называемой «морфонологии»... 4. В области языкового строительства Киргизии в деле преподавания киргизского языка тов. Тыныстанов играл и продолжает играть важнейшую роль.

Ввиду вышеизложенного я считаю, что, несмотря на необходимость пополнить свою подготовку чтением европейской лингвистической литературы, тов. Тыныстанов заслуживает звания

профессора по своей специальности. Профессор Поливанов. 10.04.35 г.».

Учеником Е.Д. Поливанова был и К.К. Юдахин, создавший уникальнейший Русско-кыргызский и Кыргызско-русский словари. Очевидно, Е.Д. Поливанов помогал в этой многотрудной работе К. Юдахину. Своим учителем считал Е.Д. Поливанова в те времена молодой кыргызский ученый, а впоследствии крупнейший манасовед Х. Карасаев.

После первого съезда советских писателей в августе 1934 г., на котором в докладе и выступлениях А. М. Горького была декларирована установка на изучение, издание и популяризацию фольклора народов СССР, в Кыргызстане партийные и правительственные органы обратили внимание на эпос «Манас». Решением Киробкома ВКП(б) и правительства автономной республики подготовка эпоса к изданию на киргизском и русском языках была возложена на Киргизский научно-исследовательский институт культурного строительства (КирНИИКС), главным редактором назначен нарком просвещения Т. Джолдошев, были выделены финансовые средства.

С мая 1935 и до 1937 г. Е.Д. Поливанов активно занимался переводом на русский язык, стихотворным переложением и исследованием эпоса «Манас», работал в составе редколлегии и оказывал существенную консультативную помощь русским поэтам-переводчикам. 1 июля 1936 г. редколлегия «Манаса» должна была направить в Гослитиздат 27–30 тыс. строк подстрочников для последующей поэтической обработки и издания первого тома эпоса в 1937 г. Можно считать, что 3205 строк из этого числа принадлежат Е.Д. Поливанову. Подстрочники Е.Д. Поливанова объединены заглавием «Великий поход» (Поход богатыря Манаса на Бейджин Великий»). Они снабжены обширными лингвистическими, историко-культурными, этнографическими, стиховедческими комментариями и отличаются филологической разносторонностью анализа текста при передаче его на русский язык. Возможно, что поливановских подстрочников было намного больше указанного числа.

Е.Д. Поливанову принадлежит пальма первенства поэтического перевода «Манаса» русскими стихами. Очевидно,

впоследствии они оказали большое влияние на становление культуры поэтического перевода героического эпоса.

Изучение эпоса «Манас» рассматривалось как дело особой важности и партийных органов. Прямое участие в нем принимал секретарь Киробкома М. Л. Белоцкий и пред. Совнаркома Б. Исакеев. В середине мая 1935 г. Т. Джолдошев за своей подписью направил в Киробком проект постановления редколлегии по изданию «Манаса». К этому времени Е. Д. Поливанов был уже сотрудником КирНИИКСа, имя его значилось в проекте постановления.

Эпосу «Манас» посвящены три научные статьи Е.Д. Поливанова, написанные в 1935–1936 гг. Их можно считать фрагментами задуманного автором разностороннего исследования киргизского героического эпоса. Под этим углом зрения он изучил труды Ч. Валиханова, В. Радлова, П. Фалеева, ознакомился в рукописи с работой М. Ауэзова о «Манасе». В 1935 г. в газете «Советская Киргизия» и в 1936 г. в журнале «Литературный Узбекистан» были опубликованы подстрочные переводы фрагментов эпоса «Манас», выполненные Е.Д. Поливановым. По мнению И.А. Батманова, их можно считать первым подлинно научным переводом с обширными (если не сказать исчерпывающими) комментариями.

Сам Е.Д. Поливанов писал, что «Манас» бесспорно занимает первое место среди памятников устно-литературного творчества турецких народов как по художественному, так и по научному своему значению. «А по своему объему этот колоссальный эпос, в несколько раз превосходящий «Илиаду», должен занять и мировое первенство как самый длинный (и представляющий собою вместе с тем единое сюжетное построение) эпос из всех известных нам народных эпосов других национальностей». Другой фрагмент «О принципах русского перевода эпоса «Манас» составлен в виде развернутых тезисов и по заглавию совпадает с тематикой доклада Е.Д. Поливанова на расширенном заседании редколлегии «Манаса» 29 декабря 1935 г. [?]

Относительной законченностью отличается исследование Е.Д. Поливанова о киргизском героическом эпосе, обнаруженное в отделе рукописей Национальной Академии наук Кыргызской Республики. Можно выразить сожаление, что эта рукопись,

озаглавленная «Манас», оставалось неизвестной научному миру и невостребованной манасоведением. В ней изложены наблюдения и высказаны идеи, превосходившие многие последующие выводы и открытия манасоведения. Общая оценка киргизского эпоса «Манас», его место в эпическом творчестве народов мира, его культурное, национальное и общественное значение раскрыты с поразительным пониманием предмета исследования. Е. Поливанов особо выделял главы о принципах стихотворной организации эпоса «Манас» при его переводе на русский язык. Установление Е.Д. Поливановым закономерности киргизской версификации, нашло подтверждение в последующих, независимых от него стиховедческих исследованиях, и не утратило своего научного значения.

Исследования Е. Поливанова, связанные с «Манасом», его работы на эту тему наводят на мысль, что у него был грандиозный замысел монографического исследования киргизского героического эпоса и перевода его на русский язык. Замысел не имел продолжения. В 1937 г. редколлегия по изданию эпоса «Манас», в состав которой входил Е. Поливанов, перестала существовать. Литераторы, ученые, партийные функционеры, государственные деятели, принимавшие участие в издании, изучении и переводе киргизского эпоса, один за другим были уничтожены в годы репрессий.

В ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г. во Фрунзе были арестованы К. Тыныстанов и Е.Д. Поливанов. Первый допрос ученого был произведен 4 августа в г. Фрунзе, затем его перевозят в Москву и устраивают допрос с «пристрастием». Сохранилось заявление ученого от 1 октября 1937 г. «начальству следователей, ведших допросы»: «Я обвиняюсь в шпионаже в пользу Японии по ст. 58-1а. Прошу о прекращении тяжелых приемов допроса (физического насилия), так как эти приемы заставляют меня лгать. Добавлю, что я близок к сумасшествию».

То же Е.Д. Поливанов повторил во время суда 25 января 1938 г., добавив, что работал всегда честно и шпионом никогда не был. И все-таки обвинительное заключение от 31 октября 1937 г. по делу Е.Д. Поливанова звучало так: «Винным себя признал...

1. В 1916 г. японским разведчиком Яманаси был завербован в японскую разведку.

2. По заданию японцев поступил в царскую разведку.

3. После Октябрьской революции занимал пост замнаркоминдела (наркомом был Троцкий), сообщая японцам о всей деятельности Наркоминдела.

4. Проводил определенную шпионскую и террористическую работу по заданию японской разведки.

5. Находясь на работе в Средней Азии, передавал японцам по этому вопросу свои развернутые соображения, т.е. обвиняется в преступлениях ст. 58^а УК РСФСР. Вследствие изложенного Поливанов Е.Д. подлежит преданию суду Военной коллегии Верховного суда СССР с применением закона от 1.XII.1934 г.».

Согласно официальным данным, Е. Д. Поливанов был расстрелен 25 января 1938 г. Полностью реабилитирован в апреле 1963 г. Основанием для начала пересмотра дела стало письмо директора Института языкознания АН СССР Б.А. Серебренникова декабре 1962 г. на имя генерального прокурора. Также были рассмотрены показания свидетелей, знавших Поливанова, которые дали положительную характеристику учёному. Через полтора года в Самарканде была организована поливановская лингвистическая конференция, были изданы ее материалы. Вывод современных ученых был однозначным: Е.Д. Поливанов как лингвист – явление мирового значения.

В манасоведении имя Е.Поливанова не упоминалось почти четыре десятилетия. Часть его работ исчезла, по видимому, бесследно. Надо отдать должное тем сотрудникам архива и рукописных хранилищ, кто укрыл от уничтожения дошедшие до наших дней труды всемирно известного ученого-филолога.

Вклад гениально одаренного филолога в переводоведческое исследование и в перевод эпоса «Манас» имел определяющее значение для становления принципов перевода кыргызской поэзии.

Библиографический список

1. Архив политической документации КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1174.
2. Плоских В.М. Е.Д. Поливанов и «Манас». М., 1995.
3. Ларцев В.Г. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988.

4. Поливанов. Е.Д. Киргизский героический эпос «Манас»: Исслед. и пер. Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1999.
5. «Манас». Героический эпос киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1968.

Д.Г. Убей-Конь

Алтайский государственный университет,
Барнаул (Российская Федерация)

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПОГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ
РОССИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА XIX В.)**

Статья посвящена анализу русско-китайских торговых отношений в сопредельных районах Казахстана и Центральной Азии в первой половине XIX в. В ходе исследования были выявлены характер русско-китайской торговли в регионе, определены особенности ее развития, проанализирована деятельность русских властей, чиновников и дипломатов по улучшению и легализации русской торговли в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Цинская Империя, казахские жузы, торговля, экономика

D.G. Ubey-Kon

Altai State University (Barnaul, Russia)

**ON THE DEVELOPMENT OF BORDER TRADE BETWEEN
RUSSIA AND CHINA IN CENTRAL ASIA (THE FIRST HALF
OF THE XIX CENTURY)**

The article analyzes the Russian-Chinese trade relations in the neighboring regions of Kazakhstan and Central Asia in the first half of the XIX century. The study revealed the nature of Russian-Chinese trade in the region, there were identified the features of trade development, the article analyzes the activities of Russian authorities, officials and diplomats to improve and legalize Russian trade in the region.

Key words: Russian Empire, Qing Empire, Kazakh zhuzes, trade, economy.

В первой половины XIX в. русско-китайская торговля в Центральной Азии была незначительная по объему и носила

нелегальный характер. Однако, экономический потенциал региона и наличие устойчивых торговых связей между народами Южной Сибири, Китая и Центральной Азии свидетельствовали о важности формализации и институционализации торговли в пограничных районах. Царское правительство и ведущие торгово-промышленные круги страны внимательно изучали вопрос о рынках сбыта и источниках сырьевых ресурсов. Эта проблема тщательно и всесторонне разрабатывалась виднейшими экономистами и представителями деловых кругов Российской империи. Авторы подавляющего большинства работ, посвященных внешней торговле, сходились на мысли, что России трудно конкурировать с более развитой промышленностью капиталистических государств Запада; соседние же страны Востока, более отсталые, чем царская Россия, могут стать рынком сбыта русских товаров.

Уже в начале XIX в. главы министерства финансов Российской империи и Азиатского департамента настаивали на необходимости активизации русской торговли с Китаем в Центральной Азии. Аналогичной позиции придерживались и представители региональных властей, российские дипломаты и торговцы. Предлагалось уделить внимание развитию транспортных коммуникаций, открытию новых таможенных постов и учреждению торговых слобод по всей Иртышской линии. Так, например, в меморандуме Министерства коммерции в связи с отправлением русского посольства в Китай от 16 января 1805 г. четко прослеживается идея необходимости и выгоды торговли и контактов с Китаем. России также были важны не только пограничные районы, ее интересовали и внутренние города и регионы. «...открывается необходимость употребить у китайского двора домогательство о дозволении свободной торговли по всей Иртышской линии и об отправлении караванов наших во внутренние и пограничные города Китая от имени пограничного начальства...» [1].

Особая роль в организации торговли отводилась Семипалатинску, который занимал выгодное положение и мог стать местом концентрации торгово-финансовых ресурсов в регионе. Расположение Казахстана создавало условия для развития торговых отношений России и Китая. Политика обособления, проводимая в начале XIX в. пекинским двором, создавала трудности для

расширения торгового оборота. Посольство Ю.А. Головкина, направленное Россией в 1805–1806 гг. для урегулирования отношений с Китаем [2–3], не было пропущено в китайскую столицу.

В начале XIX в. в развитии торговли особую роль играли Бухтарминская, Усть-Каменогорская крепости и города Семипалатинск и Петропавловск, которые превратились в экономические центры обмена с Востоком. В Восточный Туркестан через Казахстан доставлялись товары из Тары, Казани, Нижнего Новгорода, Оренбурга. В первой половине XIX в. российское правительство придавало большое значение установлению через Казахстан связей с не только с Китаем, но также с Тибетом и Индией. В 1821 г. министр иностранных дел К.В. Нессельроде сформировал и отправил из Семипалатинска в Кашгарию купеческий караван, который сопровождал отряд линейного казачьего войска. Перед купцами каравана стояла важная задача «выполнить» особое поручение», которое заключалось в том, чтобы доставить письмо российского министра иностранных дел К. В. Нессельроде к махарадже Пенджаба Ранджит Сингху. В письме сообщалось о желании России вступить с ним в «дружественное сношение», чтобы «подданные купцы российские» и индийские «имели свободный проезд во взаимные области» [4].

Близость казахской степи к городам Цинской империи обусловили отправку сюда караванов из Хивы, Бухары, Коканда, Ташкента. В торговле заметную роль играли казахские султаны и родоправители - бии. С 30-х годов XIX в. была значительно увеличена таможенная плата за проход караванов через казахстанские города, установлен контроль над своевременным ее поступлением в казну. Препятствием для торговых связей было отсутствие межгосударственного соглашения между Россией и Китаем по регулированию приграничной торговли. Отсутствие специальных ярмарок сводило казахскую торговлю к меновой.

Широкое обсуждение в правительственных кругах получил вопрос о легализации русской торговли в Синьцзяне. Во второй трети XIX в. русско-китайские отношения резко изменились. Нанкинский трактат заключенный в 1842 г. положил начало серии неравноправных договоров» Китая с европейскими державами. Это позволило России вновь инициировать вопрос о легализации русской

торговли в западных районах Цинской империи. Данный вопрос получил широкое обсуждение в Министерстве финансов, а затем и в Министерстве иностранных дел. В 1845 г. в Кульджу под видом купца был отправлен сотрудник Министерства иностранных дел Н. И. Любимов, впоследствии директор Азиатского Департамента этого министерства. От управляющего министерства иностранных дел К.В. Нессельроде Любимов получил секретную инструкцию [5]. Перед чиновников ставились серьезные задачи: определить выгоды западного края Китая для русской торговли, выявить причины, препятствующие развитию торговых отношений с Западным Китаем, собрать максимальные сведения о торговых путях, ведущих в Чугучак и Кульджу и в Кашгарию из внутренних провинций Китая, выяснить условия расширения русской торговли в Китае и т.д. Вернувшись из Китая, Н.И. Любимов указал на важность и выгоды развития торговых отношений с Синьцзяном, но призывал обеспечить безопасность проезда в Западный Китай, заключить торговый договор с китайскими властями и добиться пересмотра торговых пошлин.

Важная роль в данном процессе отводилась Русской духовной миссии в Пекине, начальник которой П. Тугаринов принял активное участие в переговорах с китайскими властями об открытии для русской торговли городов Кульджи, Чугучака и Кашгара [6]. Активная деятельность российских чиновников и дипломатов способствовала заключению в 1851 г. Кульджинского трактата. Этот договор предусматривал открытие в городах Синьцзяна – Или (Кульджа) и Тарбагатае (Чугучак) русских консульств и факторий, введение беспошлинной меновой торговли, а также установление непосредственной связи между Россией и Китаем через губернаторство Западной Сибири и Илийское главное управление. Первая статья трактата подчеркивала стремление обоих государств к дальнейшему развитию «взаимной дружбы двух держав». Царское правительство предоставило льготы русским и восточным купцам, торговавшим с Синьцзяном, в частности, им гарантировалась восьмимесячная отсрочка в выплате пошлин при перевозке товаров через границы России.

Кульджинский трактат придал русской торговле в Синьцзяне законный характер и ознаменовал новый этап в развитии торгово-экономических отношений двух государств [7].

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. действия российских властей привели не только к легализации русской торговли в Западном Китае, но и способствовали усилению российского влияния в Синьцзяне и Центральной Азии.

Библиографический список:

1. Меморандум Министерства коммерции в связи с отправлением русского посольства в Китай. 16 января 1805 г. // Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX – начале XXI в.: документы и извлечения. Барнаул : Азбука, 2014. Док. № 3. С. 36-40.

2. Документы о посольстве гр. Головкина в Китай: Из бумаг графа Ю. А. Головкина [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1800-1820/Golovkin_Ju_A/text1.htm

3. Пономарева С. А. «Новый» документ о посольстве графа Головкина в Китай в 1805 г. // Уральское востоковедение : международный альманах. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 242–260. [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35098/1/uv6_2015_24.pdf

4. Путешествия российского «купца-дипломата» // Русские путешественники в Индии XIX - начало XX вв. Документы и материалы. М. Наука. 1990. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/Rafailov_M/vved.htm

5. Секретная инструкция управляющего Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде вице-директору Азиатского департамента Н.И. Любимову в связи с его предстоящей поездкой в Чугучак и Кульджу от 9 марта 1845 г. // Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX – начале XXI в.: документы и извлечения. Барнаул : Азбука, 2014. Док. № 22. С. 81–83.

6. Секретное предписание Азиатского департамента начальнику Русской духовной миссии в Пекине архимандриту Поликарпу о необходимости начать переговоры с цинским правительством об открытии для русской торговли рынков Синьцзяна // Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX – начале XXI в.: документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2014. Док. № 24. С. 96–98.

7. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. - 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 346 с.

К.В. Иунина

Алтайский государственный университет,
Барнаул (Российская Федерация)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯСАЧНОЙ
ПОЛИТИКИ У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Данная статья посвящена анализу проведения ясачной политики Российской империи в отношении тюркоязычных народов Сибири в первой половине XIX в. Рассмотрено экономическое положение тюркоязычного населения Сибири и основные виды его ясачной зависимости, изучен количественный состав инородческого населения. Проанализированы изменения в проведении ясачной политики, охарактеризованы цели, задачи и деятельность Второй ясачной комиссии в Сибири, подведены её итоги и изменение зависимого положения тюркоязычных народов Сибири. Выявлены особенности проведения ясачной политики в данном регионе.

Ключевые слова: ясак, Вторая ясачная комиссия, сибирские реформы, тюркоязычные народы, реформы Сперанского

K.V. Iunina

Altai State University, Barnaul (Russia)

**SOME ASPECTS OF STUDYING YASAK POLICY AMONG
THE TURKIC-SPEAKING PEOPLES OF SIBERIA IN THE
FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

The article focuses on the study of the yasak policy of the Russian Empire towards the Turkic-speaking peoples of Siberia in the first half of the 19th century. The economic situation of the Turkic-speaking population of Siberia, the main types of its yasak dependence and the numerical composition of non-Slavs have been studied. The changes in the yasak policy have been analysed, the goals and objectives, the activities of the Second Yasak Committee in Siberia have been defined, the results of the activities and the change in the dependent status of Turkic-speaking peoples of Siberia have been summed up. The features of the yasak policy in the region have been identified.

Key words: yasak, the Second Yasak Committee, the Siberian reforms, Turkic-speaking peoples, indigenous peoples of Siberia, Speransky's reforms.

С присоединением Сибири к Российскому государству правительство обязало сибирские народы уплачивать ясак. Изначально ясак платили в основном пушшиной, но с годами в хозяйстве аборигенных народов всё меньшую роль стал играть пушной промысел, поэтому позже ясак разрешили уплачивать деньгами. В 1822 г. в соответствии с «Уставом об управлении инородцами» ясак был переведён на денежную основу, однако, натуральные повинности коренных народов не уничтожались [1, с. 411, § 296].

Сборы и подати с «инородцев» разделялись на казенные подати, земские повинности и повинности внутренние на содержание степного управления. По форме они разделялись на денежные и натуральные. Так как «Уставом» сибирские народы были разделены на три группы, то и ясачные обязанности у каждой группы были разными. Группы народов, относящиеся к оседлым (татары, часть алтайцев и шорцев), были уравниены в правах и обязанностях с крестьянами, это значило, что круг их податных обязанностей увеличился. Для некоторых это стало большим ударом: если раньше, до 1824 г., они платили по 1 р. 50 к. с человека, то с момента принятия «Устава», после перевода в разряд оседлых, стали платить 11 р. [2, с. 175]. Положение народов этой группы ухудшилось, они стали беднеть, им приходилось уплачивать подушную и оброчную подати, сборы на межевой и пожарный

капитал, отбывать губернские, волостные, в том числе и натуральные, земские повинности и др. [3, с. 52]. В 1827 г. оседлые «инородцы» были освобождены от уплаты ясака и других сборов [4, № 1197].

Что касалось кочующих и бродячих «инородцев», то на них не распространялся никакой новый налог до тех пор, пока не появится указ об этом [1, с. 411, §300]. В основном кочевые «инородцы» вносили ясак пушшиной, хотя могли и деньгами, но боялись, что за выплату денежного ясака их занесут в оседлый оклад, у которого повинностей гораздо больше. Бродячие «инородцы» в соответствии с «Уставом» освобождались от земских повинностей, к которым относилось устройство дорог, предоставление квартир земским чиновникам, содержание подвод для земских сообщений и др.

Одной из целей «Устава» было решить проблемы, стоящие перед правительством относительно сибирских инородцев. Из-за увеличений роли товарно-денежных отношений усилилась имущественная дифференциация, что грозило увеличением недоимок в уплате ясака [5, с. 8]. Из-за развития пушной торговли сократился пушной промысел, что грозило голодом для некоторых коренных народов. Люди просто не могли уплачивать нужную сумму в казну государства, происходили недоимки. Вновь обострилась проблема злоупотребления властей, чиновники оставляли себе часть средств, которые вимали с «инородцев». Родовая администрация под различными предлогами вводила новые обязательные поборы. Вскоре недоимки среди оседлого населения Тобольской губернии лишь по земским платежам составили 342835 руб., среди кочевников податные недоимки составили 42345 руб. [6, с. 27].

Власть понимала, что необходимо навести порядок в политике взимания ясака с коренных народов Сибири, поэтому 21 июня 1827 г. Николай I подписал указ об отправке новой ясачной комиссии в Сибирь (первая ясачная комиссия была учреждена в 1763–1769 гг. в Тобольске). Целью данной комиссии было: составить окладные ясачные книги, утвердить новые подати для кочевых и бродячих «инородцев», выявить, правильно ли разделены народы на разряды в соответствии с «Уставом об управлении инородцами», выяснить, почему в сибирском регионе так много недоимок, а также

рассмотреть жалобы аборигенного населения. Все цели, задачи и порядок действий комиссии были зафиксированы в документе «Общее наставление комиссиям Западной и Восточной Сибири...», который был принят Сибирским комитетом 27 ноября 1827 г.

В состав каждой комиссии входили: два чиновника от министерства императорского двора и один – от министерства финансов [4, с. 1062, §1]. Члены комиссий собирались в отведённых городах (западная комиссия в Тобольске, восточная – в Иркутске), где им предоставляли все необходимые сведения, а также составлялся план посещения мест [4, с. 1064, §19]. Комиссии подчинялись Главному Управлению той части Сибири, в которую они были посланы, в каждой комиссии был Председатель – старший по чину, письмоводитель, переводчик, писцы и казаки. Комиссии сопровождался Чиновником полиции местного округа, а по прибытии в род кочевых или бродячих инородцев Комиссия в присутствии Члена Народной Управы, Родового их Управления и других почётных и лучших родовичей объявляла о цели прибытия [4, с. 1065, §26]. После этого комиссия проверяла последние ревизские списки, разность, если она была обнаружена, собирались сведения о количестве имеющейся в собственности земли, хозяйстве, промыслах, количестве всех сборов и повинностей. При определении, к какому разряду «инородцев» принадлежал род, обращалось внимание на образ жизни и характеристику промыслов этого рода. Если оказывалось, что местным начальством какой-либо род был отнесён к неправильному разряду «инородцев», это записывалось и докладывалось в Главное Управление. По инструкции при определении размеров ясака комиссии следовало принять во внимание: 1) пространство и обилие земли в отношении к земледелию, скотоводству и звероловству; 2) наличие торговых путей и удобства торговли; 3) число работников, т.е. число людей мужского пола, способных к работам и промыслам; 4) объяснения и добровольное согласие родового управления [4, с. 1065, § 32]. Исходя из полученной информации, комиссия определяла размер подати рода, который не отягощал бы население, при этом, новые зафиксированные подати вносились в Окладную книгу со всеми подробностями. Ясак всё так же разрешалось выплачивать пушниной, деньгами или тем и другим вместе. Комиссии также

обязаны были принимать все жалобы инородцев и просьбы о каких-либо нуждах и отправлять их в Главное Управление, а позже доносить о них в Министерство.

По итогам деятельности ясачной комиссии в Западной Сибири было выявлено, что в 1,4 раза выросло количество ясачных по сравнению с 1763 г., когда перепись проводила первая ясачная комиссия, а количество ясачной подати выросло в 3 раза. Таким образом, «по завершении реформы реальное значение ясачной подати по округам Западной Сибири составляло примерно 15% или от 10 до 20% по округам, в которых проживали кочевые и бродячие аборигены [7, с. 182]. 3 марта 1835 г. был издан указ «О вновь положенных на кочевых и бродячих инородцев окладах звериными шкурами и деньгами», в котором устанавливались новые нормы общего родового сбора ясака: 2165 соболей, 451 лисица, 2496 песцов, 4348 горностаев, 53735 белок, а денежный оклад назначался в 65407 руб. [8, № 7917].

По сведениям министерства государственных имуществ состав каждого из инородческих разрядов был следующим: в Западной Сибири проживало 54274 оседлых, 33141 кочевых, 21003 бродячих «инородца». В Восточной Сибири: 14915 оседлых, 191012 кочевых и 11655 бродячих инородцев. При чём, в каждом разряде мужского населения было больше, чем женского [Цит. по: 6, с. 42].

23 декабря 1832 г. было утверждено и опубликовано Высочайше положение Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступивших в христианскую веру», согласно которому инородцы, вступившие к христианскую веру, освобождались от платежа податей на три года, вместе с этим из общего родового сбора вычиталась такая же часть ясачной подати [9, с. 312].

Новые нормы не смогли решить проблем с недостатчей и не улучшили жизнь населения, как изначально задумывалось. Всё сильнее сокращалось количество пушнины, которой «инородцы» уплачивали ясак, их экономическое положение не стало лучше, поэтому проводимые меры нельзя назвать успешными. В первой половине XIX в. правительству Российской империи не удалось провести эффективные реформы для улучшения жизни и состояния тюркоязычного населения Сибири, однако, необходимо отметить

заинтересованность властей в развитии данного региона и возрастание интереса к нему. Впервые за долгое время были проведены реформы, которые касались положения местного населения и были задуманы как меры по улучшению их жизненного уровня.

Библиографический список

1. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание первое. Т. 38. СПб., 1830. 1354 с.
2. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении: Т. 2 / ред.-сост.: С.А. Мансков. Барнаул, Новосибирск: М-во культуры Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, Алт. гос. ун-т, 2019. 331 с.
3. Дамешек Л.М. Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. № 11. С. 51–57.
4. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т. 2. СПб., 1830. 1561 с.
5. Старцев А.В. Пушной промысел и пушная торговля в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987. 213 с.
6. Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. 136 с.
7. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.
8. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т. 10. СПб., 1836. 917 с.
9. Жалсанова Б.Ц. Законодательная политика Российского государства в отношении кочевых народов Сибири (1822–1857 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2011. С. 309–314.

СЕКЦИЯ «ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ»

О.С. Попова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск
(Российская Федерация)

ЛЕКСИКА МИФОВ И ЛЕГЕНД, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ БОЖЕСТВА НИЖНЕГО МИРА В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается лексика мифов и легенд, обозначающих божества нижнего мира в алтайском языке. Выявлены различия в представлениях о божествах нижнего мира у двух этнографических групп алтайского народа – северных и южных алтайцев. Работа представляет интерес для молодых ученых-тюркологов, специалистов по алтайскому языку и другим тюркским языкам, исследователей народной художественной культуры алтайцев.

Ключевые слова: фольклор, этнография, культурный код, нижний мир, Эрлик, Ёльген, алтайцы, лингвокультура

O.S. Popova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

VOCABULARY OF MYTHS AND LEGENDS DENOTING THE DEITIES OF THE LOWER WORLD IN THE ALTAI LANGUAGE

The article deals with the vocabulary of myths and legends denoting the deities of the lower world in the Altai language. The differences in the ideas about the deities of the lower world in two ethnographic groups of the Altai people – the Northern and southern Altaians-are revealed. The work is of interest to young scientists-turkologists, specialists in the Altai language and other Turkic languages, researchers of folk art culture of the Altai people.

Key words: folklore, Ethnography, cultural code, lower world, Erlik, Ulgen, Altaians, linguoculture.

В общеалтайской мифологии рассказывается о том, что под землей есть некое особенное, «загробное» место: там проживают злые духи и умершие люди. По алтайским поверьям, человек после

смерти преобразуется в *ўзўт* - прозрачное парообразное существо с прежним наружным видом и переселяется в загробный мир, схожий со средним. *Ўзўт* проживает там в селениях совместно с погибшими родственниками, сохраняя семейно-родственные связи [1].

В нижнем мире, по представлениям алтайцев, протекают девять рек, которые сливаются в одну реку *Тойбодым* (Я не насытился), по ней текли людские слезы. За рекой размещалось имение *Эрлика* - главы духов нижнего мира [2]. Алтайцы полагали, что *Эрлик* – старший брат *Ўльгена*, верховного божества в шаманизме алтайцев, хакасов и шорцев – грозоносца, молниеносца, а также *Эрлик* принимал участие в сотворении мира и человека.

По рассказам алтайцев о нижнем мире, *Ўльген* и *Эрлик* вместе вершат суд над людьми. Так, *Ўльген*, долго ожидая, не получая вовремя требуемой жертвы и будучи не в состоянии наказать в силу благости своей, извещает *Эрлика*, дабы он привёл в исполнение наказание безответственного человека, и в таком случае человек вдвойне обязан выплатить дань, умиловить жертвами *Эрлика*, а затем исполнить требование *Ўльгена*.

Люди считали, что *Эрлик* - суровое божество, которое настоятельно просит от них жертв. Если не преподнести *Эрлику* жертву или дары он не будет доволен, он направит на людей всевозможные бедствия, болезни и смерть. После смерти провинившегося *Эрлик* забирает его душу к себе, делает ее своим слугой и отправляет на землю причинять зло всему живому. Полагали, что при поднесении жертвы в срок *Эрлик* не только не тревожил людей, но даже посылал своих детей защищать их от нападения любых духов.

У *Эрлика*, по верованиям алтайцев, было семь или девять сыновей. А.В. Анохин опубликовал два отличающихся друг от друга варианта имен сыновей *Эрлика* [2, с. 3–4]. В одном из них перечисляются:

1. *Таи билектү Бай Маатыр*. 2. *Караи*. 3. *Жэс билектү Керей Каан*. 4. *Учар-Каан*. 5. *Јабашы-Каан*. 6. *Көмүр-Каан*. 7. *Шээдэй-Каан*.

Во втором варианте из количества упомянутых выше имен отсутствуют *Учар-Каан* и *Шээдэй-Каан*. Взамен данных духов указаны *Падьши-бий*, *Шингай-Хай*, *Падьши-Керей* и *Темур-Каан*. А.В.

Анохин объяснял данные разночтения тем, что сыновьям *Эрлика* разные шаманы присваивали совершенно разные имена, которые характеризовали их индивидуальность. В мифах они представлены как антропоморфные, железноголовые, темные персонажи, царствующие в своих владениях. В случае надобности *Эрлик* отправлял сыновей в средний мир для наведения порядка в отношениях между людьми и сверхъестественными существами. И здесь сыновья выступали защитниками людей: ловили духов, проникших в аил с враждебными целями, а затем кидали в постоянно бурлящий котел, стоящий «у пасти» ада, который считается адом для подземного мира.

Алтайцы веровали, что у входа во всякий аил стоят на страже сыновья *Эрлика*, считающиеся благодетелями семейства, к которому принадлежал владелец. Из всех сыновей *Эрлика* в качестве стражей у входа упоминаются *Караиш*, *Керей-Каан*, *Темир-Каан*, *Падьыш-ний*, *Бай-Маттыр*. Человек видит в них своих благодетелей, относится к ним с почтением, но опасается их сурового гнева и силы.

Считалось, что у *Эрлика* были не только сыновья, но и дочери. Согласно одной версии их было две: первую звали *Сегис кӧстӱ Киштей эне* (*Восьмиглазая мать Киштей*), вторую - *Эрке Солтон* [2, с. 9]. Встречается и другая версия, согласно которой у *Эрлика* насчитывалось девять дочерей. В заклинаниях их, как правило, изображали бесстыдными и безобразными существами.

Эти общие сведения о нижнем мире и его жителях, размещенные А.В. Анохиным и В.И. Вербицким, сложно отнести к какой-нибудь одной этнической группе алтайцев. Вероятно, их считали характерными для всех алтайцев. В действительности каждая этническая группа алтайцев имела собственные поверья, типичные только для них.

Алтайцы делятся на северных и южных. К северным относятся тубалары, челканцы, кумандинцы. К южным – алтай-кижи. Представители рода алтай-кижи представляли сыновей *Эрлика* гневными, жестокими божеествами, а место их обитания, средства передвижения и другие предметы - железными. Подобные подробности нижнего мира встречаются и в иных заклинаниях, с которыми обращались к данным созданиям. При этом сам *Темир-Каан* представлялся как железный царь, имеющий железные плечи и

утрбу. Любопытно, что алтайцы в честь сыновей *Эрлика* устраивали *тайылга*, на котором просили у них покровительства и благосклонности в будущем. Таким образом, некоторые духи нижнего мира считались покровителями части родов алтай-кижи. Им приносили такие же жертвы, как и другим божествам-покровителям родов.

Л. Э. Каруновская от шамана Мерей из рода тангды, входившего в состав алтай-кижи, записала имена шести сыновей *Эрлика*: *Ерке Солтон*, *Темир-Каан*, *Жалбак Темир Жарынду*, *Какыр*, *Кöös кара* [3, с. 177–178]. Из них у А.В. Анохина упоминались лишь *Темир-Каан* и *Караи*, а *Ерке Солтон* приводилось как имя второй дочери *Эрлика*. Эти различия, бесспорно, связаны с тем, что шаманы имели возможность со своей точки зрения именовать отпрысков *Эрлика*.

Глава духов нижнего мира *Эрлик*, или же, как его почаше именовали, *адам* (мой отец), пользовался особым почитанием у телеутов. Он жил на *чын јер* - истинной земле, далеко за пределами *тенери*, за основанием неба. Помимо этого, по сведениям А.В. Анохина, три мира, составляющие вселенную, не антиподы, а территории, граничащие друг с другом: на краю среднего мира начинаются пути к 17 ханам - 9 верхнего мира и 8 нижнего. Телеуты просили у *Эрлика* детей, и если в семье после жертвоприношений появлялся младенец, называли его рожденным от Ада (*Эрлика*) [1].

У телеутов были в почитании три имени духа нижнего мира, который ведал душами умерших людей - Арбыс-царь, Алдыс-царь и Кундус-царь. Представления теленгитов о нижнем мире и его главе *Эрлике* были идентичны поверьям алтай-кижи и телеутов.

По верованиям кумандинцев, главой духов подземного мира считался *Эрлик*, но одновременно с ним в нижнем мире проживал *Кагыр-Каан*, который распоряжался судьбами людей. В некоторых кумандинских мифах *Кудай* (*Ўльген*), *Эрлик* и *Кагыр-Каан* являются братьями. Верховное божество *Ўльген* наказывал человека только за непочтение к нему и выносил решения (*чаргы*) относительно его последующей участи. Затем решение передавалось *Кагыр-Каану*, который поручал *Эрлику* привести его в исполнение. *Кагыр-Каана* алтай-кижи считали сыном *Эрлика*, живущим на первом слое нижнего мира.

Таким образом, реконструируя взгляды коренного населения Горного Алтая о Вселенной, следует сделать акцент на том, что нижний мир для них не считался местом, которое принадлежит одним лишь духам, подчиненным *Эрлику*. Наличие особых черт в представлениях алтайцев о нижнем мире и его жителях связано с тем, что они до знакомства с христианством и буддизмом считали подземную страну не адом, а местом, куда переселялись умершие и продолжали там жить. Это была обычная часть Вселенной, только с необычными для человека условиями.

Библиографический список

1. Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (Опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск: Наука: Сиб. Отд-ние, 1984. 233 с.
2. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Ленинград: Рос. акад. наук, 1924.
3. Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о Вселенной // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 160–183.

А.Г. Бедушева

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск
(Российская Федерация)

ОБРАЗ КОНЯ В АЛТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается образ коня в алтайской лингвокультуре. Конь является одним из основных символов картины мира алтайского народа. Основное внимание уделено воплощению образа коня в творчестве алтайцев, историческому влиянию коня на развитие народа и его культу. Приведены примеры из творчества алтайских писателей. Проведен анализ научных трудов этнографов, которые занимались исследованием этой темы. Также рассмотрены традиции и культура алтайского народа, где главным элементом является конь.

Ключевые слова: лингвокультура, устное народное творчество алтайцев, этнография; типология; диалектология; тюркология; культ коня

A.G. Bedusheva

Gorno-Altaysk State University, Gorno-Altaysk (Russia)

THE IMAGE OF A HORSE IN ALTAIAN LINGUOCULTURE

The article considers the image of a horse in the altaian linguoculture, which is one of the main symbols of the worldview of the Altai people. The main attention is paid to the embodiment of the image of the horse in the work of the Altaians, the historical influence of the horse on the development of the people and its cult. Examples from the work of Altai writers are given. The analysis of scientific works of ethnographers who were engaged in research of this subject is carried out. Also considered are the traditions and culture of the Altai people, where the main element is the horse.

Key words: linguoculture, spoken folk art of Altaians, ethnography; typology; dialectology; turkology; horse cult

С древних времен образ коня у разных народов передается в качестве неразлучного помощника, друга, кормильца и является неотъемлемой частью быта. В этносе тюркских народов конь, чаще всего, предстает в виде богатырского коня, нередко обладающим мифическими способностями. Образ коня в литературном отражении выражается по-разному, например, в художественной литературе конь - некое божество, источник силы; в научной - ключевое звено в скотоводстве, охоте, земледелии и других видах промысла, а также символ достатка.

Приоритетное значение коневодства складывалось, в первую очередь, из-за кочевого образа жизни. Таким образом, навыкам разведения и содержания лошадей обучали с раннего детства. Учитывая особенности довольно низкого уровня хозяйственного и культурного развития сложно представить быт народа без участия коня. Широкое применение коней в жизнедеятельности нашли отражение в различных источниках, так к примеру, в записях китайских летописей о древних тюрках сказано следующее: «Сила их заключается лишь в верховой езде и стрельбе из лука» [1, с. 34]. Стоит отметить, что благодаря коневодству было положено начало

торговым путям, развитию хозяйства, культурной деятельности и творчеству. Не удивительно, что при всех своих возможностях конь стал любимым животным, без которого кочевники не представляли своей жизни. Нередко коня хоронили вместе со своим хозяином свято веря, что конь будет верным спутником и в загробном мире. Все вышеперечисленное нашло свое отражение в фольклоре, изобразительном искусстве и в других видах ремесленной и промысловой деятельности. Подобные метафоры встречаются практически во всех аспектах жизни. Звезды также сравниваются с конями, кочующими в небе белым табуном. Подобные сравнения усиливают художественную выразительность текста, позволяют создавать национальное своеобразие картин окружающего мира.

В трудах профессора Л.П. Потапова подробно отражена значимая роль коня в развитии древних тюркских племен [2, с. 164–178; 1, с. 31–41]. Автор утверждает, что благодаря широкому применению коня у древних тюрков было положено начало повышению низкого уровня культурной и хозяйственной деятельности. Поскольку конь являлся ключевым животным и отношение к нему было трепетным, он, в первую очередь, изображался на различных петроглифах, коновязях, жилищах племен и на утвари. Также автор описывает своего рода революцию в хозяйственной деятельности - создание деревянного седла и сбруи, а затем и постепенное улучшение этих приспособлений. Если сначала древние тюрки опирались на практичность использования седла и прочих новшеств, которые упрощали управление конем, то со временем они стали уделять внимание красоте и лаконичности этих приспособлений. Всё зависело от назначения коня. К примеру, для боевых коней предназначались расписные доспехи, для хозяйственных коней войлочные одеяла под седла, для торговых коней красивые седла с использованием художественной резки по дереву и элементами плетения кожи. Конечно, многое решало положение в обществе и титул хозяина коня. Чем богаче хозяин - тем лучше собран его конь.

В устном народном творчестве алтайцев конь многократно воспевается, как лучший друг, брат, наставник и спаситель. Например, в героическом эпосе «Маадай-Кара» конь, обладая мифическими способностями часто спасает своего хозяина,

богатыря. В строках эпоса главный герой обращается к своему коню таким образом: «Драгоценный мой конь, когда я высокие горы переваливал, Ты мне луноподобными крыльями служил, когда я бурные реки переезжал, деревянным веслом мне был, Ты - крылья мои, Ты - неразлучный мой друг, умрем - кости будут в одном месте, живы будем - жизнь у нас одна» [3, с. 316].

Советский и российский фольклорист, этнограф Р.С. Липец в своем труде «Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе» отмечает, что героем эпосов выступает богатырь и его конь [4, с. 58–64]. В этом тандеме они выступают равноправными партнёрами, а неподчинение друг другу может привести к гибели. В сравнительном анализе фольклора алтайского, тувинского и хакасского народов ярко выражено поэтизированное родство главных героев с их конем. Авторы сказаний эту связь поддерживают, начиная с самого заголовка эпоса и до самого конца.

В разных источниках слово конь встречается по-разному. Например, жители Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай используют лексему *ат* «конь», а в Онгудайском, Усть-Канском и др. районах распространена лексема *мал* «конь». Отношение человека к коню связано с нормами поведения и воспитания в определенных условиях, в зависимости от характерных особенностей и места проживания. В некоторых источниках упоминается, что лошадь называть «*ат*» не принято из нравственных соображений, что лошадь – это богатство, а значит к ней нужно обращаться «*мал*», чаще «*байлу мал*» – священный конь [5, с. 152–156]. Данный факт упоминается наряду с нормами поведения по отношению к коню. Его нельзя бить по голове, стрелять в неё, держать на привязи в изнурительную жару или в мороз на открытой местности. Помимо лексем «*ат*» и «*мал*» коня называли «*эржине*» или «*эржине ат*», что в переводе означает драгоценный, драгоценный конь, священный конь. Подобное уважение подробно описано в романе «Алан» алтайского классика, писателя и поэта Э.М. Палкина. По сюжету главный герой оказывается в тайге среди ночи со своим конем, к которому ласково и с почтением обращается: «Мой надежнейший друг. Человеку ты приносил всегда одно хорошее. Всегда был помощником! Не жалел для человека своих сил!» [6, с. 156–160]. На протяжении всего романа переживания героя

сопровождаются его верным товарищем - конём, который является, как для автора, так и для главных героев родным существом. В одном из эпизодов романа главный герой вспоминает слова своего отца, который говорил, что его сердцу спокойнее, когда его конь рядом, вне зависимости от обстоятельств и мест где он находится. Таким образом, через подобные сравнительные моменты выражается крепкая связь алтайского человека с природой. В повести «Олтүргем болзом тороны» (Убить бы мне голод...) алтайского писателя и поэта Б. Укачина показывается становление и возмужание главного героя через умение объезжать коня, что считается достоинством алтайского мужчины [7, с. 140–187].

Фольклорный образ богатырского коня имеет историческое прошлое. Это напрямую связано с кочевым образом жизни, активными военными действиями, набегами со стороны соседних племен. При этом конница являлась выражением мощи армии, залогом успеха, а часто и спасителем от верной гибели солдат.

В работе Н.В. Ерленбаевой подчеркивается, что конь в традиционной культуре алтайцев занимает ключевую позицию [8, с. 99–105]. В могилах Горного Алтая найдены курганы, в которых сохранились многие культурные достижения кочевых средневековых тюрко-монгольских цивилизаций. На войлочном ковре из Пазырыкского кургана изображены всадники на скакунах, что свидетельствует о неразрывной связи человека и коня.

Культ коня также нашел свое место среди алтайских пословиц. Так, в одной из них конь сравнивается с крыльями, что также говорит об особом почете этого животного: «*Акча - суу, ат - канат*», что в переводе означает: «Деньги - вода, конь – крылья». Образ коня в пословицах и поговорках употребляется в таких интенциях, как восхваление, поучение, предостережение и наставление. Подобные интенции присутствуют и в сказаниях народных сказителей «кайчы», где конь часто употребляется как «Аргымак ат», «Агрымагым». Как известно, каждое сказание начинается с благопожеланий, в строках которых также встречается упоминание коня. Помимо восхвалений сказителями «кайчы» имитируются топот коня с помощью музыкальных инструментов «комус» и «топшуур».

Значимая роль коня в повседневной жизни алтайского народа остается и в настоящее время. Конь - главный помощник в хозяйстве, показатель достатка и статуса. Конь является символом многих народных поверий, элементом традиций и обрядов. Например, на традиционных свадьбах «Алтай той» для открытия ритуального занавеса «көжөгө» используется камчы, а на перевалах «Боочы» или целебных источниках «Аржан-суу», если не оказалось с собой чистого полотна, алтайцы используют несколько волос из гривы лошади и подвязывают их вместо ленточек «јалама», «кыйра». В некоторых родовых семьях (сеока) на двенадцатилетие племянника дядя дарит жеребенка. А коновязь, в свою очередь, показывает статус хозяина. В традиционной культуре сегодня отчетливо прослеживается духовное единение народа с природой.

Образ коня был и остается одним из основных составляющих элементов в алтайской лингвокультуре. Этот образ, без сомнений, можно назвать связующим звеном между культурами тюркских народов, как дань богатому прошлому и её истории, ведь конь для целого этноса был не только способом передвижения, но и другом, помощником и спасителем. Все, что было связано с конем в традиционном мировоззрении считалось «чистым» и защищающим человека от злых духов. Богатая история алтайского народа и участие коня в его развитии нашло свое отражение в различных видах творчества: истории, эпоса, сказаний, песен, прозе и пословицах. Таким образом конь и по сей день выступает символом величия, достатка, единства с природой и мужества.

Библиографический список

1. Потапов Л.П. Культура алтайцев - наследница древней цивилизации кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 31–41.
2. Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 164–178.
3. Суразаков С.С. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / С.С. Суразаков, И.В. Пухова, Н.А. Баскаков. М., 1973. 465 с.

4. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.
5. Тадина Н.А. Лошадь как сакральный дар с «теплым дыханием» в ритуальной практике алтайцев // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 152–156.
6. Палкин Э.М. Алан. М.: Современник, 1983. 304 с.
7. Укачин Б.К. Убить бы мне голод. М.: Современник, 1983. 208 с.
8. Ерленбаева Н.В. Бытовая лексика алтайского языка. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 157 с.

А.В. Лапуценко

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск
(Российская Федерация)

ОБРАЗ ЧИНГИЗ-ХАНА В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Выявлены особенности образа Чингиз-хана в традиционной культуре казахов. Определена его роль в их культуре на современном историческом этапе. Рассмотрены особенности представления и функционирования образа Чингиз-хана в культуре казахов России и Центральной Азии. Был сделан вывод, что образ монгольского хана в казахской культуре лишь отчасти носит негативный характер. Образ Чингиз-хана сегодня играет воспитательную и мировоззренческую роль, присутствует в экономической и политической идее, является частью национальной идеи о казахской государственности.

Ключевые слова: казахи, образ, традиционная культура, легенды, Россия, сказки, Центральная Азия, Чингиз-хан

A.V. Laputsenko

Omsk F.M. Dostoevskiy State University, Omsk (Russia)
**THE IMAGE OF GENGHIS KHAN IN THE CULTURE OF THE
KAZAKHS OF RUSSIA AND CENTRAL ASIA**

The features of the image of Genghis Khan in the traditional culture of the Kazakhs are identified. His role in their culture on the contemporary historical stage is defined. The features of the presentation and functioning of the image of Genghis Khan in the culture of the Kazakhs of Russia and Central Asia are reviewed. Are showed that the image of the Mongol Khan in the Kazakh culture is only partly barbaric. The image of Genghis Khan is played an educational and ideological role and exploited in the economic and political sphere with the aim of the fighting for the national idea.

Key words: Kazakhs, image, traditional culture, legends, Russia, fairy tales, Central Asia, Genghis Khan

Изучение образа Чингиз-хана в культуре казахского народа необходимо в силу очевидных причин. Казахи являются неотъемлемой частью многонационального населения Российской Федерации, а Республика Казахстан наш ближайший сосед, с которым Россию связывают тесные научные, культурные, экономические, исторические связи. В начале XXI в. Россия и страны Центральной Азии заняты поиском своих исторических корней. Актуальность работы состоит в том, чтобы исследовать неиссякаемый интерес к феномену Чингиз-хана. Данное явление имеет место не только на родине Чингиз-хана в Монголии, но и в Бурятии, Калмыкии, Якутии, Татарстане, Казахстане и других странах. Образ Чингиз-хана является важной частью политической культуры Республики Казахстан. Нередко, в выступлениях подчеркивается родовая связь с наследием Темучина [1]. Этим обусловлен и особый интерес к научному изучению истории рода Чингизидов. На археологические исследования захоронений представителей рода Чингизидов в Республике Казахстан выделяются значительные финансовые средства, а важной задачей остается поиск могилы самого Чингиз-хана. Так, астанинский историк Гизат Табулдин предполагает, что его захоронение может находиться «на одной из трансграничных рек», располагающейся в Монголии, Китае и России. Более того, существует довольно необычная версия о том, что в этих местах покоится трон, преподнесенный Чингиз-хану его старшим сыном Джучи [1]. В своей позиции исследователи опираются на данные китайских средневековых источников, согласно которым в 1221 г. китайский дипломат Чжао Хун пишет в письменных нарративных

документах якобы о троне Чингиз-хана, сидящего «в кресле [сиденье] северных варваров, украшенном головами драконов, обложенными золотом» [2].

В качестве письменных свидетельств, иллюстрирующих образ Чингиз-хана, сохранилось сочинение историка Утемиш-Хаджи ибн Маулана Мухаммад Дости «Чингиз-наме», содержащее набор легенд и этногенеалогических преданий. Оно было написано в г. Хорезме в 1550–1555 гг. Этот источник содержит косвенные данные об образе Чингиз-хана, поскольку был создан более 320 лет спустя после его смерти и написан, возможно, по заказу Иш-султана и ханского двора киргизско-узбекской династии Шейбанидов, правящей в Хорезмском ханстве в XVI в. Основная цель создания этого письменного памятника сводится к тому, чтобы объединить огузские разрозненные племена и создать своего рода идеологию «огузизма» в противовес иллюзорной идейно-мировоззренческой и религиозной концепции под названием «чингизизм», основанной на элементах шаманизма и этногенеалогических преданиях о Чингизовом роде [3, с. 15–21]. Это было необходимо хорезмскому хану, чтобы не позволить Чингизидам сместить себя с престола, поскольку только Чингизиды имели права на власть и для Шейбанидов они являлись главными конкурентами. В сочинении «Чингиз-наме» можно наблюдать факты о деяниях Чингиз-хана и его сыновей после присоединения земель Средней Азии. В этом письменном документе содержатся ценные сведения о разделе Чингиз-ханом Монгольской империи на улусы между четырьмя старшими сыновьями. Орда Чингиз-хана была поделена на Белую, Синюю, Серую и Золотую [3, с. 91]. Становится совершенно очевидным, что действия упомянутых исторических личностей разворачиваются в далеком 1227 г. накануне смерти старшего сына Чингиз-хана Джучи. Темучин выступает в этом тексте не только справедливым государственным правителем, но и любящим отцом, который ничего не жалеет для своих детей и дарит улусы.

Представления о Чингиз-хане в традиционной культуре российских казахов наглядно прослеживаются в работе Г.Н. Потанина, который в ходе полевой работы собрал, а позднее и опубликовал значительный пласт фольклорных источников. В казахско-киргизских сказках часто встречается герой, олицетворяющий собой Чингиз-хана. Имен у этого героя несколько:

Чин-кызь-хань (шын-кызь-хан – рожденный от истинной (непорочной) девицы) или просто Чингис. В сказках отмечается не только различие в именах героя, но и в судьбе, которая ему приготовлена свыше. В одной казахской сказке его матерью является дочь казахского хана, которую тот держал взаперти из-за ее небесной красоты. Забеременев от солнечного луча, красавица была изгнана из родительского дома, посажена в сундук и брошена в море. Волею судьбы сундук попадает в руки богатырю по имени Домбауль. Он берет в жены красавицу, которая помимо непорочно зачатого Чин-кызь-хана родила ему еще четырех сыновей [4, с. 47]. Чингис в сказке выступает главным положительным героем вместе со своей матерью, описывается как человек небесной красоты и необычной силы. В другой сказке можно увидеть близкую сюжетную линию, однако есть существенные различия в происхождении самого Чингиз-хана. Здесь положительный персонаж Чингис рождается от умершего отца Дуюнь-Баяна, который по ночам приходил к своей жене Алангу в виде света, а уходил в виде волка [4, с. 49–52, 190].

Неизвестный респондент из г. Алматы Республики Казахстан поведал названия легенд казахов Семиречья. В СМИ опубликованы три казахские легенды о Чингиз-хане: «Алтын-Эмель» и связанный с ним «Поющий бархан», «Ошак тас» и «Легенда о Сторожевой горе» [5–7].

При подведении итогов исследования можно отметить, что в казахской традиционной культуре образ Чингиз-хана сохранился не только в устных, но и письменных свидетельствах. В историческом сочинении Утемиш-хаджи «Чингиз-наме» образ Темучина хорошо вписан в мусульманские представления о священном и профанном. Облик Чингиз-хана исполняет не только функции справедливого правителя, но и как дарителя и распорядителя присоединенных казахских и киргизских степей. Его образ выступает в качестве деда-старца и примера семьянина, помогающего киргиз-кайсацким племенам в обустройстве и строительстве юрт. В казахских сказках он – положительный персонаж, который ведёт свои исторические корни от сакрального волка («Бортэ-Чино») и прекрасной Лани («Гоа-Марал»). Образ монгольского хана избран Небом.

В легенде «Алтын-Эмель» Чингиз-хан предстает перед нами как персонаж, выполняющий функцию хана-следопыта в

традиционном казахском обществе. Его образ отлично встраивается в систему культов святых в шаманизме. Темучин в легенде «Ошак тас» предстает богатырем, который выполняет функцию спасения мира от зла. В «Легенде о Сторожевой горе» он выступает не только Великим предводителем монгольских войск, но и благородным человеком. Образ Чингиз-хана похож на национального героя Миркасыма Сары. Можно сделать главный вывод, что образ Темучина выполняет воспитательную и мировоззренческую функции в культуре казахов и играет определенную роль в популяризации национальной идеи. Нередко образ Чингиз-хана выступает сегодня аргументом в политической дискуссии. Но, в целом, образ Чингиз-хана выступает объединяющим звеном тюркских народов России и Центральной Азии.

Библиографический список

1. Храбрых О. Я нем, как могила Чингиз-хана // Ежедневная общественно-политическая республиканская газета. 2012. № 41. 3 марта.

2. Садыкова А., Шулембаева Р. Символы власти: К 550-летию Казахского ханства // Казахстанская правда. 2015. N 33. 6 февр. (Начало, продолжение в № 34 от 20 февраля 2015 г.)

3. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

4. Потанин Г.Н. Казак-киргизские материалы // Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. Петроград: Типография В.Д. Смирнова, 1917.

5. Алтын-Эмель – национальный парк. Туры и экскурсии по Казахстану. Туризм и отдых в Казахстане. [Электронный ресурс]. URL: <http://tour4x4.kz/altyn-emel.html>.

6. Национальный парк Алтын-Эмель, лето 2007 (120 км к северу от Алматы, Казахстан). [Электронный ресурс]. URL: <http://fototerra.ru/Kazahstan/120-km-k-severu-ot-Almaty/Shaltaj-2424.html>

8. Стол Чингисхана. Легенда о Сторожевой горе. [Электронный ресурс]. URL: http://kazakh-tv.kz/ru/view/blog/page_182347_stol-chingiskhana-legenda-o-storozhevoi-gore.

Л.Б. Абдильдинова

Жетысуский университет, Талдыкорган (Республика Казахстан)

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

В статье рассматривается история возникновения тюркского языка, проводится анализ существующих дополнения к традиционной классификации тюркских языков.

Ключевые слова: Тюркские языки, семья языков, классификация, миграция, латиница, кириллица, арабский алфавит

L.B. Abdildinova

Zhetisu university, Takdykorgan (Kazakhstan)

TURKIC LANGUAGE

The article examines the history of the emergence of the Turkic language, analyzes the existing additions to the traditional classification of the Turkic languages.

Key words: Turkic languages, language family, classification, migration, Latin, Cyrillic, Arabic alphabet

Сегодня тюркские языки представляют собой значительную языковую группу, включающую более двадцати самостоятельных тюркских языков. Существует также ряд идиомов, довольно близки к тюркским языкам [1, с. 5]. Такое многообразие обусловлено как особенностями исторического развития народов, говорящих на тюркских языках, так и широким распространением тюркских языков в Азии и Восточной Европе. Область распространения тюркских языков простирается от бассейна реки Колыма на северо-востоке до восточного побережья Средиземного моря на юго-западе. По последним данным, общее число говорящих на тюркских языках – более 180 млн чел. В религиозном, культурном и хозяйственном отношениях современные тюркоязычные народы имеют значительные различия, что стало результатом сложных миграционных процессов тюрков начиная с первых веков нашей эры и их расселения на огромном пространстве [2]. Это приводило к аккультурации с новыми этносами, появлением в тюркской речи элементов других языков, а значит, формированию новых диалектов. Детальное членение тюркской языковой семьи является одной из актуальных проблем современной компаративистики.

Существует значительное количество вариантов классификации, различные соотношения классификационных признаков, таких как фонетические, грамматические и лексические особенности, географический и исторический критерии. Одна из наиболее ранних классификаций тюркских языков составлена в X–XI вв. Махмудом Кашгари. В XIX – XX вв. различные ученые в разное время предлагали классификационные схемы, построенные на разных принципах. Можно отметить работы И.Н. Березина, Н.А. Баскакова и других исследователей.

Однако, до недавнего времени ни одна классификация не была сделана с последовательным применением компаративистского метода и не могла претендовать на роль генетической. В последние годы появились классификации, использующие соответствующие методы. Необходимо отметить фоно-морфостатистическую классификацию О.А. Мудрака и лексико-статистическую классификацию тюркских языков А.В. Дыбо [3].

В результате проеденного А.В. Дыбо исследования стословников и установления относительной хронологии генеалогических древне-тюркских языков на основе лексико-статистических данных, позволило прийти к выводу, что начало распада пратюркского языка связано с отделением чувашского от других языков, обычно определяемое как отделение огурской (булгарской) группы. Начало процесса датируется 30-0 гг. до н.э. А.В. Дыбо связывает эту дату с миграцией части хунну из Западной Монголии на запад, через северный Сынцзян в Южной Казахстан, на Сырдарью в 56 г. до н.э [4].

Интерес представляет и морфологическая классификация О.А. Мудрака, который разделил тюркский язык на две группы: восточнотюркские (сибирские) и западнотюркские. Сибирские в свою очередь разделяются на две ветви: якутские и саянские; хакасские и горно-алтайские (в их числе есть киргизский). Западнотюркские языки делятся на карлукские, кыпчакские и огузские. При этом, языки рунических надписей, караханидский, древнеуйгурский и халаджский отнесены к карлукским языкам. Таким образом, классификация О.А. Мудрака говорит о неразрывной связи древнетюркских письменных памятников лишь с карлукской группой языков. Лексико-статистическая классификация тюркских

языков А.В. Дыбо, которая включает меньшее количество языков, содержательно совпадает с классификацией М.Т. Дьячка [5]. Здесь, основными постулатами классификаций являются следующие моменты:

- отсутствие ближайшего родства якутского с саянскими и хакасскими, а огузских с карлукскими и кыпчакскими – это отдельные ветви, не выводимые из орхоно-енисейских языков;

- карлукско-кыпчакские языки не разделяются на карлукские и кыпчакские как отдельные подгруппы – специфических признаков, противопоставляющих карлукские и кыпчакские, не существует; из традиционно выделяемых кыпчакских подгрупп сохранена только ногайская;

- хакасские языки – ближайшие родственники карлукско-кыпчакских, образующие с ними «центральную» группу.

Собственно, тюркские, учитывая по возможности все известные на сегодняшний момент идиомы, можно было бы разделить на такие как языки рунических надписей, горно-алтайские (центрально-уйгурские и карлукско-хоремийские), кыпчакские, огузские, саянские (тобаские) языки, хакасские (кыргызские) и якутские языки.

Не все из таксонов, однако, равноценны: центрально-восточные языки имеют значительное сходство одновременно с кыпчакскими и хакасскими, что препятствует однозначному отнесению, со своей стороны также очень схожи с кыпчакскими; правомерность объединения карлукско-уйгурских так и карлукско-хорезмийских не является общепризнаной.

Тюркские языки включаются в состав алтайской языковой семье. Однако, данное включение не признается большинством специалистов и является предметом научных споров. Типологически тюркский язык относится к агглютинативным языкам, также свойственен сингармонизм. В VIII–X в Центральной Азии для записей на тюркских языках применялось древнетюркское письмо, например, как Орхоно-енисейская письменность.

Современные тюркские языки для письма используют в основном латиницу, кириллицу и арабский алфавит. Письменность на основе латинского алфавита используется в турецком языке, азербайджанском языке Азербайджана, узбекском языке

Узбекистана, туркменском языке Туркмении, каракалпакском, гагаузском, а также планируется для использования в казахском языке в Казахстане и внедрения латинского алфавита в Казахстане будет выполнено в 2025 г. Кириллической письменностью пользуются киргизы постсоветских стран, а также коренные тюркоязычные народы России. Арабскую графику используют уйгуры и другие тюркские народы КНР, а также тюркоязычные народы, живущие в мусульманских странах.

Рассмотрев ряд классификаций можно прийти к выводу, что тюркский язык возник на карлукской (карлукско-хорезмийской) основе, явившейся результатом взаимодействия караханидско-уйгурского языка с местными языками народов Центральной Азии.

По мнению исследователей, несмотря на наличие нескольких региональных вариантов, существовала их общность, обусловленная:

- близостью тюркских языков друг другу и активными культурно-языковыми контактами между разными тюркскими ареалами, исповедавшими ислам;

- использованием букв языка фарси – персидской письменностью, восходящей к арабскому письму, в котором гласные не находили полного отражения в графике, и поэтому одно и то же слово в различных регионах имело вариативное чтение, в соответствии с местной традицией произношения;

- обилием арабо-персидских лексических заимствований.

В ходе исторического развития сформировалось несколько региональных вариантов тюркского языка и тюркских языковых ареалов, находившихся под его влиянием:

- золотоордынский (хорезмско-тюркский язык, огузо-кыпчакский тюрки, кыпчако-огузский тюрки) (XII–XVI вв.);

- золотоордынский кыпчакский (арало-каспийский) – кыпчакско-ногайский (каракалпакский, казахский, киргизско-кыпчакский (киргизский));

- северокавказский – кыпчакский (кумыкский, карачаево-балкарский), кыпчакско-огузский (северный сельджукский) – северный азербайджанский; кыпчакско-ногайский (ногайский); (XVIII – начало XX в.);

– золотоордынский поволжский (старотатарский язык) – кыпчакско-булгарский (татарский, башкирский) (XVII – начало XX в.);

– крымский – крымско-татарские ареалы;

– восточногузский – восточногузский (туркменский, хорезмский, хорасанско-тюрокский);

– среднеазиатский (чагатайский язык, карлукско-хорезмийский) – карлукско-хорезмийский (узбекский, уйгурский).

Таким образом, современная наука располагает несколькими классификациями тюркских языков, однако большинство исследователей, несмотря на различные методы к изучению языка, едины в его происхождении, исторических корнях и большом значении в современном мире.

Библиографический список

1. Древние тюркские языки. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 022800 – Востоковедение. /Авт. КОрмушин И.В. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета Н.Ф Катанова, 2004. – 336 с.

2. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 121–134. URL: <http://philology.ru/linguistics4/baskakov-52.htm>

3. Дыбо А.В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков/ [Электронный ресурс]. URL: http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/Dybo_2007LingvistContactsOfEarlyTurksRu.htm

4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.

5. Дьячок М.Т., Шаповал В.В. Генеалогическая классификация языков. Новосибирск, 2002. - 32 с.

Д.В. Калташева

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск
(Российская Федерация)

ИСТОКИ ПИСЬМЕННОСТИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

В статье с помощью анализа материалов о руническом письме, старомонгольской графики под названием "узук бичик", петроглифов, наскальных надписей рассматривается происхождение письменности тюркоязычных народов. Приведены примеры из петроглифов Калбак-Таша, данные, как тюркские народы в древности наблюдали за небом и небесными явлениями, об их осведомленности о названии планет и созвездий.

Ключевые слова: филология, письменность, родной язык, происхождение языка, тюркология, культура

D.V. Kaltasheva

Gorno-Altaysk State University, Gorno-Altaysk (Russia)

THE ORIGINS OF WRITING OF THE TURKIC-SPEAKING PEOPLES

The article examines the origin of writing of the Turkic-speaking peoples by studying materials about runic writing, old Mongolian graphics called "uzuk Bichik", petroglyphs, rock inscriptions. Examples are given from the Kalbak-Tash petroglyphs, data on how the Turkic peoples in ancient times observed the sky and celestial phenomena, and their awareness of the names of planets and constellations.

Key words: Philology, writing, native language, origin of language, Turkology, culture

В современном мире, когда все меньше людей говорят на своем родном языке, не знают истоков, с каких времен появилась письменность его народа, необходимо изучать историю и передавать свои знания потомкам. «Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ» - сказал некогда К.Д. Ушинский.

Как писал немецкий ученый и лингвист И.Г. Гердер в «Исследовании о происхождении языка»: «Язык выступает важнейшим показателем развитости культуры этносов, а письменность - средством увековечивания наших мыслей, придания

определенности духу и речи, а также средством культурного взаимодействия народов».

Сегодня большинство исследователей едины во мнении, что Алтай является колыбелью тюрков [1, с. 14]. На обширных просторах Алтая широко распространены древнетюркские надписи. В 1981–1983 гг. экспедициями, проведенными Горно-Алтайским НИИИЯЛ и Институтом Востоковедения АН РАН, на территории Горного Алтая зафиксировано 49 уникальных наскальных надписей, из них расшифрована лишь небольшая часть. Эта историческая ценность, к сожалению, сейчас находится под угрозой уничтожения из-за большого наплыва туристов и других неосознанных личностей, которые наносят ред древним текстам.

До распространения письменности на основе русской графики, алтайские племена, проживающие в южной части Алтая, пользовались письменностью на основе старомонгольской графики под названием "узук бичик", которая возникла в середине XVII в. и просуществовала до 50-х гг. XX в., о чем свидетельствуют упоминания Н.П. Дыренковой во введении к «Грамматике ойротского языка» [2]. Алтайцы, живущие по берегу реки Урсул, которые были на тыловых работах во время I Мировой войны, домой писали письма на графике "узук бичик".

Самые ранние дешифрованные письменные памятники тюрков относятся к VII в. н. э. (стелы, написанные руническим письмом, найденные на р. Орхон в северной Монголии). Древнетюркское время также нашло свое отражение на скалах Калбак-Таш. Петроглифы Калбак-Таш широко известны во всем мире. Они расположены на правом берегу реки Чуи между селами Иня и Июдро Онгудайского района Республики Алтай. Там можно увидеть небольшое число сцен охоты на оленей, диких быков, медведей, выполненных техникой граффити, а также руническими письменами, имеющими большое распространение на Алтае в VII–IX вв. Калбак-Ташские надписи, состоящие по разным подсчетам от 29 до 31 строки, представляют собой один из самых значительных памятников рунического письма в Южной Сибири и России в целом.

Рунические надписи на одной из плит были впервые обнаружены в 1980 г. археологом Е.А. Окладниковой при изучении петроглифов; в 1987 г. В. Д. Кубареву удалось найти надписи и на

других скальных плоскостях. Открытия в 1994 г. продолжил И.Л. Кызласов. Расшифровкой занимались В.М. Надеяев, Д.Д. Васильев, М. Эрдал, И.А. Невская и Л.Н. Тыбыкова.

На Калбак-Таше располагался алтарь древних народов, сюда приходили отовсюду, чтобы принять участие в обрядах. Многочисленные молитвенные надписи свидетельствуют о том, что Алтай являлся местом паломничества представителей разных религиозных учений. Здесь тысячелетиями мирно сосуществовали друг с другом различные религии: тенгрианство, буддизм, христианство, манихейство и др. В знак совершения обряда на скальных плоскостях тюркоязычные предки алтайцев оставили такие имена, как Эль-Йеген, Кенч, Юрунг; несколько раз они встречаются со словом "*bitidim*" *написал*, что говорит о важности и значимости написанных и тщательно вырезанных специальными инструментами слов. В подтверждение того факта, что здесь люди молились и в древнетюркскую эпоху, являются отдельные надписи "*arzim*" "О, мой Святой!" (Калбак-Таш VIII), "*eri*" "*очистись*" (Калбак-Таш XI).

На скале имеются надписи, отражающие мировоззрение древних тюркоязычных народов и философское осмысление действительности: *y(er) bangu armis* "Оказывается, земля вечная..." (Калбак-Таш I), *ar banusi yagida* "Бессмертие мужчины во враге", в том смысле, что мужчина свою вечность, свое бессмертие находит в борьбе с врагом (Калбак-Таш XII).

На третьей плоскости почитаемой скалы, изуродованной крупной кириллической надписью, сохранились несколько фигур оленей и некоторые надписи.

Несомненно то, что образованность древних тюркоязычных народов, издревле населявших Алтай и оставивших нам свои письмены на вечных священных скалах Калбак-Таша, показывает современникам высокую культуру и важные черты письменной традиции Алтая в раннем средневековье.

Об этом свидетельствуют достоверные факты, что тюркские народы в древности наблюдали за небом и небесными явлениями в районе Центральной Евразии. Сведения об этом сохранились у некоторых современных тюрков, культура которых мало подверглась исламизации и европеизации, в народных приметах, фольклоре. Они не только знали такие крупные созвездия, как

Большая и Малая Медведица, Кассиопея, Орион, Млечный путь; знали все планеты Солнечной Системы, их цвета, характер их движения; они описывали даже те созвездия, которые в современности переложились на так называемые «знаки зодиака»: Лев, Близнецы, Телец и т. д.

Непрерывное наблюдение древними тюркскими народами и племенами за небом, Солнцем, Луной и другими небесными светилами и явлениями вызывалось потребностями их образа жизни и занятий - охотой, скотоводством, земледелием, торговлей.

Народное видение мира, неба хорошо выражается в наименованиях небесных светил и других явлений, в народных пословицах, поговорках, устойчивых словосочетаниях, фразеологизмах, сохранивших древнейшие представления: киргизское *tobosu kokko jetti* (досл.) «его макушка достигла неба» (о большой радости), казахское *kok soqqan* (досл.) «небом битый» (в смысле проклятый Богом) и т. д.

В трехуровневом вертикальном пространстве (небо, верх - земля, середина - низ, подземелье) небо занимает высшую ступень. Использование в речи образа неба и небесных светил проникает во все сферы духовной культуры тюркских народов. Например, в поэзии это широко распространено, особенно в фольклоре, например казахское выражение *Kokten bulut sogilse, koktep bolmas ne paida?* (эпос *Er Taryun*) «Если в небе развяжутся облака, (т. е. если пойдет сильный дождь), почему бы земле не зазеленеть?».

О том, как хорошо тюркские народы знали небесные светила, количество звезд в созвездиях и характер каждой из них, свидетельствуют в частности их загадки, где названия созвездий заменяются названиями деревьев: *Eki emen, geti terek, alty gaiyn, basynda sapyraiy dajyn-dajyn. Bir sunar, us garajag, bir tal, barsasyn aita berip ne gylain* (каз.) – Два дуба, семь тополей, шесть берез, у каждого свои листья. Одна чинара, три сосны, одинокая ива, зачем мне говорить обо всем (отгадка: Солнце и Луна, Большая Медведица, шесть звезд Плеяд, Венера, Весы, Юпитер).

Средствами измерения времени у народов стали названия небесных светил *kun* - день, солнце; *aj* - месяц, луна; *julduz* - звезда. В качестве объекта поклонения на втором месте после неба стоит Солнце. Наиболее распространенным является слово *kun* в

соответствующих вариантах в современных языках и древних памятниках: *gun, gin, kuwen, kon, hun*. Слово впоследствии приобрело также значение «день» - во всех источниках. А позже употребляли в значении «погода» - *zaman kun* - плохая погода.

Солнце считалось священным. Например, о нем нельзя было сказать, что оно «закатилось, зашло за горизонт», о нем стоило говорить, что оно «стало богатым» - *kun bajdy*, вместо обычного *kun batty* – «солнце утопилось, зашло» (букв.). Появилось много ласкательных слов и выражений: *kunim* - мое солнышко, *kunimdei korkem* - красивая как солнце; женских имен *Kunsuluw* (букв. Солнечная красавица), *Kunaj* (букв. солнце и луна) и т.д. Названия растений *kunbaуar* - подсолнух и т. д.

Пратюрки хорошо знали основные, наиболее крупные, планеты солнечной системы, догадывались об их главной особенности - подвижности, что отличает их от неподвижных, постоянных светил - звезд. Из современных планет солнечной системы древним тюркам известны были помимо Земли, Луны Венера, Марс, Сатурн и Юпитер.

Венера - наиболее известная из всех планет солнечной системы, *colpan* - главное название в тюркских языках. В некоторых языках это слово означает и «звезда»: *Altajdyn colmonu* (ср. алт.) – «Звезда Алтая». Венера обычно связывается в сознании людей с рассветом и восходом солнца: *colpan tuwdu - tan atty* (кум.) – Венера вошла - рассвело. Для тюрка Венера представляет собой обобщенный образ прекрасного: **colpanlardaj gozleri* (кум.) – Ее глаза как Венера - утренняя звезда.

В представлении пратюрков Луна - одно из крупных светил неба, уступающее по яркости только Солнцу, в иерархии величин находится на третьем месте после неба и Солнца. **Aj* - преобладают два его значения во всех языках. Первое: «Луна, месяц как небесное светило», а также «луна как эталон, воплощение красоты», **aj zuzdi* (каз.): луноликая красавица и т.д. Второе значение - единица измерения времени - возникло на основе наблюдений древними тюрками за фазами Луны, повторяющимися через каждые 28 дней.

Среди других планет и звезд древние тюрки выделяли Марс по его особенному красному свету. Наиболее древним, пожалуй, является зафиксированное в памятниках **ot juldus* – огонь-звезда.

Меркурий виделся тюркам как противоположность красного Марса. Поэтому его назвали «водяной звездой» – **suw julduz*. Название планеты Сатурн также отражает особенности ее цвета. В отличие от других планет, древним тюркам она виделась как звезда цвета земли – **topyrac julduz* – земля-звезда. В представлении древних тюрков Юпитер – деревянная звезда – **jyrac jylyuz* – дерево звезда [3].

Осведомленность древних тюрков о знании всех астрономических явлений не может поражать современных людей. Казалось бы, не имея никакой техники, каким образом они наблюдали за небесными светилами и вели записи? Характерной особенностью в названиях крупных планет является то, что в них присутствуют названия света, огня, воды, земли, дерева, что свидетельствует о системности в образовании наименований планет и их тесной взаимосвязи со стихиями.

Осознавая всю важность и значимость наскальных надписей, мы должны не только суметь сохранить исторические памятники, но и передать следующим поколениям их в целостности и сохранности.

Библиографический список

1. Язык и культура алтайцев (сборник научных статей) / ред. А. Т. Тыбыкова. Горно-Алтайск : Горно-Алтайская республиканская типография, 1993. 125 с.
2. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 304 с.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв.ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. –908 с.

В.Е. Алексеева

Алтайский государственный университет,
Барнаул (Российская Федерация)

**ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ
КУМАНДИНЦАМИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И
РОДНОГО ЯЗЫКА**

Публикация посвящена изучению современных способов воссоздания и сохранения этнической культуры кумандинцев Алтайского края. Кумандинцы являются малочисленным народом, который находится на грани исчезновения. Актуальным является выявление способов сохранения традиционной культуры кумандинцев и ее поддержания в среде доминирующего славянского населения. В статье рассматриваются примеры деятельности кумандинцев по сохранению собственной культуры: воссоздание облика материальной культуры и восстановление основ духовной культуры.

Ключевые слова: кумандинцы, этническая культура, традиционная культура, возрождение, сохранение, малочисленный народ

V.E. Alekseeva

Altai State University, Barnaul (Russia)

**PRACTICES OF PRESERVATION AND REVIVAL OF
TRADITIONAL CULTURE AND NATIVE LANGUAGE BY
KUMANDINS**

The publication is devoted to the study of modern methods of recreation and preservation of the ethnic culture of the Kumandins of the Altai Territory. Kumandins are a small number of peoples of the Altai Territory, which is on the verge of extinction. Relevant is the identification of ways to preserve the traditional culture of the Kumandins and maintain it in the midst of the dominant Slavic population. The article examines examples of the activities of the Kumandins in the direction of preserving their own culture: recreating the image of the material and restoring spiritual culture.

Key words: Kumandins, ethnic culture, traditional culture, revival, preservation, small people

В период нарастания процессов глобализации все больше значение приобретает взаимодействие различных этносов, постиндустриальных и традиционных культур. Постепенно это

приводит к стиранию границ между ними и смешиванию культурных традиций. В этом процессе важно сохранять этническую культуру малочисленных народов, находящихся на грани исчезновения.

Основными факторами, которые влияют на сохранение первичного облика культуры, являются этнодемографические процессы, культурная и социальная трансформация. Все это является результатом влияния доминирующего иноэтничного окружения. Поэтому так трудно малочисленным народом сохранять свою традиционную культуру.

Примером возрождения и сохранения традиционной культуры является деятельность аборигенного населения Северного Алтая - кумандинцев. Кумандинцы на протяжении столетий соседствуют с русскими, что наложило отпечаток на их язык и культуру. Они сумели создать оригинальную культуру и выработать способы ее сохранения в современном мире.

Кумандинцы – это коренной малочисленный народ Южной Сибири. Сами кумандинцы называют себя «тадарлар», «тадар - кижы», «куманды-кижи». В настоящее время, они проживают небольшими группами в Красногорском и Солтонском районах Алтайского района, в г. Бийске, а также в Горно-Алтайске и Турочакском районе Республики Алтай, в Таштагольском районе Кемеровской области. В пределах территорий традиционного проживания кумандинцы сосредоточены в населенных пунктах: в Красногорском районе – в селе Красногорское. В Солтонском районе – селах Солтон, Шатобал, Сузоп, Нижняя Ненинка [1, с. 72]. Всероссийская перепись населения 2010 г. показала, что численность кумандинцев снизилась. Всего в 2010 г. на территории Российской Федерации проживало 2892 кумандинца, при этом 1400 чел. проживали в городах, а 1492 кумандинца являлись сельскими жителями [2, с. 7].

Село Красногорское Алтайского края – место традиционного проживания кумандинцев. Общими усилиями коренные жители открыли в 2013 г. небольшой этноцентр «Эстей». На базе этноцентра был открыт музей традиционной культуры кумандинцев. Также здесь организованы кружковые занятия, преподается кумандинский язык, проводятся репетиции и выступления фольклорных коллективов, различные праздничные мероприятия [3, с. 41]. Именно

благодаря тому, что кумандинцы реставрируют элементы традиционной культуры, восстанавливают свои традиционные песни, сказки, легенды на родном языке, этот народ имеет возможность сегодня сохранить свое культурное наследие.

Например, и сегодня очень часто поются на различных праздниках кумандинцев песни «такпак». На территории с. Красногорское существует воссозданное традиционное жилище кумандинцев летнего типа – шалаш, покрытый берестой и корой «аил» [2, с. 114]. Традиционно «аил» делиться на мужскую (правую) и женскую (левую) половину. На женской половине находится кадка с питьевой водой и полки с посудой. На мужской стороне находится ружья и другое охотничье снаряжение [2, с. 118]. Кумандинцы активно воссоздают образ и стиль своей традиционной одежды. Важным атрибутом женского традиционного костюма, реконструкции которого можно наблюдать в этноцентре с. Красногорское - платье «кызыл шекпен». Несмотря на то, что платье это часть повседневного - бытового гардероба кумандинской девушки, оно тоже имеет свои правила кроя. Если женщина шла заниматься повседневными делами, то платье должно было быть свободного кроя, что бы ничего не стесняло ее движений. Традиционно женское платье подвязывалось поясом, который мог быть изготовлен из бисера (праздничный вариант) или соткан из шерсти (повседневный вариант), сверху надевается халат «кёспек», поверх головы замужняя женщина обязательно должна была надевать платок, который покрывал голову [2, с. 124]. Это связано с сакральными традициями: волосы замужней женщины никто не должен видеть кроме ее супруга. Повседневной атрибутикой почти каждого взрослого кумандинца выступал кисет, в котором они носили трубку и табак. У кумандинцев трубку курили мужчины и женщины.

Традиционным промыслом, который кумандинцы сохранили до настоящего времени, является заготовка кедрового ореха [1, с. 81]. Так же кумандинцы стараются сохранить свою традиционную кухню. Одним из традиционных блюд кумандинцев, как и других народов Саяно-Алтая, является чай с добавлением ячменного толокна «талкан». Способ его приготовления кумандинцы используют и сегодня. Для его приготовления изначально очищенные зерна ячменя поджариваются, затем их перемальвают на

каменной зернотерке, после получившийся порошок заливают кипятком и по вкусу добавляют соль и масло [2, с. 132].

Важной частью этнической культуры любого народа является его язык. Сохранение особенностей родного языка очень затруднено в силу того, что язык выходит из употребления. В случае с кумандинцами, именно обрядовая сторона позволяет, сохранять кумандинский язык разговорным для его носителей.

Язык кумандинцев сохранился только в разговорном виде, однако они сами стараются обучать родному языку молодое поколение со школы. Язык – это часть культуры народа. Через него отражается мировоззрение, традиционный уклад жизни. Язык поможет узнать историю народа. Поэтому, чтобы сохранить родную культуру и передать знания другим поколениям, кумандинцы возобновляют сакральные практики своих предков, изучая, таким образом, родной язык.

Работники этноцентра в с. Красногорское прикладывают много усилий для обучения родному языку и культуре молодое поколение. Для этого детям рассказываются сказки и поверья, например, излюбленным сюжетом является сказка о «Сууг эзи» - хозяйке реки. В 2006 г. в Алтайском крае была издана «Азбука кумандан» Л.М. Тукмачёва («Азбука кумандинского народа»), содержащая алфавит на основе кириллицы [4].

Реконструкция традиционной культуры не ограничивается только материальной частью. Кумандинцы активно воссоздают духовную культуру и народные знания. Несмотря на то, что кумандинцы были обращены в православие еще в начале XIX в., они до сих пор почитают духов рек, гор, огня, жилища и т.д. По-прежнему главным посредником между людьми и духами у них выступает шаман – «кам». Сегодня на территории Красногорского района нет практикующих шаманов. Это связано с тем, что у кумандинцев данной местности не осталось посвящённых шаманов, но остались их потомки. Так, например Валентина Тозоровна Белекова, является старейшиной у кумандинцев с. Красногорское. Несмотря на то, что она не была посвящена в обряды шаманизма, В.Т. Белекова практикует элементы лечения и изготовления оберегов от злых сил. В её роду шаманами были только женщины.

Так же важным фактором сохранения и возрождения традиционной культуры является воссоздание обрядов. Одним из важных обрядов у кумандинцев - обряд гостеприимства. Суть обряда заключалась в том, что хозяйка раскуривала трубку и передавала ее своим гостям. Тем самым гости показывали свое уважение и почтение к хозяйке дома «аила».

Так же у кумандинцев с. Красногорское существуют и другие обряды, которые они активно практикуют. Например «Сок изи» обряд кормления духов воды. Обряд, во время которого каждая семья приходили к водоему со своими дарами и угощениями, проходит весной. Специально для этого изготавливаются плотики из бересты и в них накладывают национальные блюда (мясо, «кан» - кровяную колбасу), после старейшина рода произносил благопожелания и отправлял этот плотик по реке, тем самым задабривая духов.

Еще один обряд, который был восстановлен в начале XXI века благодаря усилиям кумандинских активистов, обряд Кочо-кан, проводившегося в прошлом с целью обеспечения плодородия [5]. В настоящее время обряд проводится в игровой форме во время ежегодных фестивалей [3, с. 44].

Одной из важных традиций которую кумандинцы стараются сохранить, является посещение сакральных мест. Одним из таких мест для кумандинцев с. Красногорское является гора Елтош. Это родовая гора кумандинцев Красногорского района. По традиции на гору могут подниматься только незамужние девушки и женщины, которые на горе собирают травы для изготовления лекарств и чая.

Таким образом, к процессам сохранения и возрождения традиционной культуры кумандинцев Алтайского края можно отнести: воссоздание обрядов, легенд, сказок, традиционных форм хозяйства и жилищ; восстановление текстов песен, танцевальных практик. Процессы воссоздания и сохранения культурного облика коренных малочисленных народов это длительный процесс, но работа совместными усилиями этнографов и самого коренного населения, позволит ускорить этот процесс в будущем.

Библиографический список

1. Назаров И.И. Традиционные знания коренных народов Алтая – Саянского экорегиона в области природопользования: информационно- методический справочник / Гл. ред. И.И. Назаров. Барнаул: изд-во Азбука, 2009. 310 с.
2. Назаров И.И. Кумандинцы. Традиционное хозяйство и материальная культура. Отв. ред. Н.А. Томилов. Барнаул, 2013. 192 с.
3. Назаров И.И. Основные тенденции современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 39–49.
4. Коряков Ю.Б. Кумандинцев язык // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2018). [Электронный ресурс]. URL: <http://bre.mkrf.ru/linguistics/text/5229968>
5. Сатлаев Ф.А. Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Вып. 27. С.130–141.

Р.Р. Боговиева

Алтайский государственный институт культуры,
Барнаул (Российская Федерация)

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ В СОВРЕМЕННОМ БЫТУ КАЗАНСКИХ ТАТАР (НА МАТЕРИАЛАХ СЕЛА БЕЛЕНЬКОЕ)

В статье говорится о таком важном элементе традиционной культуры, как национальная кулинария, о ее значении в жизни каждой этнокультурной группы. Предметом рассмотрения является кулинария казанских татар с. Беленькое, в котором до настоящего времени соблюдаются традиционные семейные и календарные праздники и обряды. Показано, что национальная татарская кулинария, рассмотренная здесь во всем ее многообразии, является неотъемлемой частью народной культуры. В ней во многом находит свое продолжение этническая идентичность и историческая память о прошлом татарского народа.

Ключевые слова: казанские татары на Алтае, село Беленькое, национальная кухня, этническая идентичность, татарские календарные праздники, татарская семейная обрядность, Ураза байрам, Курбан-байрам, сабантуй

R.R. Bogovieva

Altai State Institute of Culture, Barnaul (Russia)

**NATIONAL CUISINE IN THE IN THE MODERN LIFE OF THE
KAZAN TATARS (ON THE MATERIALS OF THE VILLAGE
BELENKOE)**

The article talks about such an important element of traditional culture as national cuisine, about its importance in the life of each ethnocultural group. The subject of consideration is the cooking of the Kazan Tatars of the village of Belenkoye, where traditional family and calendar holidays and rituals are still observed. It is shown that the national Tatar cuisine, considered here in all its diversity, is an integral part of folk culture. In it largely finds its reproduction and continuation of ethnic identity and historical memory of the past of the Tatar people.

Key words: Kazan Tatars in Altai, Belenkoye village, national cuisine, ethnic identity, Tatar calendar holidays, Tatar family rituals, Eid al-Adha, Sabantuy

Для понимания сущности различных этнокультур трудно переоценить значение национальной кухни, до такой степени прочна ее связь с различными сферами жизнедеятельности, этнической идентичности, социальной и духовной жизни того или иного народа. Кухня является одним из наиболее явных и прочных этнических маркеров, тем фактором, в которых этнос раскрывается наиболее очевидно. В пищевых запретах и предпочтениях мы можем видеть отражение представлений об окружающем мире и отношениях с ним человека; кроме того, национальная кухня – достаточно долговечный элемент традиционной культуры, поскольку пищевые пристрастия и привычки продолжают существовать, даже когда многие другие этнические элементы уже утрачены [1, с. 121].

Татары Алтайского края являются многокомпонентным этническим образованием, сложившимся в результате многочисленных миграций. В отличие от других сибирских

территорий, на Алтае отсутствуют поселения сибирских татар, которых некоторые исследователи относят к коренным народам Сибири. Формирование татарского населения Алтая, как и многих других этнических групп, происходило за счет переселений из Европейской России. Нынешние татары являются потомками нескольких волн переселенцев XVIII–XX вв., основной массив которых вышел из Поволжья и Приуралья: Башкирии, Поволжских губерний (Пензенской, Саратовской), Татарстана и частично Зауралья.

Сейчас татары расселены практически по всей территории края, но наибольшая их численность отмечается в Угловском, Михайловском, Кулундинском районах. В Угловском районе находится, пожалуй, единственное на Алтае моноэтническое татарское поселение Беленькое (Букур, Бакур). По архивным данным, оно образовалось в 1857 г., а по сведениям опрошенных информаторов в 1861–1862 гг. [2, с. 186–188].

Кулинарное искусство татарского народа богато своими национальными традициями, уходящими в глубь веков. Татарские блюда всегда славилась оригинальностью приготовления, вкусовыми качествами и оформлением. Своеобразие национальной кухни тесно связано с особенностями жизни народа. Татары – земледельческий народ, поэтому в их питании издавна преобладали зерновые продукты в виде муки и крупы. В приготовлении пищи наиболее широко применялась ржаная, пшеничная, гречневая, гороховая, ячменная и овсяная мука. Из круп преимущественно употребляли пшено, гречку и полбу, позднее – рис. В крестьянском быту довольно широко использовались блюда из неразмолотого гороха и чечевицы.

Излюбленным блюдом татар издавна считалось мясо, главным образом баранина, говядина и конина (жеребятина). Предпочиталось мясо свежезабитого животного, но из-за отсутствия хранилищ летом широкое распространение получило употребление соленого и вяленого мяса. Из мяса варили супы и бульоны (шулпу). Вынутое из супа мясо часто использовалось как второе блюдо. В старой татарской кухне было известно немало блюд из домашней птицы (кур, гусей, уток, индеек); характерно, что в основном мясо животных и птиц использовалось в вареном виде, реже тушеном.

Жареное мясо подавалось очень редко, преимущественно у богатых татар к праздничному столу.

Важное место в питании татар занимали молочные продукты, однако молоко в свежем виде употребляли сравнительно мало – только с чаем или в качестве приправы к жидким блюдам. Из молока делали масло, сузьму, эремчек (вид творога), катык (вид простокваши), каймак (сметану), корт (сухой творог). Сливочное масло, изготовленное татарами, считалось лучшим во всей округе.

Рыба и овощи имели значительно меньшее распространение; из мелкой речной рыбы обычно приготавливали тэбэ (вид запеканки из яйца и рыбы). Овощи использовались в основном в виде начинок и приправ. Среди татарского населения больше всего употреблялись тыква, свекла, лук, репа, морковь, редька, огурцы и капуста. Как приправа к жидким блюдам применялись также зеленая крапива, борщевик и некоторые другие дикие растения. В качестве специй при приготовлении пищи татары обычно использовали лавровый лист, черный перец, гвоздику, имбирь, корицу, ваниль. Из местных приправ употреблялись мята, красный стручковый перец, катык и др.

Татарская кулинария – до сих пор неотъемлемая часть обрядового стола, прежде всего на семейных праздниках. Свадебный стол обязательно украшает масло с медом (бал-май), чак-чак, пехлеве, кош тэле (птичьи язычки), губадия (высокий сдобный пирог с многослойной начинкой), талкыш калеве и т. д. К свадьбе или в других торжественных случаях готовили шербет – сладкий напиток из фруктов, или бал – растворенный в воде мед. Женщине после родов преподносили альбу. В старину жених месяцами гостил у родителей невесты, и для него готовили особые пельмени (кияу пельмэне); пекли особые оладьи (кияу коймагы) и перемячи (кияу перемэче).

К весенним и летним праздникам (сабантуй, джиен) запасались вяленым гусем и казылыком (домашней вяленой колбасой). В другие праздничные и выходные дни к завтраку пекли оладьи, блины или кабартму (чибрики). Для угощения девушек, пришедших осенью помочь в обработке битой птицы, хозяйка обязательно приготавливала большой гусиный бэлиш с шулпой.

В годы советской власти питание татар, сохраняя в основном традиции национальной кухни, претерпело определенные

изменения. Исчезли некоторые кушанья, которыми питались в прошлом беднейшие слои крестьянства: боламык – густая мучная болтушка, сваренная на воде и приправляемая во время еды маслом или катыком; талкан – мука, поджаренная на масле или сале и разбавленная водой; умач – суп с непротертым и размельченным тестом, который делался из ржаной или гороховой муки, во время еды заправлялся катыком.

С ростом благосостояния татарского населения появилось много новых блюд и изделий. Значительное место в татарской кулинарии стали занимать овощи и фрукты, расширилась номенклатура рыбных блюд, вошли в быт грибы, томаты и солености. Некоторое влияние на татарскую кулинарию оказали национальные кухни других народов, особенно русского. Сейчас на обеденном столе татарской семьи, наряду с национальными блюдами, можно видеть щи, борщ, уху. В то же время татарские блюда сохранили оригинальность своего оформления, приготовления и вкусовых качеств, что является одной из причин их популярности.

Среди новых блюд, появившихся в советский период, следует отметить холодные закуски. В старой татарской кухне не было холодных блюд в общепринятом понимании этого слова, хотя иногда, особенно во время приема гостей, некоторые кушанья подавались в холодном виде. Готовились они обычно из свежего мяса или солонины (говядины, конины), а также свежей или вяленой птицы. В результате тесного общения с соседними народами – в первую очередь с русскими, татарская национальная кухня пополнилась рецептами холодных блюд из овощей. Своеобразие использования их заключается в том, что к будничному столу овощи подаются в виде салатов, при приеме гостей предпочтение отдается овощам в натуральном виде. Если же к празднику и готовятся салаты, то овощи в них не перемешиваются, а укладываются отдельно по видам.

К семейному обеду в будни, а также при угощении гостей, у татар принято подавать шулпу (бульон). Особой популярностью пользуется шулпа с токмачем – тонко нарезанной домашней лапшой из пшеничной муки с добавлением яйца. Шулпу заправляют пшеном, рисом и другими крупами. К праздничному столу часто готовятся

пельмени, которые подаются с шулпой. Распространены также вегетарианские и молочные супы.

Яркой особенностью татарской кухни являются печеные изделия, разнообразные по форме, приготовлению и начинкам. Часть их делаются из жидкого теста (коймак, белен), другие – из крутого (кабартма, паштет, бэлиш и т. д.). Тесто может быть и кислым, и пресным. Своеобразную группу печений составляют губадия, бэлиши, перемячи и популярный ныне эпочмак. Для начинок к одним из них берется мясо с картофелем, к другим – крупы, эремчек, корт, фрукты и т.д. Печеные изделия, как и другие национальные татарские блюда, отличаются обильным применением при их изготовлении животного жира (бараньего, говяжьего, конского), сливочного и топленого масла. Для сдобы в тесто, кроме масла и жиров, прибавляются также яйца, сахар и пряности. Пирог с несладкой начинкой (бэлиши, эпочмаки, перемячи) в татарской кулинарии очень часто используются как вторые блюда.

Большое распространение в качестве второго блюда получило отварное и тушеное мясо с картофелем, которое обычно поливается бульоном или овощным соусом. Куллама (тушеное мясо с ракушкой) и тулма (голубцы) также любимы татарским народом. Но особой популярностью пользуется тутырган тавык (куры, фаршированные яйцом и молоком) – исключительно вкусное блюдо, которое подается на стол в торжественных случаях. Любимым кушаньем деревенских жителей является тутырма – фаршированная кишка барана или коровы. Ее изготавливают обычно после забоя скота; в качестве начинки берется мелко нарезанная печень с гречкой или мясо и рис с прибавлением перца.

В быт татар рано вошел чай, что, по-видимому, объясняется их давними торговыми связями со странами Востока. Чай любили пить из самоваров, очень горячим, с молоком или пастилой (как), а также с сотовым медом. Пастилу делали сами из диких ягод и различных садовых плодов. Во многих семьях и сейчас самовар является украшением праздничного стола, а чай с печеными изделиями считается лучшим угощением [3].

Среди летних прохладительных напитков наиболее популярными являются айран (катык, разбавленный холодной ключевой водой), квас, буза, суло.

В с. Беленькое до сих пор сохраняется национальная кухня; в основном ее можно наблюдать на свадьбах, обрядах имянаречения ребенка, поминках, при приеме гостей, праздновании дней рождений, Нового года, а также во время многочисленных мусульманских праздников, таких, как Ураза-байрам, Курбан Байрам, сабантуй и др. Таким образом, можно видеть, что, если в повседневном быту и происходит некоторая унификация приготовления пищи, то блюда национальной кухни во всем их многообразии сохраняются в праздничной обрядности казанских татар, служат своеобразным напоминанием о культурных традициях народа.

Библиографический список

1. Андреева Л.А. Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности / Л. А. Андреева, О. А. Хопияйнен, Н. В. Филимонова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6/1. С. 121–126.

2. Юсупова А.В. Предварительные результаты этнографических исследований в моноэтничном Татарском селе Беленькое Угловского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2007 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 2009. С. 186–188.

3. Личный фонд автора. Список респондентов:

1. Боговиева Фатима Нургатовна, 1941 г. р., переселенка из Казани.

2. Гатауллина Гульсира Кадыровна, 1929 г. р., уроженка с. Беленькое.

3. Жолдина Гайчы Нурмухамедовна, 1957 г. р., уроженка с. Беленькое.

4. Зайнулина Хадича Шакировна, 1922 г. р., переселенка из Казахстана.

Е.В. Лилявина

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова,
Томск (Российская Федерация)

НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТОМСКИХ ТАТАР

В статье на основе полевых материалов дана характеристика надмогильных сооружений татар-мусульман г. Томска и его окрестностей. Выявлены наличие оград, помещений для инвентаря, виды надмогильных сооружений. Отмечаются инокультурные заимствования: появление памятников из мрамора и железа, покраска надмогильных срубных сооружений и ограждения могил. Новацией является и использование фотографий на надмогильных сооружениях.

Ключевые слова: томские татары, мусульмане, кладбище, памятники, надмогильные сооружения

E.V. Liliavina

Tomsk regional museum of local lore named after M.B. Shatilov, Tomsk
(Russia)

GRAVE MONUMENTS OF TOMSK TATARS

Based on field materials, the article describes the grave structures of Muslim Tomsk Tatars in Tomsk and its neighbourhood. Construction of fences and rooms for inventory were identified; types of grave structures were revealed. Foreign cultural borrowings are also noted, like appearance of marble and iron monuments or painting of grave structures and grave fences. Another innovation is use of photographs on grave structures.

Key words: Tomsk Tatars, Muslims, cemetery, monuments, grave structures

Обряды, относящиеся к жизненному циклу, являются значимыми составляющими традиционной культуры каждого народа. Проблема сохранения традиционных элементов становится весьма важной. Погребальный обряд имеет большое значение в культовой практике любого народа. Он должен быть наиболее устойчив к изменениям. Среди других обрядов перехода, практикуемых татарами-мусульманами, похоронные обряды отличаются большей традиционностью, поскольку обряд совершается в соответствии с правилами, изложенными в шариате. Однако, и он подвергался влиянию различных факторов, в том числе климатических условий, миграционных процессов.

Предметом рассмотрения в данной статье являются надмогильные памятники татар-мусульман. Надмогильные сооружения представлены с мест захоронений татар г. Томска (район Спичечной фабрики «Сибирь», Южное кладбище) и сельских поселений Томского района: Эушта, Чёрная Речка, Барабинка, Тахтамышево. Исследования проводились в 2010, 2016, 2017 гг.

Группа томских татар начала формироваться к концу XVI в. Её основу составили тюркские племена, проживавшие в окрестностях будущего г. Томска. Это эуштинцы, подчинённые князя Тояна, принявшего в 1604 г. русское подданство. И другие мелкие группы тюрков: басандайцы и евагинцы (тигильдеевцы), населявшие Притомье ещё до прихода русских (эти группы объединились с эуштинскими татарами); чатские татары и белые калмаки (потомки телеутов) [1, с. 55; 2, с. 33; 3, с. 27; 4, с. 77, 78].

В качестве устойчивых признаков мусульманского захоронения исследователи признают всего два: отсутствие в погребении вещей и соблюдение *киблы* – обращение лица покойного в сторону Мекки. Другие признаки – оформление надмогильных и внутримогильных сооружений – имеют весьма широкую вариабельность в разных региональных традициях [5, с. 38; 6, с. 45–46; Цит. по: 7, с. 504].

Неопровержимым фактом распространения мусульманства в городах Сибирского ханства являются надмогильные сооружения, рассмотренные в работе С.Ф. Татаурова «Археологические мифы о распространении ислама в Западной Сибири». Они делятся на два блока – мавзолеи и надмогильные камни с эпитафиями. Традиция возводить мавзолеи пришла в Западную Сибирь с юга вместе с миссионерами и переселенцами из Бухары и трансформировалась у них вследствие отсутствия привычного строительного материала – камня в устройстве оградок, срубов и т.д. Захоронения «павших за веру» называли мавзолеями [8; Цит. по: 9, с. 48].

По данным И.Г. Георги, участника Академической экспедиции 1760–1770 гг., «томские татары на могилы ставят подобные избам бревенчатые срубы, и потому кладбища их, которые по большей части бывают поблизости лесов, походит издали на деревни» [10, с. 146].

Н.А. Томилов представил в своих исследованиях, что в Тегильдеево вокруг могил ставили плетёные из прутьев круговые загороди; такой тип надмогильного сооружения сохранялся в конце 1960-х гг. Встречались надмогильные сооружения (срубы в виде домиков). Для чатских кладбищ также были характерны срубы на могилах. В Юрт-Акбалыке над могилой возводили сруб, но таким образом, чтобы между брёвнами оставались просветы. Верх такого сруба сужали, на короткие стенки укладывали вдоль сруба одно бревно. Высота такого сруба достигала 70–90 см [11, с. 41; 12, с. 127–128; 13, с. 111]. Г.И. Пелих отмечала, что у селькупов сверху сооружался срубный домик. При грунтовой могиле иногда вместо домика на поверхности земли насыпался курган. В этом случае домики из плах устраивались в земле. «Домики на поверхности земли напоминают сооружения над покойником в курганах, особенно домики в виде четырёхугольных ящиков, которые часто встречаются у селькупов Кети» [14, с. 63]. Н.В. Лукина у хантов также отмечала надмогильный домик дощатый, редко срубный, окрашенный (редко) в красный и голубой цвета [15, с. 68].

В настоящее время после погребения устанавливается доска, на которой указывается ФИО и годы жизни. Позже можно установить срубное сооружение или памятник из мрамора или металла.

В Барабинке зафиксированы надмогильные сооружения в виде срубного домика, а также надмогильные камни (рис. 1). В Эуште на кладбище встречаются доски с табличкой, где написаны фамилия, имя отчество и годы жизни. Встречены современные срубные надмогильные сооружения, окрашенные краской (голубой, коричневые цвета). Местные жители отмечают, что сгнившие старые сооружения могут заменить новыми. Также ставят памятники из металла (рис. 2). На кладбище в Чёрной Речке имеются памятники с полумесяцем и звездой, с одним полумесяцем, деревянные столбы (доска) и срубные надмогильные сооружения как окрашенные краской (голубой и зелёный цвет), так и неокрашенные. Отличительный момент от других кладбищ, что некоторые надмогильные сооружения сделаны из бруса (рис. 3). Могилы огорожены оградкой.

Рис. 1. Надмогильный камень у с. Барабинка

Рис. 2. Надмогильные сооружения. Эшита, 2016 г.

Рис. 3. Надмогильное деревянное сооружение. Черная речка. 2016 г.

В Тахтамышево существуют три кладбища. На них отмечаются надмогильные памятники с полумесяцем и полумесяцем и звездой, деревянные столбы (доска), срубные надмогильные сооружения как окрашенные краской (голубой и зелёный цвет), так и нет. Встречены памятники с фотографиями, как в рамке, так и в виде гравировки, а также надписи и изображения мечети. На некоторых могилах присутствуют искусственные цветы (рис. 4).

У спиченских татар на Татарской Горе в районе спичфабрики г. Томска есть своё кладбище. Оно разрасталось после войны и 25 апреля 1962 г. хоронить на нём официально запретили. Статус кладбища присвоили только в 2013 г., когда город зарегистрировал на него право муниципальной собственности [16]. Как и любое мусульманское кладбище, оно закрывается на замок. Внутри у ворот стоит избушка с замком, в ней хранят все необходимые приспособления и инструменты для проведения похорон. На спиченском кладбище есть погребения с деревянные надмогильные окрашенные постройки (рис. 5). Также можно увидеть памятники с полумесяцем, камни [17, с. 200, 203, 204].

Рис. 4. Надмогильное сооружение. Тахтамышево. 2016 г.

Рис. 5. Надмогильное сооружение. Томск, район стичечной фабрики «Сибирь». 2010 г.

Рис. 6. Надмогильное сооружение. Томск, Южное кладбище.

Южное кладбище г. Томска действовало с 1939 по 1962 гг., на нём есть мусульманские захоронения, ориентированные на юго-восток, надмогильные памятники как с полумесяцем и полумесяцем и звездой, так деревянные или каменные столбы, с указанием ФИО и годами жизни, на некоторых присутствуют арабские письмена (рис. 6).

Итак, кладбища татар-мусульман в Эуште, Чёрной Речке, Барабинке, Тахтамышево, на Татарской горе в районе Спичечной фабрики «Сибирь» и Южное кладбище г. Томска огорожены и закрываются на замок. Возле кладбища или на его территории недалеко от входных ворот расположено помещение для хранения необходимого инвентаря для похорон (кроме Южного кладбища).

На татарских кладбищах отмечены следующие надмогильные сооружения: прямоугольная доска с данными умершего, деревянная срубная конструкция (её сегодня возводят татары г. Томска и Томской области), прямоугольный памятник с

полумесяцем или полумесяцем и звездой, памятники из мрамора и металла, устанавливают оградки.

К инокультурным заимствованиям можно отнести появление памятников, покраску надмогильных сооружений и ограждения могил. Новацией является и использование фотографий на памятниках и искусственных цветов. Эти случаи можно объяснить совместным проживанием с русским населением.

Библиографический список

1. Томилов Н.А. Семья и семейный быт тюркоязычного населения Томского Приобья в прошлом и настоящем // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. С. 55–62.

2. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск: Издание Томского гос-го ун-та. 1950. Т. 112. С. 23–211.

3. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Издательство ТГУ, 1980. 251 с.

4. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

5. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 192 с.

6. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 159 с.

7. Зайцева О.В., Водясов Е.В. Распространение ислама на северо-восточной периферии Золотой Орды в свете новых археологических данных // *Vyuce Gody*. 2014. № 34 (4). С. 504–509.

8. Селезнёв А.Г. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. Москва: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.

9. Татауров С.Ф. Археологические мифы о распространении ислама в Западной Сибири // *Интеграция*

археологических и этнографических исследований. Барнаул, Омск: Издательский дом «Наука», 2015. С. 45–49.

10. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей / И.-Г. Георги; предисл. и прим. В.А. Дмитриева. Перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп.; изд. 2-е. СПб.: Русская симфония, 2007. 808 с.

11. Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 209 с.

12. Томилов Н.А. У татар Томской и Новосибирской областей // Из истории Сибири. Полевые работы 1969 г. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. Вып. 2. С. 103–145.

13. Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. 216 с.

14. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: Издательство Томского университета, 1972. 424 с.

15. Лукина Н.В. Погребальные сооружения хантов // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельный территорий. Кн. 2. СПб., 2009.

16. Не спешите меня хоронить, или что нужно знать о томских кладбищах. URL: <https://tv2.today/TV2Old/Ne-speshi-menyahoronit-ili-chto-nuzhno-znat-o-tomskih-kladbishchah>

17. Чигрина Е.В. Татары Татарской горы (о татарах района Спичфабрики г. Томска) // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования: сборник трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. 2011. Вып. 4. С. 197–207.

В. Е. Торопова

Алтайский государственный университет,
Барнаул (Российская Федерация)

**СОХРАНЕНИЕ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЪЕКТОВ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АЛТАЙЦЕВ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ
АЛТАЙ ИМ. А. В. АНОХИНА**

Нематериальное культурное наследие Республики Алтай - это совокупность основанных на традиции форм культурной деятельности и представлений, формирующая чувство самобытности и преемственности у представителей коренных народов Алтая. Для усиления работы по презентации объектов культурного наследия алтайцев в 2002 г. в Национальном музее Республики им. А.В. Анохина был создан экскурсионно-массовый отдел, занимающийся вопросами организации экскурсионной, лекционной деятельности, организацией массовых мероприятий, информационно-просветительской и рекламной работой с общественностью и СМИ. Так же в музее проходят музыкальные и литературные гостиные и салоны, вечера, музейные праздники.

Ключевые слова: культурное наследие, Республика Алтай, культура алтайцев, музей, нематериальное культурное наследие

V.E. Toropova

Altai State University, Barnaul (Russia)

**PRESERVATION AND PRESENTATION OF OBJECTS OF
INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF ALTAIANS IN THE
NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF ALTAI NAMED
AFTER A.V. ANOKHIN**

The intangible cultural heritage of the Altai Republic is a set of forms of cultural activity and ideas based on tradition, which forms a sense of identity and continuity among representatives of the indigenous peoples of Altai. To strengthen the work on the presentation of cultural heritage objects of the Altaians in 2002 at the National Museum of the Republic named after A.V. Anokhin, a mass excursion department was created, dealing with the organization of excursion, lecture activities, the organization of public events, information, educational and advertising work with the public and the media. The museum also hosts musical and literary lounges and salons, evenings, museum celebrations.

Key words: Cultural heritage, Altai Republic, Altaian culture, Museum, intangible cultural heritage

Начиная со второй половины XX в. внимание к традиционной культуре народов отразилось в многочисленных документах ЮНЕСКО. Обусловлено это процессом глобализации и переходом к информационному обществу, которые отрицательно сказываются на процессе сохранения и поддержания национально-культурной идентичности. К примеру, рыночная экономика приводит к процессам коммерциализации культуры и интенсивному формированию потребительского сознания. Таким образом, проблема сохранения нематериального наследия с этого времени стала одной из приоритетных для национальных и международных организаций.

Республика Алтай – один из субъектов Российской Федерации, этническое единство населения которого формировалось на протяжении длительного исторического периода. Нематериальное культурное наследие народов Республики Алтай является важнейшей составляющей частью национальной культуры, способствует формированию толерантности, является основой национального самосознания, укрепляющей духовную связь поколений и эпох. Культурное наследие играет ключевую роль не только в формировании культуры республики, но и в различных областях деятельности человечества, как мощное средство сближения народов, этнических групп и утверждения их культурной самобытности.

Согласно Конвенции «Об охране нематериального культурного наследия», принятой на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, нематериальное культурное наследие (обычай, знания и навыки, язык, устный эпос, музыка, танец, игры, мифология, ритуалы, ремесла, традиционные формы коммуникации и экологические представления, знаки и символы и т.п.), передаваемое через поколения, постоянно воссоздается обществами в процессе взаимодействия с природой. Благодаря этому у людей формируется чувство самобытности и преемственности, уважения к культурному разнообразию.

В течение веков кочевые племена Алтая перемещались, взаимодействовали друг с другом и в результате выработали уникальную материальную и духовную культуру. Список объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай включает в себя двадцать один объект государственного реестра, утвержденного правительством Республики Алтай в 2014 г. [1] К этому наследию относятся: алтайское горловое пение – Кай, алтайские героические сказания, искусство сказительства (Кайчы), Священный Тополь / Железный Тополь (Бай Терек), Топшуур (традиционный алтайский музыкальный инструмент), Икили (традиционный алтайский народный инструмент), JaDap (разновидность жанра алтайской народной песни), Тенгрианство, Алтайский шаманизм, Ак jaДБурканjaD (Белая вера (Бурханизм)), Алтай кодүргени, Жертакыганы (обряд восхваления, почитания божеств, духов - хозяев Алтая, местности), АжулардыjaПдаганы (Обряд поклонения духам перевалов), АржансууныjaПдаганы (Обряд поклонения духам священных источников), Алтай - Кудай (Божество, дух, покровитель Алтая), Арчындыбайлаганы (Обрядовое почитание можжевельник а), Жалама / Кыйра (Обрядовые священные ленточки), Обооташ (Обо таш), Кёрееташ (Кюре таш), Тагыл (Жертвенник), Жада таштыП jaДы (Обряд с камнем яда таш), Алтай Жылдыктоо (Алтайское летоисчисление).

Большую роль в сохранении нематериального наследия в настоящее время играют музеи. На сегодняшний день в Республике Алтай наиболее крупным музеем, изучающим культурное наследие коренных народов Алтая, является Горно-Алтайский Национальный музей им. А.В. Анохина.

Формы культурно-образовательной деятельности музея разнообразны. К традиционным формам относятся экскурсии и лекции, подобные практики работы сложились ещё в конце XIX в. В последние годы ширится партнерство музея в совместных проектах с учреждениями образования, библиотеками, государственными и общественными организациями и т.д. Все это позволяет более творчески, ярко проводить музейные акции и мероприятия.

Одним из таких является международная акция «Музейная ночь». Проводится она с целью создания культурного досуга для различной категории посетителей и призвана посредством

нетрадиционного знакомства (в ночное время) показать культурное наследие в музеях.

С 2012 г. музеем проводится этнофестиваль «Перекресток культур» в рамках которого проводятся: празднование Нового года по лунному календарю «Чага байрам», проводы зимы и встреча весны «Масленица», «Їылгайак», «Наурыз». Главная цель всех мероприятий – показать многообразие национальных культур Горного Алтая, установление тесных отношений между представителями разных национальностей.

28 октября 2019 г. состоялась научно-практическая конференция «VII Анохинские чтения». Мероприятие приурочено к 150-летию со дня рождения известного этнографа, композитора, краеведа Андрея Викторовича Анохина, имя которого носит музей. Программа конференции включала следующие темы: А.В. Анохин и его наследие, роль музеев в сохранении историко-культурного наследия, историческое краеведение и другие. В конференции приняли участие научные сотрудники Института Алтаистики им. С.С. Суразакова, преподаватели Горно-Алтайского государственного университета, сотрудники Государственной архивной службы Республики Алтай, научные сотрудники Национального музея Республики Алтай и краеведы.

Специалисты обсуждали материальную и духовную культуру народов Южной Сибири, как предмет научных интересов не только А.В. Анохина, но и ряда других исследователей XIX–XXI веков. В итоге конференции все участники пришли к единому мнению – шире пропагандировать фонды Национального музея в СМИ с целью более активного введения музейных коллекций и музейной библиотеки в научный оборот. Также были озвучены предложения о создании постоянно действующего семинара для молодых сотрудников по методологии научного исследования в музее.

В данный момент в Правительстве Республики Алтай готовится Распоряжение о праздновании 150-летнего юбилея Г.И. Чорос-Гуркина в 2020 г. В связи с этой знаменательной датой Национальный музей им. А. В. Анохина планирует организовать научно-поисковую экспедицию по местам, где жил художник в Монголии и Туве с 1921 по 1925 гг. В 2009 г. кандидат искусствоведения Р.М. Еркинова уже совершила часть экспедиции

по Туве, посетив село Атамановка, где Гуркин находился в 1921 г., а так же Тоджинский район Республики Тыва [2].

Своей деятельностью музей доказал, что может быть притягательным центром культуры, досуга, образовательным центром, как для школьников, молодежи, так и для взрослых посетителей. Таким образом, нематериальное культурное наследие Республики Алтай - это совокупность основанных на традиции форм культурной деятельности и представлений, формирующая чувство самобытности и преемственности у представителей коренных народов Алтая. Это культурные ценности Алтая: обычаи, традиции, обряды, исполнительские искусства и народные праздники. Одним из важных этапов на пути к сохранению духовного наследия Республики Алтай является утверждение государственного реестра объектов нематериального культурного наследия. Сегодня, процесс формирования реестра продолжается и национальный музей вносит существенный вклад в его расширение.

Библиографический список

1. Сайт правительства Республики Алтай. Постановление об утверждении государственного реестра объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай. [Электронный ресурс]. URL: https://altai-republic.ru/upload/iblock/3ff/gov_decree_140_2014.pdf
2. Официальный сайт Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина. [Электронный ресурс]. URL: <http://musey-anohina.ru/index.php/ru/>

К.Э. Мандаева, К. А. Кантырова

Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, (Российская Федерация)

МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена одной из острых проблем современности – проблеме сохранения национальных культур, особенно

сохранения родных языков. В Республике Алтай наблюдается снижение говорящих людей на родном языке. В материале рассматривается один из механизмов решения данной проблемы. Изучение алтайского языка с помощью мобильных устройств – быстрый, легко доступный, интересный способ. Мобильное приложение обеспечивает высокую информативность, наглядность, интенсивность обучения и стимулирование активности.

Ключевые слова: алтайский язык, изучение языка, сохранение родного языка, мобильное приложение, цифровая платформа, алтайская культура

К.Е. Mandaeva, К. А. Kantyrova

Gorno-Altaysk State University, Gorno-Altaysk (Russia)

MOBILE APPLICATION FOR LEARNING THE ALTAIAN LANGUAGE

This article is devoted to one of the most acute problems of our time – the problem of preserving national cultures, especially the preservation of native languages. In the Altai Republic, there is a decline in native speakers. The article discusses one of the ways to solve this problem. Learning the Altai language using mobile devices is a fast, easily accessible, and fun way to learn the Altai language. The mobile app provides high information content, visibility, intensity of training and stimulating activity.

Key words: Altai language, language learning, native language preservation, mobile app, digital platform, Altai culture

С 15 по 21 октября 2018 г. в молодежном центре «Волга» в г. Казань состоялся V Фестиваль тюркской молодежи, который посетили студенты факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета. Всего на Фестивале приняли участие активисты из 23 регионов Российской Федерации и 3 зарубежных стран.

Во время фестиваля были организованы различные мастер-классы по написанию проектов, подаче грантов и различные тренинги. Именно в рамках Фестиваля студенты факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета презентовали и защитили проект о создании мобильного приложения для изучения алтайского языка перед

экспертами ведущих предприятий и организаций Российской Федерации. Предложенный экспертному сообществу проект был высоко оценен и занял 1 место.

Содержание проекта заключается в следующих положениях. Смартфоны вывели использование мобильных приложений на невиданную раньше высоту. Разработка мобильных приложений сегодня – экономически выгодное и перспективное дело. Развитие современного общества происходит под влиянием информационных технологий, которые играют большую роль во всех сферах человечества, обеспечивая распространение информации по миру.

Информационные технологии плотно затрагивают и область лингвистики. Изучение алтайского языка с помощью мобильных устройств – быстрый, легко доступный, интересный способ. Обычно такие приложения подразумевает непрерывное обучение, так как мобильные устройства всегда под рукой, в любой момент можно продолжить занятия. Мобильное приложение обеспечивает высокую информативность, наглядность, интенсивность обучения и стимулирование активности.

Актуальность предложенного проекта обусловлена тем, что в Республике Алтай на сегодняшний день, алтайский язык теряет свое распространение, сокращается сфера его использования. Язык, который следует сохранить и приумножить, не находит отклик и интерес у подрастающего поколения. Наблюдается недостаток качественного интерактивного ресурса для детей, позволяющий им изучать родной язык на цифровой платформе. Студенты факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета, как будущие преподаватели родного языка, обеспокоены этой проблемой. Современное поколение растет в неведении своей культуры и языка. Это большая проблема для алтайского народа. Если так будет продолжаться и дальше, увы, алтайский язык не переживет XXI век в том виде, в котором он пришел к современному обществу от своих предков. Язык – это лицо народа и его надо сохранить.

Цель проекта заключается в обучении и сохранении алтайского языка. Целевая аудитория: дети дошкольного, школьного возраста; не владеющие языком, а также иностранцы, интересующиеся языком и традиционной культурой алтайцев.

Задачи проекта.

1. Разработка методики по обучению алтайского языка через приложение.

2. Подготовительные работы по разработке приложения, в том числе разработка технического задания.

3. Разработка программного обеспечения и приложения, в том числе: тестирование, выпуск приложения в PlayMarket и AppStore, распространение приложения среди целевой аудитории.

Мобильное приложение для изучения алтайского языка будет обеспечено обширным словарем, качественными образовательными технологиями, дополнительными формами организации образовательного процесса, занятиями для полезного досуга, видео-аудио-уроками, книгами в разных форматах и т.д.

Сегодня мобильное приложение существует в рамках проекта, продолжается разработка приложения, его графического интерфейса, поиск источников финансирования для реализации. Однако, важность проекта позволяет надеяться на его воплощение в жизнь.

СЕКЦИЯ «ТЮРКСКИЙ МИР В XXI В.»

Л.И. Нехвядович, Г.Б. Фрадкина

Алтайский государственный университет,

Барнаул (Российская Федерация)

КАЗАХСТАНСКАЯ ПЕЙЗАЖНАЯ ЖИВОПИСЬ СЕРЕДИНЫ 50-60-Х ГГ. XX ВЕКА

В статье рассматривается станковая живопись в творчестве казахстанских художников середины 50–60-х гг. XX в. как объект влияния идей соцреализма. В результате научных поисков в области изучения пейзажа прослежены сюжетно-тематические поиски в «советском пейзаже» в творчестве художников станковистов: Ж. Шарденова, Л. Леонтьева, А. Исмаилова, К. Шаяхметова, У. Ажиева и др. Сделаны выводы в освящении мотивов, типологий, классификации тем и образов. Установлены связи внутри жанра, влияющие на становление пейзажной живописи в контексте историко – культурного периода в рамках соцреалистического стиля в искусстве Казахстана.

Ключевые слова: пейзаж, живопись, сюжетно-тематическая картина, соцреализм.

L.I. Nehvyadovich, G.B. Fradkina

Altai State University, Barnaul (Russia)

KAZAKHSTAN LANDSCAPE PAINTING OF THE MID 50-60S OF THE XX CENTURY

This article examines easel painting in the work of Kazakh artists of the mid-50s and 60s of the 20th century as an object of influence of the ideas of socialist realism. As a result of scientific searches in the field of landscape studies, thematic-thematic searches in the "Soviet landscape" in the work of easel painters were traced: Zh. Shardenov, L. Leontyev, A. Ismailov, K. Shayakhmetov, U. Azhiev, etc. Conclusions were drawn in the consecration of motives, typologies, classification of themes and images. The connections within the genre, influencing the formation of landscape painting in the context of the historical and cultural period, within the framework of the socialist realist style in the art of Kazakhstan, have been established.

Keywords: landscape, painting, plot-thematic picture, socialist realism

В творчестве казахстанских живописцев советский пейзаж середины 1950-х – 1960-х гг. возник как явление историко-культурного периода советского пространства. Феномен этого периода определил новые каноны в искусстве в рамках идеологических приоритетов и мировоззренческого становления изобразительного искусства в целом. Термин «социалистический реализм» более употребителен к периоду 30-х гг. XX в. в искусствоведческой литературе как основной метод, критерия правдивого исторического изображения действительности в его революционном преломлении в обществе [1, с. 3].

Русский советский искусствовед Алексей Александрович Федоров-Давыдов в книге «Советский пейзаж» рассматривает пейзаж советской пейзажной живописи от истоков до 50-х гг. XX в. Советский пейзаж – явление, отражающее действительность социалистического строительства, служащего «художественно-образному осознанию жизни», наделяющего картины чувствами, мыслями советских людей, любовью и новым отношением к природе. Идейность, эмоциональная насыщенность, сюжетность встают наряду с содержательностью, рождая новые темы и мотивы в советской живописи, освещенной внутренней трактовкой образного строя произведений. Как впоследствии пишет А.А. Федоров-Давыдов: «Ей завещано классической пейзажной живописью удовлетворять живой интерес общественного человека к окружающей его природе, увековечить то, как обживает и переделывает человек эту природу, как он ищет в ее образах и картинах лицо советской Родины. Осуществлять эти задачи означает для советского пейзажиста служить своим средствами великому делу коммунистического воспитания народа» [1, с. 9].

При этом, национальный колорит влияет не только как мотив природы, но еще в большей степени на трактовку самого мотива, и не только в устремлении единения внутреннего узконаправленного понимания социалистического реализма, а намного шире [1, с. 14]. Казахстанский искусствовед Р. Ергалиева раскрывает концепцию пространства в пейзажах казахстанских художников, акцентируя внимание на природе, видя ее в разрезе Вселенной, олицетворенную

в природный храм, «безоглядная синева бесконечного неба и расстилающегося в безоглядную ширь просторы земли». В рамках чувственного реализма рождается новый реализм «этнического сознания». Природа и есть тот «универсум», как звено цепи «синдром Антея», в котором пронизаны мировоззрением и традициями народа в широком спектре интерпретации национальных образов, тем и сюжетов [2, с. 16].

В своих полотнах казахстанские художники: У. Ажиев «Джайляу» (1960-е гг., картон, масло), Г. Айтиев «Пейзаж с юртами» (1960–1970-е гг., х., м), Г. Безукладников «Чимбулак» (1950-е гг., картон, масло), «Маки. В предгорьях Тянь-Шаня» (1954 г., х., м.), «Пик Джамбула» (1968 г., картон, масло), А. Исмаилов «Алатау» (1960-е гг., бумага, акварель), стараются довести образ до его идеализации, не смешивая преломления добра и зла. Пейзаж представляется абстрактом, в чистом преломлении, проводящим аллегории между сюжетом и образом. Такого рода формирование складывается из взаимодействия «фольклорной дуалистической традиции и классической идеологией времени, усиленной социальной борьбой и поляризацией общества» [2, с. 24].

Слитность содержания и формы – это не принцип, а закон. Пейзаж в картинах рассматривается в работах художников с использованием архаического, мифологического принципов, «сведения принципа вещей к их генезису», образует триединство взаимосвязи и взаимозависимости «мифа о мироздании, генезисе человека и природы», как суммарного итога национальной архаики и первоощущения мира» [3, с. 253].

Национальная тематика – главный лейтмотив в творчестве казахстанских живописцев. В работах В. Ткаченко «Весна» (1960-е гг., картон, масло); С. Чуйкова «В степи» (1959 г., х., м.); К. Шаяхметова «В предгории» (1960-е гг., холст, картон, масло), «Весна» (1964 г., х., м.) «Отара» (1961 г., картон, масло) и др. выявлены национальные тенденции в мотивах степи, времен года, водной и горной прострации, жанровых эпизодах с декоративно-прикладными вставками фольклорного мотива [4, с. 114].

Нами было выявлено несколько этапов развития тематической картины в условиях экспериментальных поисков в обращении к национальным сюжетам и тематическим решениям, в

гармоничном единстве отображающим социалистическую действительность и образной народную символику.

Прослеживается несколько сюжетно–тематических линий. Историко-революционная тема включает освоение целинных земель. Промышленно-индустриальная – городское благоустройство. Тема труда раскрывает союз рабочего и крестьянина в мотиве трудовых достижений и завоеваний во благо развития социалистического общества; мотива красоты, любви, чувств, слагающих целостное представление о прекрасном у советского человека. Особую роль в пейзажной живописи носят бессюжетные мотивы любования ландшафтом.

Тематическое решение историко-революционного содержания, обращенного к темам гражданской войны и установления советской власти в России и Казахстане нашли отражения в работах Б. Пака «Эмиссар продовольствия Грушин И.А. 1918 год» (1982 г., х., м.), А. Молдабекова «Прощание с боевыми товарищами» (х., м.), Ж. Шарденова, Л. Леонтьева, К. Исмаилова, А. Кастеев «Встреча Алиби Джангильдина с Лениным» (1960 г., бумага, акварель); У. Адиева и мн. др. Композиции соприсутствия героев, стоящих стеной перед зрителем в ожидании готовности к борьбе и будущих перемен или как «факелы», человек, люди-герои предстают перед зрителем на фоне героико-революционных событий, отождествляющих собой особую миссию – нового советского человека [5, с. 23].

Период освоения целинных земель, поднятие престижа советского государства нашли преломления в творчестве таких художников, как М. Кенбаев «Юрта на джайляу» (1960-е гг., картон, масло); А. Кастеев «Овцеводческая ферма» (1963 г., бумага, акварель), «Зернохранилище» (1961 г., бумага, акварель) и др. [4, с. 20]. Грандиозная стойка Советского Союза – так называли Казахстан. Тяжелая металлургия, заводы, фабрики, угольные разрезы, промышленные предприятия, гидромелиоративные сооружения, ГЭС, ГРЭСы нашли свое воплощение в работах А. Исмаилова «Водохранилище в Бет-дала» (1957 г., х., м.) «Капчагайская ГЭС» (1970 г., бум., акв.), «В степях Темиртау» (1971 г., бум., акв.), К. Плюхина, В. Полякова «Карьер Каунрад» (1971 г., х., м.), «На строительстве Капчагайской ГЭС» (1975 г., бум., акв.).

Документальная живопись воспроизвела главные этапы всесоюзной стройки страны в работах: В. Арлашина «Свой фотограф» (1968 г., х., м.); К. Баранова «Ремонт мартена» (1961 г., бумага, цветная автолитография), «Проба стали» (1961 г., бумага, цветная автолитография) и др. [6, с. 48].

Темы труда, портреты «мужественных людей», будни рабочих разных специальностей, шахтеров, металлургов, путепроходцев раскрыты в полотнах пейзажа Ю. Камелина «Смена. На гора» (1981 г., х., м.). В произведениях, посвященном будням карагандинских шахтеров на угольном разрезе, художник показал нелегкий каждодневный труд мужественных людей: «Караганда – Осень. Шахта № 38» (1970 г., к., темпера), «Пришахтинск зимой» (1976 г., х. на к., темпера). В сюжетно-тематическом многообразии конца 1950-х гг. – середины 1960-х гг. по новому раскрывается в творчестве художников тему поэзии и красоты родного края, Родины, аула: Г. Безукладников «Чимбулак» (1950-е гг., картон, масло), «Маки. В предгорьях Тянь-Шаня» (1954 г., х., м) [6, с. 47].

Советский пейзаж в казахстанском искусстве открыл новые имена художников, позволил по новому оценить возможности сюжетно-тематических изысканий, раскрыл национальные особенности тематических классификаций пейзажной живописи, выявил научно-исследовательский материал для написания научных трудов, как отечественных искусствоведов, так и зарубежных ученых, определил путь становления и развития пейзажной национальной казахстанской школы и пути дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Федоров-Давыдов А.А. Русский пейзаж XVIII – начала XIX века. М.: Искусство, 1953. 581с.
2. Нехвядович Л.И. Пейзажная живопись Алтая 1960–1970-х гг. : автореферат дис. ... кандидата искусствоведения. Барнаул, 2002. 22 с.
3. Ергалиева Р. Этническое и эпическое в искусстве Казахстана. Алматы: изд. Жибек Жолы, 2011. 466 с.
4. Искусство Казахстана. Альбом. О. Щарипова, С. Нурув. Алмата: Изд. Kiman-Service, 2005. 248 с.

5. Фрадкина Г.Б. Методологические традиции искусствоведения в развитии педагогики искусства // Развитие и обучение: материалы международной научно-практической конференции. Барнаул: АлтГУ, 2019. С. 19–23. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iceder-19/articles>

6. Фрадкина Г.Б. Круг мотивов в сюжетно-тематической картине казахстанских художников 1910–1920-е годы XX века // Лучший молодой ученый–2020: международное книжное издание стран СНГ; I международная книжная коллекция научных работ молодых ученых. Нур-Султан, 2020. С. 47–50.

Е.Ф. Курманов

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова,
Усть-Каменогорск (Республика Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ КАЗАХОВ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА)

Проблема репатриации и связанные с ней вопросы адаптации и интеграции репатриантов в новом для них социально-коммуникативном пространстве всегда были и остаются весьма актуальными во всем мире. Но данная проблема важна не только для репатриантов, но и для местного казахского населения. Изучение особенностей миграционных процессов позволяет глубже понять специфику аккультурации групп мигрантов в конкретном регионе. Данная проблема в силу своей политической и социально-культурной значимости требует комплексного исследования.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, казахи, миграция, адаптация, интеграция, село, город

Y.F.Kurmanov

Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk
(Kazakhstan)

FEATURES OF ADAPTATION AND INTEGRATION OF THE KAZAKHS IN CITY CONDITIONS (FOR EXAMPLE, EASTERN KAZAKHSTAN)

The problem of repatriation and related issues of adaptation and integration of repatriates in a new social and communicative space for them have always been and remain highly relevant throughout the world. But this problem is relevant not only for repatriates, but also for the local Kazakh population. Studying the features of migration processes allows a deeper understanding of the specifics of the acculturation of groups of migrants in a particular region. This problem, due to its political and socio-cultural significance, requires a comprehensive study.

Key words: East Kazakhstan, Kazakhs, migration, adaptation, integration, village, city

После распада Советского союза на постсоветском пространстве настали времена социально-экономических и политических реформ, смены идеологических ориентиров и приоритетов многих государств, в том числе Республики Казахстан. Изменения в общественной и экономической жизни повлияли на этносоциальную структуру населения как города, так и села.

В 1990-е гг. аналитики относили Восточный Казахстан к северо-восточной этнодемографической зоне, особенностями которой являлись: средняя плотность населения, высокая урбанизированность, низкий удельный вес казахского этноса, значительное присутствие русских и других этносов, высокая миграционная подвижность, отсутствие естественного прироста (депопуляция населения), низкая рождаемость и высокая смертность. Основная демографическая характеристика данной зоны – потеря населения [1, с. 55].

По данным переписи 1989 г. в ВКО преобладало русское население – 51,7% (38,9% казахов), 1999 г. в ВКО уже преобладало казахское население – 48,5% (45,4% русских) и закрепило свое положение по итогам переписи 2009 г. – 55,9% (40,2% русских). Но, преобладания казахского этноса над остальными этносами не

означало естественный прирост казахов в данном регионе, а было обусловлено миграционным оттоком представителей других этносов. Так, в 1989 г. население Восточного Казахстана составляло 1767225 чел. [2, с. 75], в 1999 г. 1531024 чел. [2, с. 75], а в 2009 г. уже 1396593 чел. [3, с. 6]. То есть, после обретения независимости населения Восточного Казахстана сократилась на 20,9% или на 370632 чел. от общего числа населения Восточного Казахстана.

Убыль населения Восточного Казахстана обуславливалась в основном международной миграцией в ходе обмена населением между Восточным Казахстаном и странами СНГ.

В тоже время, численность казахов в 1989–2009 гг. выросла на 13,6% или 93853 чел. и составила 781732 чел. [4, с. 11]. Нужно отметить тот факт, что рост населения происходил исключительно в городах, а в сельской местности шел процесс депопуляций. Так, с 1989 по 2009 гг. число городского населения выросло на 72,7% и составило 370576 чел. [5, с. 74], а население села уменьшилось на 15,1% и составило 411156 чел. [6, с. 73]. Высокий рост городского население обусловлен внутренней миграцией казахов. Фактически 156 тыс казахов Восточного Казахстана переселилось из села в город. Село же потеряло 62244 казахов и сумело сохранить население только благодаря оралманам из КНР и Монголии.

Возраст казахского население тоже важен в изучении миграций из села в город. Если дать общую картину по Восточному Казахстану, то мы получим следующие данные: мигранты до 15 лет – 23,5% (183700), 15–19 лет – 10,7% (83441), 20–29 лет – 17,5% (136704), 30–39 лет – 15,2% (119068), 40–49 лет – 15,3% (119555), 50–59 лет – 9,6% (75076), 60–69 лет – 4,6% (36165), 70 и старше – 3,6% (28023). Как видно из возрастной картины, подавляющее большинство мигрантов среди казахского населения находится в возрасте до 40 лет. И именно этот возраст является двигателем миграций. В поисках лучшей работы и лучших условий для жизни сельские казахи переезжают в города.

Города Восточного Казахстана исторически были русскоязычными, за исключением Семипалатинска, где доля казахского этноса преобладала над другими. В 1990–2000 гг. казахам, прибывшим в города было трудно освоиться и устроиться на работу, поскольку большинство мигрантов плохо говорило на русском языке

или вообще не владело им. Данные переписи 2009 г. позволяют проследить степень владения мигрантами русского языка (табл. 1).

Таблица 1

Распределение казахского населения ВКО по степени владения русским языком
(в возрасте 15 лет и старше)*

Категории населения	Численность казахов	Понимают устную речь	Свободно читают	Свободно пишут
Все население	598032	554387	513582	499045
Городское население	291154	283639	272818	268535
Сельское население	306878	270748	240764	230510

**Составлено по: Восточно-Казахстанская область. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Том 2. Статистический сборник. / под ред. Смаилова А.А. Астана, 2011. 150 с.*

Уровень знания русского языка среди казахского этноса значительно повысился в начале XXI в. Но и этого все еще мало для адаптации сельского жителя к городским условиям жизни. Среди сельского население не понимают устную русскую речь 11,8% казахов, 21,5% казахов не умеют читать русскую литературу и 24,9% казахов не могут писать на русском языке. Среди городского населения процент не владеющих русским языком также растет.

До распада Советского Союза делопроизводство в органах государственного управления проводилось исключительно на русском языке, и за это время выросло целое поколение казахов, не умеющих готовить документы на национальном языке. Ситуация осложнялась тем, что функции казахского языка ограничивались сферами быта и традиционной культуры, выходя за эти сферы использование казахского языка сокращалось.

Адаптация казахов в городских условиях проходила и проходит весьма трудно. После того, как казахи стали мигрировать в города, выяснилось, что социальные, культурные и образовательные

различия между мигрантами и местным городским населением настолько велики, что сильно затрудняют адаптацию и интеграцию сельских казахов в городское сообщество.

Воспоминание Марата Адилова: «Мы переехали в Усть-Каменогорск в 2006 г. из села Аксу, Катон-Карагайского района. Село не большое, но дружное. Переехать в город нас уговорил мой брат. Он жил в районе Согры. Снимал дачу со своей семьей. Жена и 2 сына. Первые 3 года мы жили у них. Две семьи в одной времянке в площадью 42 кв.м. На тот момент жена была беременна 3-им ребенком. В первый год было очень трудно. Работы нет. Жили на зарплату брата. Он был разнорабочим. По специальности я был инженером циркулярных аппаратов. Но работу найти не мог, так как не было стажа. После вуза поехал в родное село, где занимался хозяйством. Русский язык у меня был очень плохим. Понимал, что говорят, но написать или правильно донести свою мысль я не мог. В магазины ходила жена. Дети ходили в школы в центре города, так как казахских школ на районе не было. Сельские казахи разных возрастов были вынуждены изучать русский язык для того, чтобы элементарно выходить на улицу за продуктами...» вспоминает нынешний крупный бизнесмен.

Данная проблема сохраняется и в настоящее время, но уже не у мигрантов из села, а у студентов по программе «Серпін». С 2014 г. в Казахстане работает государственная программа «Серпін - 2050» «Мәңгілік ел жастары - индустрияға».

Цель программы – обучить и трудоустроить молодежь из южных регионов страны с избытком трудовых ресурсов (Алматинской, Южно-Казахстанской, Жамбылской, Кызылординской, Мангистауской областей) на востоке, севере и западе Казахстана – в регионах, испытывающих дефицит кадров. Южный Казахстан преимущественно населен казахами, практически не владеющими русским языком. Ежегодно в вузы Восточного Казахстана поступают около 500 студентов из южных регионов. Различия в менталитете, культуре, языковой барьер стали основными причинами плохой адаптации студентов в вузах. Программа подверглась критике со стороны местного населения. Ермек Курмангалитеги, который нередко критикует в Facebook'е программу «Серпін», пишет: «У выпускников Восточного

Казахстана и севера страны очень небольшие шансы на поступление в вузы в своих областях на основе грантов. Потому что эти места отдаются участникам программы "Серпін". Несмотря на высокие баллы, молодежь востока и севера страны вынуждена учиться платно».

В XXI в. Казахстан продолжает свое развитие. Развивается и казахский этнос. Сегодня молодое население Казахстана, понимая важность многоязычия для свое будущей карьеры и профессионального роста, стремится знать несколько языков И эта тенденция развития молодежи Казахстана дает большие надежды для будущего всего народа.

Библиографический список

1. Аубакирова Ж.С. 2003: Опыт демографического районирования Казахстана // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Материалы V международной научно-практической конференции. 20–21 октября 2003. Усть-Каменогорск, 2003. С. 55–59.

2. Национальный состав населения Республики Казахстан. Том 1. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. Статистический сборник / под ред. А. Смаилова. Алматы, 2000. 199 с.

3. Население Республики Казахстан. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Том 1. Статистический сборник / под ред. А.А. Смаилова. Астана, 2011. 242 с.

4. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / под ред. А. Смаилова. Астана, 2011. 110 с.

5. Портрет города. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Статистический сборник / под ред. А. Смаилова. Астана, 2011. 96 с.

6. Портрет села. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Статистический сборник / под ред. А. Смаилова. Астана, 2011. 92 с.

А.А. Лыкова

Томский государственный университет, Томск (Российская Федерация)

**ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (НА
МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)**

В статье представлен анализ состояния и содержания источниковой базы по изучению региональных отделений политических партий в Республике Алтай. Проведена систематизация корпуса источников. Отдельно выделяются и характеризуются различные группы источников. Включен функциональный анализ взаимодействия системы региональных отделений политических партий и внешней среды посредством документооборота. Представлены выводы о состоянии источниковой основы изучения деятельности региональных отделений политических партий в Республике Алтай.

Ключевые слова: политические партии, региональные отделения, Республика Алтай

A.A. Lykova

National research Tomsk state university, Tomsk (Russia)

**SOURCE BASE FOR THE STUDYING OF REGIONAL
DIVISIONS OF POLITICAL PARTIES OF ALTAI REPUBLIC**

The article presents an analysis of the state and content of the source base for the study of regional branches of political parties in the Altai Republic. The systematization of the corpus of sources has been carried out. Various groups of sources are singled out and characterized separately. Included is a functional analysis of the interaction of the system of regional offices of political parties and the external environment through document flow. Conclusions about the state of the source basis for studying the activities of regional branches of political parties in the Altai Republic are presented.

Key words: political parties, regional branches, Republic of Altai

С распадом Советского Союза в России произошли значительные преобразования государственно-политического характера. Многие регионы изменили свой правовой статус, были реформированы, а их границы изменены. Неоднократное перемещение Государственного архива и архивохранилища социально-правовой документации Республики Алтай, отдаленность

от центра административно-территориальной единицы, в состав которой ранее входила Республика Алтай, (Сибирский, Западно-Сибирский, Алтайский край) повлияли на сохранность и полноту документов фондов государственного архива. Сегодня для изучения становления и развития региональных отделений политических партий необходимо использовать многие другие источники информации, кроме архивных. Необходимость изучения деятельности региональных отделений политических партий выдвигает проблему систематизации источников в качестве весьма актуальной.

Следует отметить, что деятельность политических партий не осталась без внимания исследователей. Ценный вклад в формирование понятия и классификации политических партий внесли зарубежные ученые Морис Дюверже [1], Джованни Сартори [2], Гарольда Дуайта Лассуэл. Актуальность вопросов, связанных с деятельностью политических партий, закономерно привлекала внимание отечественных исследователей: А.В. Кынева, А.Е. Любарева [3]. Отдельно необходимо выделить работы исследователей политической системы Республики Алтай. Это исследования Г.В. Вяткиной [4], Л.В. Кыпчаковой [5], Ю.В. Табакаева [6], Л.Т. Тулебаевой [7], А.В. Шарапова [8] и др.

Таким образом, в предшествующий период была проделана значительная работа по изучению политических партий. Однако региональные отделения политических партий в Республике Алтай до сих пор не становились предметом специального изучения, не говоря уже об особенностях корпуса исторических источников в этом регионе.

Цель исследования заключается в анализе и систематизации корпуса источников по изучению региональных отделений политических партий Республики Алтай. Задачи, решенные в ходе исследования: определение корпуса источников, классификация источников по группам, анализ состояния источниковой базы.

Основу источниковой базы составляют федеральные и региональные нормативно-правовые акты, содержащие нормы избирательного права; документы, регулирующие деятельность политических партий: уставы, программы, официальные сайты, документы региональных отделений политических партий.

Для систематизации информации все источники были разделены на группы.

Первую группу источников составили законы, регламентирующие функционирование политических партий и организаций. Конституция Российской Федерации 1993 г. [9], Закон СССР «Об общественных объединениях» 1990 г. [10], Федеральный закон «Об общественных объединениях» 1995 г. [11], Федеральный закон «О политических партиях» 2001 г. [12].

Не менее важными источниками являются законы Республики Алтай. Главным источником, который закрепляет основные политические права и свободы жителей региона, является Конституция Республики Алтай [13]. Законы Республики Алтай «О выборах главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай» [14], «О выборах депутатов Республики Алтай» [15] и «О муниципальных выборах в Республике Алтай» [16] являются основными нормативными актами, которые регулируют избирательный процесс и участие в нем региональных отделений политических партий на уровне субъекта Федерации.

Во вторую группу источников вошли документы и материалы региональных отделений политических партий. В свою очередь их можно разделить на подгруппы:

- уставы политических партий (документы находятся в свободном доступе на сайтах всех действующих региональных отделений политических партий в республике);

- внутренняя документация региональных отделений политических партий;

- сайты региональных отделений политических партий;

- агитационные материалы.

Периодическая печать (третья группа источников) – это наиболее массовая группа источников. В печати освещены события политической, социальной и экономической жизни региона, ход предвыборной борьбы, позиции участников избирательных кампаний и органов власти. «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны» – газеты на русском и алтайском языке, издающиеся в республике Алтай. На сегодняшний день это самые массовые газеты региона. Данные издания спонсируются Правительством Республики Алтай. В Республике Алтай выпускается издание «Листок» –

информационно-аналитический еженедельник, учредителем которого является Сергей Михайлов, известный политический деятель региона. Издание, а также его электронная версия подвергаются критике действия регионального правительства. Региональные отделения политических партий также имеют свои периодические издания. К примеру, отделение «Коммунистической партии Российской Федерации» один раз в месяц выпускает «Правду Горного Алтая». В целом, периодическая печать позволяет исследовать агитационные и пропагандистские материалы, используемые региональными отделениями политических партий в избирательных кампаниях.

Четвертая группа источников включает в себя делопроизводственную документацию органов власти. В частности, статистические и справочные материалы. К этой группе могут быть отнесены материалы Центральной избирательной комиссии, избирательной комиссии Республики Алтай, официальная статистика.

В пятую и отдельную группу следует вынести источники личного происхождения. В нее входят результаты интервью, проведенных с лидерами региональных отделений политических партий, а также с экспертами, которые ранее работали в партийной среде, но в настоящее время не состоят в какой-либо партии. Такие материалы в письменном виде хранятся в личном архиве автора.

В заключении можно сделать вывод о том, что несомненным недостатком по изучению деятельности региональных отделений политических партий является труднодоступность архивных материалов. Тем не менее, существующий круг источников позволяет решать задачи, стоящие перед исследователями отделений политических партий Республики Алтай и России в целом.

Библиографический список

1. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2013. 540 с.
2. Giovanni Sartori. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis New York: Cambridge University Press, 1976. 370 p.

3. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.
4. Вяткина Г.В. О политической жизни социализации молодежи // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. С. 46–49.
5. Кыпчакова Л.В. Политическая культура населения Республики Алтай: проблемы обновления // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. С. 109–111.
6. Табакаев Ю.В., Толубаева Л.Т. Технологии выборных кампаний (на примере Республики Алтай) // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. С. 3–10.
7. Толубаева Л.Т. Политические предпочтения жителей Республики Алтай в выборной кампании 16 декабря 2001 г. – 6 января 2002 г. // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. С. 202–208.
8. Шарапов А.В. Выборы в Республике Алтай (14 сентября 2014 г.). [Электронный ресурс]. Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-v-respublike-altay-14-sentyabrya-2014-g>
9. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
10. Закон СССР от 9 октября 1990 г. №1708 – I «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1883/
11. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82 – ФЗ «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/
12. Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ // КонсультантПлюс: – правовая система. – Электронные данные. М., 1997–2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/
13. Конституция Республики Алтай [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_altai/

14. О выборах главы Республики Алтай, председателя правительства Республики Алтай [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453127895>

15. Закон о выборах депутатов Республики Алтай [Электронный ресурс]. URL: <http://www.panorama.ru/works/izbir/raltz.html>

16. О муниципальных выборах в Республике Алтай [Электронный ресурс]. URL: <http://altaj.regnews.org/doc/lq/be.htm>

Н.И. Скоробогач

Томский государственный университет, Томск (Российская Федерация)

ВЛИЯНИЕ АССОЦИАЦИИ ХАКАССКОГО НАРОДА «ТУН» НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ

Исследуется вклад Ассоциации хакасского народа «Тун» в формирование новой политической структуры. Изучается обстановка в регионе накануне распада СССР. Отдельная роль в исследовании отводится понятию этнического самосознания. Автор анализирует причины создания организации, начальный этап ее деятельности, исследуются цели и задачи ассоциации, ее эволюция и причины ухода с политической арены региона. Отмечается ключевая роль АХН «Тун» в формировании новой политической конъюнктуры региона.

Ключевые слова: Республика Хакасия, национальная организация, ассоциация хакасского народа Тун, национальное движение, этническое самосознание, региональный политический процесс

N.I. Skorobogach

Tomsk state university, Tomsk (Russia)

THE INFLUENCE OF THE ASSOCIATION OF THE KHA Kass PEOPLE "TUN" ON POLITICAL PROCESSES WITHIN KHA KASSIA IN THE FIRST HALF OF THE 1990S

The article examines the contribution of the Association of the Khakass People "Tun" to the formation of a new political structure. The article is devoted to the situation in the region on the eve of the collapse of the USSR.

One of the most important issue is the concept of ethnic self-awareness. The author analyzes the reasons for the creation of the organization, the initial stage of its activity, investigates the goals and objectives of the association, its evolution and the reasons for leaving the political area of the region. Also, author noted the key role of the Tun in the formation of a new political situation in the region.

Key words: Republic of Khakassia, national organization, Association of the Khakass People "Tun", national movement, ethnic identity, regional political process

Общественные объединения на сегодняшний день занимают довольно значимую роль в политической жизни международного сообщества – Грин Пис, Еврейский национальный конгресс (ЕНК), ЛГБТ-движение и т.д. Среди них довольно часто встречаются объединения этнического характера, защищающие интересы какого-либо этноса, как например ЕНК, ИНК (Индийский Национальный Конгресс). Они не имеют статуса политической партии, но в то же время обладают большим весом в политической системе США и лоббируют свои интересы через представителей своего народа в американском парламенте. Другой пример - Ассоциации айнов Хоккайдо, организация, которая на протяжении второй половины XX в. боролась за соблюдение прав айнов внутри Японии, и при поддержке международных правозащитных групп, в том числе ООН, смогла вынести данную проблему на международный уровень и защитить интересы своего этноса.

Таким образом изучение национальных объединений – транслятора мнений этнических сообществ, и их участие в различных сферах жизни какого-либо региона или страны в целом, является актуальным. В этом исследовании мы сфокусируемся на первой из общественных организаций этнического характера, образованной в Республике Хакасия – Ассоциации хакасского народа «Тун» (далее – АХН Тун).

Начало 1990-х гг. является переломным моментом в истории России, когда объективно назревшая необходимость серьезных перемен в той или иной мере осознавалась почти всеми слоями общества. В данный период вектор провозглашаемых преобразований кардинально менялся несколько раз. Учреждение

выборных органов при ухудшении экономического положения привело к активизации центробежных сил по всем направлениям. Национальные автономии Южной Сибири, так же были полноценно затронуты новым веянием децентрализации, что непосредственно привело к повышению политико-правового статуса и образованию новых субъектов Российской Федерации.

Конечно же одним из факторов получения нового статуса, среди автономий Южной Сибири, коей и являлась, интересующая нас в данном исследовании Хакасия, стала актуализация этнонационального вопроса, пришедшая так же с демократизацией политической жизни российского общества. Таким образом в 1991 г. в результате процесса суверенизации Хакасская автономная область была преобразована в Республику Хакасию.

В принципе, в Хакасии еще с конца 1980-х гг. наблюдался своего рода рост этнического самосознания коренного населения - хакасов. В 1988–1989 гг. активизируется деятельность научной и национальной интеллигенции Хакасии, обсуждаются проблемы сохранения памятников истории. В 1989 г. возникает общественное движение в защиту уникальных памятников истории, движение за превращение Хакасии в историческую заповедную зону. В.Н. Тугужекова отмечала, что назрела необходимость создания культурно-национальных центров как на территории области, так и всего государства в целом [1, с. 3].

В период перестройки на территории Хакасии возникла национальная общественно-политическая организация АХН Тун («Возрождение»). 2 августа 1990 г. на первом съезде хакасского народа часть делегатов съезда приняли решение о необходимости такого формирования. Председатель Хакасского культурного центра А. Котожеков обосновывал созыв съезда хакасского народа необходимостью придания коренному населению юридических прав (через придание области статуса республики) [2, с. 3]. Идея создания такого движения возникла еще в 1984 г. в Ленинграде, когда студенты И. Таштандинов, И. Чистанов и А. Костяков приняли решение о возрождении культуры и быта хакасского народа. В течение трех лет они собирали рассказы о культуре и быте хакасов. Летом 1988 г. была совершена попытка провести в Аскизском районе Хакасской автономной области праздник «Тун-Пайран». Члены

«Туна» издавали журнал «Тос», тиражировали его на пишущих машинках и отправляли в Хакасию. Первым делом движения стало формирование общественного мнения и сбор подписей в поддержку ежегодного проведения народного праздника «Тун Пайрам», который в 1988 г. был отменен обкомом КПСС, в связи с обострением межнациональных отношений на территории СССР [3, с. 127].

На I съезде хакасского народа в 1990 г. был поставлен вопрос о его преобразовании в общественно-политическую организацию хакасского народа «Тун» («Возрождение»). Во время голосования 292 голосами из 412 присутствующих делегатов было вынесено решение о преобразовании Съезда хакасского народа в Учредительный съезд общественно-политической организации. Часть делегатов и приглашенных покинула зал, после чего состоялся учредительный съезд. Было принято решение о создании Ассоциации хакасского народа – «Тун» [4]. В принятом уставе организации определялось: «Тун» – общественно-политическая организация, объединявшая на добровольной основе представителей хакасского народа, а также других граждан. По отношению к политическим силам, действовавшим в обществе, «Тун» провозглашался независимым. Основными целями Ассоциации были провозглашены: защита политических, социальных, экономических, культурных прав, свобод и интересов хакасского народа, сохранение исторической среды его обитания. Непосредственное участие в политической жизни региона предусматривалось через обсуждение проектов законов, высказывания своего мнения, либо альтернативных решений; участие в выборах в Советы всех уровней, выдвижение собственных кандидатов в депутаты; организацию демонстраций, митингов, пикетов; сотрудничество с общественными организациями коренных народов Южной Сибири, других народов СССР. Председателем был избран А.А. Костяков – редактор общественно-политической редакции Областного комитета по телевидению и радиовещанию. Численный состав достигал приблизительно 400 человек. Имелись подразделения в Аскизском, Таштыпском, Ширинском, Орджоникидзевском районах.

В период путча 19–21 августа 1991 г. «Тун» поддержало действия российского Президента. В 12 часов 19 августа 1991 г. в г. Абакане было созвано экстренное заседание совета Ассоциации «Тун», на котором его члены приняли единогласное решение о непризнании ГКЧП, поддержке законных органов власти страны и республики. Ассоциация «Тун» на протяжении августовских событий проводила деятельность по информированию населения о событиях в центре страны, расклеивала обращения Б.Н. Ельцина [5].

Начало 1992 г. в Хакасии отметилось обострением межнациональных отношений, и связано это было с выборами Председателя Верховного Совета Республики Хакасия. После того, как 29 января 1992 г. на первой сессии Верховного Совета Республики Хакасия Председателем был избран Валерий Шавыркин (русский), представители хакасской интеллигенции и активисты Ассоциации хакасского народа «Тун» организовали пикет здания Верховного Совета Республики Хакасия. Итоги состоявшегося накануне голосования в заявлении были названы «оскорблением хакасского народа и попранием его прав» [4]. В итоге Валерий Шавыркин заявил, что он не желает, чтобы его кандидатура послужила предметом для нагнетания межнациональной напряженности, и 1 февраля 1992 г. подал в отставку. Главой парламента стал Владимир Штыгашев, являющийся председателем Верховного совета Республики Хакасия и по сегодняшний день.

Кстати, деятельность «Тун» не единожды осуждалась как руководством Съездов хакасского народа – ЧонЧобі, так и другими структурами и их представителями. Например, известно заявление казака М. Хабарова – депутата ВС РХ, на очередной сессии ВС РХ о признании «Туна» фашиствующей организацией и, соответственно, о ее запрете. ЧонЧобі же со своей стороны не считали деятельность Туна непогрешимой, но сама постановка о запрете деятельности их смущала: «... по меньшей мере, это выглядит, как преследование за инакомыслие и этим самым является незаконным и противоречащим принципам гласности и демократии...» [4].

Позднее Съездом было написано обращение к Президенту и Совету Федерации с просьбой в ближайшее время рассмотреть вопрос о тенденциях развития казачества и дать этому процессу оценку в соответствии с международными правовыми нормами.

Также в обращении содержалась просьба «пресекать любые попытки создания военизированных формирований и любых действий и призывов на разжигание межнациональной розни» [4].

Самым интересным было то, что впоследствии «Тун» если и упоминается на съездах, то косвенно, а руководителю ассоциации А.А. Костякову вообще на IX Съезде хакасского народа 1 декабря 2001 г. не дали выступить [4]. Объяснив это тем, что он перестал являться делегатом съезда. Помимо этого, АХН «Тун», после 1994 г. не упоминается ни в газетах, ни в других СМИ. Таким образом, можно предположить, что обвинения М. Хабарова, возможно, не были беспочвенными. Так или иначе, организация перестает существовать где-то в промежутке между 1997 – 2001 гг. Однако, официального заявления о роспуске «Тун» не было.

Таким образом, мы можем резюмировать, что несмотря на то, что АХН Тун стала катализатором множественных процессов национального возрождения в регионе, таких как получение статуса Республики, формирования и создания региональной Конституции [6], определения ключевых фигур на политическом пространстве региона, она не смогла на долгое время удержаться на политическом поле ввиду внутренних разногласий и внешних обстоятельств.

Библиографический список

1. Тугужекова В.Н. Откуда мы родом: к Пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям: [размышления о судьбе Хакасии и хакасского народа] // Советская Хакасия. 1989. 15 авг.
2. Богатов Е.А. Основные показатели демографической сферы в Республике Хакасия в 1989–2002 гг. // Саянский исторический ежегодник: сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред. М.Г. Степанов. Абакан: Издательство «Бригантина», 2011.
3. Реутов Е.В. Общественно-политические процессы в автономиях Южной Сибири (1985–1991 гг.). Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2015.
4. ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив». Отдел документов новейшей истории. Ф. 884. Оп. 1. Д. 1–42.
5. Костяков А. «Тун» в дни путча // Советская Хакасия. 1991. 29 авг.

6. Конституция Республики Хакасия (принята на XVII сессии Верховного Совета Республики Хакасия (первого созыва) 25 мая 1995 года) (с изменениями и дополнениями) // Гарант. – Электрон. дан. М: "Гарант-Сервис", 2001. URL : http://constitution.garant.ru/region/cons_hakas/

7. Хакасия: ежедн. респ. общ.– полит. газ. – Абакан. 1992–1998.

8. Сочетая интересы: Интервью с кандидатом в народные депутаты РСФСР и крайсовета, заведующим кафедрой истории Абаканского пединститута Михаилом Алексеевичем Митюковым // Советская Хакасия. 1990. 12 марта.

9. Самушкина Е.В. Современная Хакасия: этническая идентичность в контексте этнополитических процессов конца XX – начала XXI вв. // Проблемы истории, филологии и культуры. 2008. Вып. № 20. С. 370 – 379.

10. Шерстова Л.И. «Новые» идентичности современных тюркоязычных народов Сибири // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2016. Вып. № 1. С. 62–73.

А.Ж. Тойбаев

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск (Республика Казахстан)

КАЗАХИ АЛТАЯ: ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ДИАСПОРЫ И РЕПАТРИАЦИЯ В КАЗАХСТАН

В статье рассматривается история зарождения казахской диаспоры на территории Республики Алтай (Российская Федерация), а также ее судьба после распада СССР, репатриация казахов на историческую родину. Раскрыты основные причины переселения казахов на территорию Алтая, а также их дальнейшая судьба на новом месте. В рамках этнической истории и истории казахской миграции выявлены стратегии социокультурной адаптации казахов на Алтае, включая стратегии межэтнического и конфессионального взаимодействия.

Ключевые слова: Алтай, казахи, тюрки, конфессии, репатриация, диаспора

A. Toibayev

Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk
(Kazakhstan)

KAZAKHS OF ALTAI: THE HISTORY OF THE ORIGIN OF THE DIASPORA AND REPATRIATION TO KAZAKHSTAN

The article considers the history of the origin of the Kazakh Diaspora on the territory of the Altai Republic (Russian Federation), as well as their fate after the collapse of the USSR, repatriation to their historical homeland. The main reasons for the resettlement of Kazakhs to the Altai territory, as well as their further fate in a new place, are revealed. Within the framework of ethnic history and the history of Kazakh migration, identify strategies for the sociocultural adaptation of Kazakhs in Altai, including strategies for interethnic and confessional interaction.

Key words: Altai, Kazakhs, Türks, confessions, repatriation, diaspora

История появления казахской диаспоры в пределах Республики Алтай начинается с момента подписания Пекинского трактата в 1860 г., который положил начало делимитации границ между Российской и Цинской империями. В результате передела границ часть казахов осталась отрезанной от основной массы казахов, подданных Российской империи. Продвижение Цинской империи на запад и освоение новых земель китайскими земледельцами, не могло не повлиять на судьбу живших в пределах Илийского края казахов. Часть казахов, не желавших покоряться Цинской империи, откочевала в Монголию, часть решила вернуться в пределы Российской империи. Тогда то и появились первые казахи на российском Алтае.

История связей между казахами и алтайцами, однако же, уходит вглубь веков. Так, есть версия, что казахский род толенгыт берет свое начало от алтайского племени төлөс. В свою очередь часть сёоков алтайцев (подразделение сёока кыпчак - казак кыпчак, подразделение сёока майман – бура майман) имеет казахское происхождение. Поэтому сказать, что казахи появились там лишь в середине XIX в. не совсем правильно. Казахи, как и любой другой кочевой народ, находились в постоянном движении в поисках новых

пастбищ. Территория Алтая, судя по всему, также входила в зону интересов казахского народа.

Первые их попытки «осесть» в Горном Алтае относятся, согласно источникам, к 30-м гг. XIX в. [1] Далее, начиная со второй половины XIX в., миграционное «давление» казахов на коренное население Горного Алтая становилось все более ощутимым. Так, в 1866 г. значительная группа казахов обосновалась в Черно-Ануйском стане Алтайской духовной миссии. Приняв православие, казахи осели главным образом в двух населенных пунктах: в Черном Ануе и Тюдрале. Первое знакомство алтайцев с казахами было не совсем радужным, так как казахи селились на территории, на которой проживало коренное население, также участились факты грабежей и барымты со стороны казахов, что не могло не задеть алтайцев.

Вторая волна поселенцев двинулась на Алтай весной 1879 г., когда около тысячи семей, в основном из рода керей, пересекли китайско-российскую границу. Основная масса их расселилась в Чуйской степи. Нападки со стороны казахов на алтайские селения не прекращались, что привело к столкновению с царскими войсками. После карательной акции со стороны регулярных войск, большая часть казахов вернулась в пределы Цинской империи. Оставшиеся на территории Алтая казахи обратились к царскому правительству с просьбой о принятии их в Российское подданство, просьба их удовлетворена не было, но, в то же время, никаких действий по выселению оставшихся казахов царская власть не предприняла [2].

Третья волна переселенцев в Чуйскую степь пришла в 80–90 гг. XIX в. Разница между предыдущей волной мигрантов была в том, что они, также как и алтайцы, были подданными Российской империи и пришли на территорию Алтая с земель, составляющих ныне Восточно-Казахстанскую область Республики Казахстан. На протяжении долгого времени казахи писали письма в Томское генерал-губернаторство с просьбой предоставить им пастбища и угодия для расселения, но оставались не услышанными. Лишь в 1913 г. они официально получили разрешение на расселение в Чуйской степи.

Начавшаяся в 1906 г. Столыпинская аграрная реформа и последовавшее за ней массовое переселение крестьян и казаков из европейской части России на территорию Казахстана увеличило

количество безземельных казахов в казахских степях. Этот факт, в свою очередь, повлиял на увеличение количества казахов - переселенцев на Алтае. Так, если перепись 1897 г. показывает, что в Чуйской степи постоянно проживало 559 казахов [3, с. 33], то уже в 1917 г. количество казахов возросло до 2000 чел. [4, с. 91] Несмотря на все катаклизмы, которые пережил казахский народ в XX в., число казахов в Горном Алтае неизменно росло. За период 1959–1986 гг. казахское население Горного Алтая выросло более чем в два раза: с 4745 до 10692 чел. Основная масса проживала в Кош-Агачском районе республики.

Казахская община на Алтае жила в основном обособлено, межнациональные браки казахов с представителями других национальностей были очень редки. Как правило, казахи женились или выходили замуж за представителей своей национальности, нередко были случаи, когда алтайские казахи отправлялись на историческую родину, чтобы «засватать» невесту для сына. Из-за обособленного образа жизни казахской общины, местные казахи достаточно хорошо сохранили культуру, быт, обычаи и знание родного языка. Сегодня казахи Алтая, как и их предки, занимаются отгонным скотоводством, большинство разводят КРС и МРС, в меньшей степени развито коневодство, также немало семей разводят свиней. Пища, употребляемая казахами Алтая, мало чем отличалась от еды казахов Казахстана, за исключением блюд, перенятых от алтайцев, а также под влиянием русской культуры распространены блюда русской кухни. Казахи Алтая из-за высокой стоимости лошади, на зиму, как правило, забивают бычка, а при приеме гостей используются блюда из говядины и баранины [5]. В религиозном отношении большинство казахов Алтая, также как и остальные казахи исповедуют ислам ханафитского толка, соблюдают все каноны и требования при различных мероприятиях (свадьба, похороны, рождения ребенка и т.д.).

После развала СССР в 1991 г. и обретением Республикой Казахстан независимости, в Казахстане развернулась широкая программа по репатриации казахов, проживавших за пределами исторической родины. В 1996 г. Президентом Казахстана была утверждена «Государственная программа поддержки казахской диаспоры», подписан «Закон о миграции» (1998 г.). При поддержке

государственных структур Казахстана и Всемирной Ассоциации казахов с конца 1990-х гг. получили развитие программы культурного, научного, экономического сотрудничества и репатриации, в которые были включены трансграничные области Большого Алтая [7]. Так, если в 1991 г. в Кош-Агачском районе насчитывалось 8200 казахов и 7013 алтайцев, то в 1993 г. - 6377 и 7264 соответственно [4, с. 74]. Однако, уже к середине 90-х гг. XX в. поток мигрантов с Алтая в Казахстан значительно сократился. Связано это было с тяжелым экономическим положением, кризисом, разразившимся на заре независимости Казахстана, что привело к усилению процесса реэмиграции казахов на Алтай. Так, если в 1994 г. из Горного Алтая уехало в Казахстан 153 человек, то вернулось обратно 1377 человек; в 1995 г. - 209 и 1200 человек соответственно [4, с. 74].

Реэмиграция казахов происходила довольно тяжело, так как казахи возвращались на Алтай практически с пустыми руками. Условия сложной социально-экономической ситуации и практической безработицы вынуждали многих заниматься криминальной деятельностью, в частности, угоном скота. Этот факт, в конце концов, привел к обострению межэтнических отношений на Алтае. В конце 90-х гг. прошлого столетия группа алтайских активистов выступила с официальным обращением к властям Алтая «по недопущению возврата казахских переселенцев в связи с участвовавшими случаями угона скота» [7]. Благодаря вмешательству властей, при содействии представителей казахской диаспоры России, удалось избежать большого конфликта между алтайцами и казахами, перевести его решение в мирное русло.

В начале XXI в. консолидационный процесс казахского сообщества Алтая вышел за рамки этнолокальных групп. Сегодня казахи являются третьим по численности народом Республики Алтай, они широко интегрированы в ее социально-политическую и экономическую инфраструктуру и имеют интенсивные контакты в рамках трансграничного сообщества.

Этнополитический фактор занимает одно из важных мест в оценке современной ситуации в макрорегионе Большого Алтая, к которому относятся Республика Алтай и Алтайский край, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая (СУАР КНР), Баян-Ульгийский

и Ховдосский аймаки Монголии, Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан. Особенность ситуации состоит в том, что доминирующим в полиэтничных сообществах приграничных регионов является казахский этнос, объединенный общностью истории, обладающий, при всех локальных различиях, единой культурой, единым языком и единой религией. Исторический опыт миграций, экономические, культурные и этнополитические контакты казахов приграничной зоны служат основой консолидации трансграничного сообщества. По мнению экспертов, геополитические ориентации и приоритеты казахского сообщества в ближайшем будущем могут иметь существенное влияние на перспективы развития ситуации в зоне Большого Алтая, при этом казахи пограничной зоны Южной Сибири сохраняют ориентации на межэтническое взаимодействие и толерантность.

Библиографический список

1. Анисимова И.В. К вопросу о регламентации миграции казахов на земли Алтайского горного округа в 40-е гг. XIX в. // Третьи Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Барнаул, 2000.
2. Государственный архив Алтайского края. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9523.
3. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900.
4. Святогорье. История Республики Алтай в документах. Горно-Алтайск, 2000.
5. Ахметова Ш.К., Клейменова Н.В. Пища степных казахов Алтайского края // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сб. науч. тр. в 3-х ч. Омск, 2004. Ч. II. С. 54–56.
6. «Алтайдынчолмоны». 1997. 24 мая.
7. Октябрьская И.В. Казахи Алтая: Этнополитические и социокультурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX–XX вв. Новосибирск, 2004.

З.М. Галушкин

Алтайский государственный университет,
Барнаул (Российская Федерация)

УЙГУРЫ КИТАЯ: К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена анализу вопроса о сохранении уйгурами КНР своей национальной идентичности в современных реалиях. Важную роль в процессе сохранения национальной идеи, культуры национальных меньшинств в рамках многонационального государства представляет национальная политика. В связи с этим, в статье рассматривается как политика Центрального Правительства КНР, так и отношение региональных властей СУАР КНР к «уйгурскому вопросу». Особое внимание уделяется структурообразующим компонентам этнического самосознания: языку, религии, коллективной памяти. В ходе исследования был сделан вывод об устойчивости национальной идеи в уйгурском обществе КНР.

Ключевые слова: идентичность, уйгурский этнос, национальное меньшинство, национальная политика, этническое самосознание, Синьцзян, Китай

Z.M. Galushkin

Altai state university, Barnaul (Russia)

UYGHURS OF CHINA: THE ISSUE OF PRESERVING NATIONAL IDENTITY

The article is devoted to the analysis of the issue of the preservation of the Chinese Uyghur's national identity in modern realities. National policy plays an important role in the process of preserving the national idea, the culture of national minorities within the framework of a multinational state. In this regard, the article examines both the policy of the Central Government of the PRC and the attitude of the regional authorities of the XUAR of the PRC to the "Uyghur issue". Special attention is paid to the structure-forming components of ethnic self-awareness: language, religion, collective memory. The study concluded that the national idea is stable in the Uyghur society of the PRC.

Key words: identity, Uyghur ethnos, national minority, national policy, ethnic self-awareness, Xinjiang, China

Китайская народная республика - многонациональное государство, в рамках которого титульная нация - ханьцы составляют 97% населения, остальное приходится на 55 национальных меньшинств, самым крупным из которых являются уйгуры. На сегодняшний день, несмотря на рост уровня образованности среди национальных меньшинств и процессы урбанизации и глобализации основным регионом их проживания остается Синьцзян-уйгурский автономный район (СУАР) КНР. Приблизительная численность уйгурского населения составляет 11 млн чел., что составляет 46% общей численности населения района, второй по численности этнической группой являются ханьцы - 8,6 млн чел. или 39%. Рост миграции ханьцев в пределы СУАР, а также политика КПК в сфере образования и религии, ведущая к постепенной «китаизации» региона, ставят перед уйгурами вопрос о сохранении этнической идентичности.

Уйгуры проживают на своей этнической территории, имеют древнюю культуру и письменность, что подтверждается историей существования Уйгурского каганата и теократического Восточного Туркестана. В XVIII в. в ходе завоевательной политики маньчжурской династии Цин территория Восточного Туркестана вошла в состав Цинской империи, а местное уйгурское население приобрело статус китайских подданных. Конечно, события середины XVIII в. означали лишение уйгурами своей государственности. Однако, несмотря на репрессии и жесткую по отношению к покоренным народам политику китайских властей, уйгурам удавалось сохранить национальные традиции, обычаи, религиозную принадлежность в рамках полиэтнического государства. Необходимо отметить, что вопрос о сохранении национального самосознания и идентичности уйгурского этноса достаточно остро стоит на повестке дня, приобретая, нередко, политизированный характер.

Идентичность каждого этноса строится на определенном анализе поведения отдельных людей и больших групп людей в процессе взаимодействия между собой и выявления ментальных особенностей. Основой этого процесса является формирование разделения на «нас» и «других», отличных от нас. Это ментальное противопоставление «свой – чужой» имеет разную значимость в

зависимости от обстоятельств и условий [1, с. 197]. В случае с Синьцзян-Уйгурским автономным районом наблюдается два важных противопоставления: «уйгуры - ханьцы» и «уйгурская этническая идентичность - китайская национальная идентичность». История, культура, религия создаёт прочную основу для поляризации общества на «свой – чужой». Отсутствие идентичности у народа, ставит под сомнение факт его существования, утрата идентичности сходна с «духовной смертью». Поддержание традиций, фольклора, обычаев, всей культуры сформированной этносом за всю историю его существования является выражением его этнокультурной идентичности и формирует в каждом его представителе ментальную модель «я - часть этноса» или «я - часть нации». В таком случае ценности и нормы культуры находятся в подсознании индивида, а внешне проявляются в поведении, привычках и стереотипах.

Одним из важных компонентов этнической и национальной идентичностей является язык. Развитие и существование языка - это процесс передачи уникальной информации, которая понятна только его носителям, язык является своеобразным достоянием поколений каждого этноса и хранит в себе его культурные особенности, историю. Уйгурский язык - не исключение. Важно отметить исключительную роль уйгурского языка, и особенно письменности, в истории духовной культуры центральноазиатского региона. Известно, что на этапе формирования Монгольской империи в XIII в., монголы использовали уйгурское письмо в документообороте.

Если исходить из современной ситуации популяризации и всеобщего распространения путунхуа на территории КНР важно рассматривать языковую политику Центральной власти и реакцию уйгурского общества. С 2004 г. власти декларируют содействие «двуязычному языковому воспитанию» [2, с. 35]. Появление двуязычных школ должно было содействовать развитию уйгурского языка и овладению уйгурами китайским. Однако, сегодня в образовательном процессе наблюдается противоположные тенденции. Количество предметов, преподаваемых на уйгурском языке сократилось до одного – уйгурская литература. Данный факт несомненно ведёт к «раздражению» среди уйгурского населения. Аналогично обстоит процесс преподавания и в ВУЗах региона. Обучение в университетах ведётся исключительно на китайском

языке. Главенствует китайский язык и в официальном документообороте СУАР. Таким образом, происходит дискриминация уйгурского языка и сокращение функциональных сфер его применения. Безусловно, реакция уйгурского населения на эти факты неминуема. Уйгурская молодежь отказывается от поступления в университеты, поскольку в них отсутствует преподавание на их родном языке. Некоторые уйгуры заявляют, что правительство пытается «уничтожить» уйгурский язык, лишив его возможности развиваться, вырабатывать неологизмы. Многие уйгуры предпочитают разговаривать между собой исключительно на уйгурском языке, а китайский используют только в общении с ханьцами. В населенных пунктах СУАР, общественных местах, в региональных средствах массовой информации уйгурский язык присутствует, но, конечно, это не исчерпывает потребности этноса в общении на родном языке. Трепетное отношение к языку выступает показателем стремления уйгуров не потерять свою идентичность в современном обществе в КНР, где китайский язык, как язык титульной нации занимает соответственно особое положение.

Важная особенность национальной идентичности уйгуров заключается в том, что она формируется вокруг ислама, который выступает её важным компонентом [3, с. 35]. Ислам является основной религией на территории Восточного Туркестана, кроме того, уйгурская государственность носила теократический характер, а его правители - ходжи, считали себя потомками пророка Мухамеда. И сегодня ислам регламентирует жизнь уйгуров, определяет систему ценностей, идеалов, регулирует аспекты общественной жизни. Однако, если вернуться к противопоставлению «свой – чужой», то ислам тоже зачастую выступает определённым «дифференциатором», разделяет уйгуров и ханьцев. С точки зрения Правительства КНР, ислам является одной из причин сепаратизма, связи с чем, власти КНР применяют различные механизмы снижения роли религиозного фактора среди коренного населения Синьцзяна. В СУАР после выступлений 2009 г., в основном было запрещено посещение мечети до 18 лет, запрещен пост в рамадан, изымались кораны, было запрещено называть детей религиозными именами. На территории СУАР создавались принудительные «лагеря перевоспитания», нацеленные на изучение уйгурами китайского

языка, получение профессии и изменение образа жизни(в данном случае подразумевалось запрещение молитвы, выделение халяльных продуктов и т.д.).

Си Цзиньпин на «конференции по религиозной работе» в 2016 г., призвал конфессии «объединить доктрины с китайской культурой», не допуская при этом участия религии в политике, государственных делах и образовании [3, с. 38]. Уйгурское общество крайне негативно относится к подобной политике, в частности, несмотря на материальную и социальную поддержку межнациональных браков, браки уйгуров и ханьцев не одобряются и даже осуждаются. В тоже время в ходе политики «ограничения рождаемости» для СУАР были сделаны некоторые исключения, разрешалось иметь двух-трёх детей в городах и трёх-четырёх детей в сельской местности [4, с. 90]. Но и эта мера не получила поддержки уйгурским обществом, поскольку по исламу, дети - это «благословение от Аллаха» [3, с. 39]. Китайское руководство также понизило брачный возраст с учётом религиозной специфики с 20 лет до 18 для девушек и с 22 до 20 для мужчин [4, с. 90].

Другой немаловажной проблемой, связанной с исламом, является одежда и внешний вид как выражение национальной идентичности. В 2014 г. в отдельных районах Синьцзяна был введен временный запрет на пользование общественным транспортом лиц носящих длинную бороду, хиджаб, одежду с полумесяцем и звёздами. Позднее, 1 февраля 2015 г., был введён постоянный запрет на посещение общественных мест лиц, носящих паранджу. Запрет был обоснован невозможностью сотрудниками полиции идентифицировать граждан, а также тем, что она связана с религиозным экстремизмом [3, с. 39]. Как ответ общества, например, после волнений 2009 г. наблюдался рост популярности ношения длинной бороды среди уйгуров. Острое поднятие вопроса об уйгурской идентичности, об уйгурском самосознании становится ответной реакцией на меры принимаемые Правительством СУАР, а также Центральным Правительством КНР.

Не менее важным фактором в сохранении этнической идентичности является история, а точнее коллективная память, поскольку представляет собой процесс передачи коллективом-

этносом своего прошлого и воспроизведение его в настоящем. Коммунистическая партия Китая использует историческую политику для постепенной трансформации общества, таким образом, коллективная память является продуктом государственной политики. Так, например, в одном из учебников по истории СУАР написано, что «с древнейших времён современная территория СУАР находилась под властью Срединного государства», в другом учебнике написано, что «в годы Китайской республики уйгуры боролись против пантюркизма и панисламизма, защитив единство родины и национальную сплоченность» [5, с. 164]. Такого рода работа с историей формирует у будущих поколений уйгуров искажённую коллективную память. Однако, противовесом подобной политики выступают традиционные уйгурские сказки и легенды, передаваемые, как правило, в устной форме.

Уйгурский этнос несмотря на современные реалии, национальную политику Правительства КНР сохраняет свою идентичность, а консервативные традиции и ислам фактически препятствуют переходу уйгуров на следующий уровень идентичности как части единой китайской нации в рамках КНР. Любые меры в отношении культуры, религии, истории предпринимаемые КПК, только усиливают стремление уйгурского общества заявить о своей культуре и истории и становятся своеобразным вызовом, провоцирующим поднятие вопроса об этнической идентичности уйгуров.

Библиографический список

1. Ананьина Д.А. К проблеме определения этнокультурной идентичности уйгуров в условиях межэтнического конфликта в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человек. 2018. № 7. С. 195–201.
2. Окурокова Л.Г., Ордахова Т.В. Языковая политика в процессе этнической интеграции в Синьцзяно-Уйгурском автономном районе (КНР) // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62–18. С. 34–37

3. Ponka T. I., Shlentova A.E., Ivashkevich A.A. Ethnic and cultural issues of Uyghurs identity in Xinjiang region // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 34–43

4. Ван Цзяньган. Современная демографическая политика Китая на примере Синцзян-Уйгурского автономного района // Социология. 2017. № 2. С. 88–93.

5. Наурызбаева М.М. Политика КПК в СУАР и её влияние на трансформацию коллективной памяти этнических меньшинств // Евразийский союз учёных. 2015. № 4-10(13). С. 162–164.

Э.А.Мусаева, Ж.С. Әубакирова

С.Аманжолов атындағы ШҚМУ, Өскемен (Қазақстан)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БІЛІМ БЕРУ САЛАСЫН АЙМАҚТЫҚ ЖІКТЕУ ТУРАЛЫ

Қазақстандағы қазіргі білім беру нарығы өзгерістер мен бәсекеге қабілетті компоненттерді одан әрі дамуға байланысты жаңа тәсілдерді іздеу және енгізу қажеттілігін әкелді. Білім беру саласында кластерлік тәсілді пайдалану да болашақта қажетті бағыттардың бірі болып табылады. Авторлар «Statistica» бағдарламасын қолдана отырып, білім беру жүйесінде аймақтық кластерлерге бөлуді ұсынады. Авторлар аймақтық кластерлерге арналған 3 критерийді бөледі: жоғары, орта және төмен. Сондай-ақ, авторлар XMind бағдарламасы арқылы білім беру жүйесінің интеллектуалды картасын құрып, оны білім беру саласында қолдану тиімділігіне баса назар аударды. Авторлар білім беру жүйесінде аймақтық жіктеу арқылы көшбасшыларды табуға және әлсіз аймақтарды анықтауға көмектеседі деп санайды.

Кілт сөздер: білім беру, аймақ, жіктеу, кластер, индекс, бағдарлама

Э.А. Мусаева, Ж.С. Аубакирова

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С.
Аманжолова. Усть-Каменогорск (Республика Казахстан)

О РЕГИОНАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Изменения в системе современного образования в Казахстане привели к необходимости поиска и внедрения новых подходов, связанных с дальнейшим развитием образования как конкурентоспособной составляющей рынка образовательных услуг. В сфере образовательных услуг одним из перспективных направлений является использование кластерного подхода. Авторы предлагают для изучения и сравнительного сопоставления системы образования по регионам с помощью программы «Statistica» региональные кластеры. Авторы выделяет 3 критерия региональных кластеров: высокий, средний и низкий. А также авторами через Программу XMind создана интеллектуальная карта системы образования, подчеркивая эффективность ее применения в сфере образования. Авторы считают, что региональная классификация системы образования поможет найти лидеров по регионам и выявить более слабые регионы.

Ключевые слова: образование, регион, классификация, кластер, индекс, программа

E.A.Mussaeva, Zh.S. Aubakirova.

Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk
(Kazakhstan)

ABOUT THE REGIONAL CLASSIFICATION OF THE SPHERE OF EDUCATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Changes in the system of modern education in Kazakhstan have led to the need to search and introduce new approaches associated with the further development of education as a competitive component of the educational services market. In the field of educational services, one of the promising areas is the use of the cluster approach. The authors propose regional clusters for the study and comparative comparison of the education system by regions using the “Statistica” program. The authors distinguish 3 criterion for regional clusters: high, middle and low. And also the authors, through the XMind Program, have created an intellectual map of the education system,

emphasizing the effectiveness of its application in the field of education. The authors believe that the regional classification of the education system will help to find leaders by region and identify weaker regions.

Key words: education, region, classification, cluster, index, program

Кіріспе. Қазақстан Республикасы шикізат ресурстарына бай Орта Азия елдерінің қатарындағы мемлекет болып табылады. Қазақстан Республикасы тек экономикалық жағынан бай мемлекет емес ол сонымен қоса, білім мен ғылым саласынан да алдыңғы қатарлылардың тізімінде. Республикадағы білім беру саласы кеңестік білім беру жүйесінен тәжірибе жинақтаған мемлекет ретінде дамып келеді. Білім беру саласы тәуелсіздік алған күннен бастап қазақ елі үшін бірнеше бағдарламалар мен реформаларды қабылдаумен болды. Қазақстан Республикасының табиғи байлықтары бойынша аймақтарды кластерлеуге болатынын елде қабылданған бағдарламалар дәлелдесе, ал білім саласын кластерлеу мәселесімен осы күнге дейін ешбір ғалым айналыспағанын айтуымызға болады. Сол себепті де, мақаламыздың өзектілігіне айналып отырған Қазақстанның 17 аймағын 3 кластерге бөлу жолдарын ұсынып отырмыз. Республиканың аймақтарындағы дамыған, орта, төмен дәрежедегі білім беру жүйесін анықтау мақаламыздың мақсаты болып табылады.

Талқылау. Білім беру саласын зерттеу жұмысын қолға ала отырып, осы жүйедегі оқушылардың біз жас ерекшеліктері арқылы Қазақстан аймақтарын кластерге бөлуді жөн санадық. Сонымен жас ерекшеліктері бойынша білім деңгейін Қазақстанның аймақтарының кластерлік жіктелуін (0-4, 5-9, 10-14, 15-19) жастарға байланысты бөлуді ұсынып отырмыз.

Зерттеу жұмысында алғашқы рет «Xmind» және «Statistica» бағдарламасы арқылы, статистикалық мәліметтердің көмегімен динамикалық үлгерім көрсеткіші көрсетіледі.

Қазақстан Республикасын экономикалық жағынан класстерлеу. Қазақстан Республикасының аумағы әлем бойынша тоғызыншы орынға ие. Қазақстан аумағы ауыл шаруашылығына, индустрияға ыңғайлы болып келеді. Әр аймақтың республика үшін алатын орны ерекше.

1993 жылғы 8 желтоқсандағы «Қазақстан Республикасының әкімшілік-аумақтық құрылысы туралы» Заңның Республика Конституциясының қабылдануымен жалпы республика дамуының қазіргі кезеңіне жауап беретін әкімшілік-аумақтық құрылыстың негізгі құқықтық негіздерінің жүйесін құру үрдісі аяқталды[1, с.8]. 1995 жылғы 30 тамызда қабылданған Қазақстан Республикасының Конституциясына сәйкес мемлекеттік биліктің атқарушы органдары әкімдіктер болды.

Қазақстан Республикасы Президентінің 1995 жылғы 19 желтоқсандағы Жарлығымен «Қазақстан Республикасының әкімшілік-аумақтық құрылысы туралы» Қазақстан Республикасының Заңына өзгерістер мен толықтырулар енгізілді[2, с.115].

Сонымен Қазақстан Республикасы 17 территориялық бірліктен: 14 облыс және 3 республикалық маңызы бар қалалардан(Алматы, Нұрсұлтан, Шымкент) тұрады.

Қазақстанның экономикалық аудандандастыруына аумақтықтың 5 экономикалық-географиялық бөлінуі жатады.

1.Шығыс Қазақстан құрамында-Шығыс Қазақстан облысы кіреді.

2. Орталық Қазақстан-Қарағанды облысына тиісті елдер қарайды.

3.Батыс Қазақстан құрамына- Ақтөбе, Атырау, Маңғыстау және Батыс Қазақстан облыстарынан тұрады.

4.Солтүстік Қазақстанның құрамына-Ақмола, Астана қ. Қостанай, Павлодар, Солтүстік-Қазақстан облыстары кіреді.

5. Оңтүстік Қазақстан- Алматы облысы, Алматы қ. Жамбыл, Қызылорда, Түркістан облыстары қарайды.

Сонымен бірге, Батыс аймақ экономикалық аймақ ретінде мұнай және газ өндірісіне, Шығыс және Орталық аймақ машина жасау, қара және түсті металлургия, ал Солтүстік аймақ көмір, темір кендерін өндіруге, электр және құрылыс материалдарын өндіруге мамандандырылған. Оңтүстік экономикалық аймақта ауыл шаруашылығы, балық шаруашылығы және орман шаруашылығы дамиды. Мұнда күріш, бидай, мақта, көкөністер, жемістер мен жүзім белсенді өсіріледі; қой және жылқы шаруашылығы дамыған[3].

Бұл жағдайда жалпы республикалық аймақтық басымдықтарды айқындау үшін салық және бюджет саясатын қалыптастыру тұрғысынан аймақтық үш тобы бөлінеді: жан басына шаққандағы табыс деңгейі орташа республикалық көрсеткіштерге тең және одан төмен. Сол сәтте топтар бойынша жағдай келесідей болды:

1) Ақмола, Ақтөбе, Шығыс Қазақстан (ШҚО), Қарағанды, Маңғыстау, Павлодар облыстары және Алматы қаласы;

2) Атырау, Жезқазған, Қостанай, Солтүстік Қазақстан (СҚО), Торғай облыстары;

3) Алматы, Жамбыл, Батыс қазақстан (БҚО), Қызылорда, Көкшетау, Семей, Талдықорған және Оңтүстік Қазақстан (ОҚО) облыстары.

Аймақтарға сараланған көзқарас олардың әлеуметтік-экономикалық әлеуеті, аймақтардың ЖІӨ-дегі үлес салмағы бойынша жіктелуі негізінде:

1) даму қарқыны төмен аймақтар: Жамбыл, Солтүстік Қазақстан, Ақмола және Қызылорда облыстары;

2) даму серпіні орташадан төмен аймақтар: Қостанай, Алматы, Батыс Қазақстан облыстары;

3) даму динамикасы орташа аймақтар: Ақтөбе, Павлодар, Оңтүстік Қазақстан, Шығыс Қазақстан, Маңғыстау облыстары;

4) даму қарқыны жоғары аймақтар: Астана қаласы, Қарағанды облысы;

5) көшбасшы аймақтар: Атырау облысы, Алматы қаласы [4, с. 25].

Аймақтарды дамытудың 2020 жылға дейінгі бағдарламасының қабылдануымен Қазақстанның аймақтық саясатының жаңа кезеңі бастады деп айтуға болады. «Қазақстан-2050» стратегиясы-қалыптасқан мемлекеттің жаңа саяси бағыты» атты тұңғыш елбасы Н. Назарбаевтың Жолдауы еліміздің ертеңіне сенімін арттыра түсетін басты құжат ретінде қабылданғаны белгілі [4, с.28].

Кластерлік тәсілді енгізу кезінде кластерлік үлгі шеңберінде жұмысқа бизнестің жеткіліксіз дайындығы, компанияларда кооперация мен оқшаулауға деген уәждердің болмауы,

инновациялық белсенділіктің төмендігі және т. б. сияқты қиындықтар анықталды[4, с.57].

Аймақтық кластерлеу республиканың экономикалық-әлеуметтік әл-ауқатына және ЖІӨ (жалпы ішкі өнімнің) көрсеткішіне де әсер етеді. Алдыңғы қатарда көшбастап тұрған аймақ ретінде Атырау мен Алматы қаласы шығып отыр, даму қарқыны төмен аймақтар ретінде Жамбыл, Солтүстік Қазақстан, Ақмола және Қызылорда берілген. Адам капиталының білім беру деңгейін анықтау үшін АДИ (Адам даму индексі) талдап алу жөн. АДИ негізінде біз экономикалық негіздегі аймақтар мен білім беру саласының кластерін саралайтын боламыз. ҚР білім алушыларының жас ерекшелігіне жіктеу арқылы біз ағарту ісінің мектепке дейінгі, мектеп, арнайы және жоғарғы оқу орындарында тәлім алататынына назар аударамыз.

Қазақстан аймақтарындағы орта білімді жас ерекшелігіне қарай жіктеу. Қазақстан аймақтары балаларының үлес салмағы бойынша саралауды жүзеге асыру арқылы ҚР білім беру саясатын ғылыми-әдіснамалық сүйемелдеу үшін 0-4,5-9,10-14,15-19 жастағы топтарға бөлу мақсатында зерттеуді қолға алып отырмыз. Бұл жіктелу формасы бірінші рет ұсынылып отырғандықтан, халықтың жасы бойынша қазақстандықтарды аймақтық білімі бойынша жіктелуі келесідей деп көрсетіп отырмыз оларға:

- 1.0-4-мектепке дейінгі жастар
- 2.5-9- бастауыш сынып жасындағылар
- 3.10-14-негізгі білім беру
- 4.15-19- орта білім беру жастағылар

Негіздеме ретінде:

1) АДИ – ересек халықтың сауаттылық деңгейімен және білім берумен қамтудың жалпы жиынтық коэффициентімен өлшенетін білімге қол жеткізу ретіндегі коэффициенті

2) ҚР білім мен ғылымның 2016-2019 жж арналған даму бағдарламаларын ұсынып отырмыз.

ҚР-дағы білім беру саласының индексі. Қазіргі кезеңде Қазақстан Республикасының аймақтық саясатының мақсаты экономикалық әлеуеттің ұтымды аумақтық ұйымын құру және халықтың өмір сүруіне қолайлы жағдайлар жасау болып табылады.

2002 жылы оның әрекет ету мерзімі аяқталғанға дейін 2002-2006 жылдарға арналған тағы бір аймақтық саясат тұжырымдамасы қабылданды. 2006 жылы елдің 2015 жылға дейінгі аумақтық даму стратегиясы бекітілді. Алайда 2011 жылы елдің 2020 жылға дейінгі кеңістіктік дамуының болжамды схемасы бекітілді.

Адам дамуының 2015 жылғы индексіне сәйкес (HDI 2015) Норвегия әлемдегі ең өркендеген ел болып танылды, Австралия, Швейцария, Дания және Нидерланды да өркендеген бес елдің қатарына кіреді. АДИ (ИЧР) Қазақстан 56 орынды иеленіп 0.800 көрсеткіші бойынша 2014 жылы 70-ші орынды иеленген болатын[5].

Legatum Institute халықаралық зерттеу орталығы 2017 жылдың қорытындысы бойынша гүлдену индексін жариялады, индекс экономика, кәсіпкерлік, басқару, білім беру, денсаулық сақтау, қауіпсіздік, жеке бостандық, әлеуметтік капитал, экология секілді қоғам өмірінің аспектілері мен қоғамдық әлауқаттылық параметрлерін көрсететін көрсеткіштер негізінде шығарылған. Бұл зерттеуге Қазақстан 2006 жылдан бастап қатысады және Қазақстан 83-орыннан 72-орынға, яғни 11 позицияға алға жылжыды. Барлық ТМД елдерінің ішінен 26-орынды иеленген Ресейге ғана жол беріп, білім индексі бойынша Қазақстан 35-орын алды. Сонымен қатар, Legatum Institute деректері бойынша, білім деңгейі Қытай мен Түркияға қарағанда жоғары.

Қазақстанның гүлдену индексіне келтірілген түсініктемелерде Қазақстанда білім деңгейі мықты екендігі көрсетілген. Бұл білім санаты бойынша 40 мықты елдер қатарында болуымен дәлелденеді. Жетістіктер кездейсоқ емес, себебі «Қазақстан 2050» бағдарламасы аясында Қазақстан халықтың сауаттылық деңгейін 99,8 пайызға дейін көтеру және халықтың бастауыш сыныптарды 100 пайызға аяқтауы үшін зор күш салып жатыр. Білім теңсіздігі көрсеткіші өте төмен, ал қыз балалар мен ер балаларды қамту коэффициенті әлемдегі ең жақсыларының бірі. Барлығы үшін тегін және міндетті орта білімнің болуы мемлекеттің орта білімнің ең жоғары көрсеткішіне жетуін қамтамасыз етті[6].

2018 жылғы зерттеу қорытындысы бойынша 189 мемлекеттер арасында Қазақстан 58 орынды 0.800 көрсеткішін Барбадоспен бөлісті[7].

Білім деңгейінің индексі елдің жетістігін оның тұрғындарының білім деңгейі бойынша екі негізгі көрсеткіштер бойынша өлшейді:

-Ересектердің сауаттылық индексі (салмақтың 2/3).

-Бастауыш, орта және жоғары білім алатын студенттердің жалпы санының индексі (салмақтың 1/3).

Білім деңгейінің көрсетілген екі өлшемі қорытынды индексте жинақталған, ол 0 (минимум) мен 1 (максимум) аралығындағы сандық мәндер түрінде стандартталған. Жалпы дамыған елдерде ең төменгі коэффициент 0,8 болуы керек, дегенмен олардың көпшілігінің бағасы 0,9 немесе одан жоғары. Әлемдік рейтингтегі орынды анықтау кезінде барлық елдер білім деңгейінің индексі бойынша сараланады, онда бірінші орын осы көрсеткіштің ең жоғары мәніне, ал соңғысы - ең төменгі деңгейге сәйкес келеді[8].

Білім деңгейінің индексіне арқа сүйей отырып, Қазақстан әлемдік рейтингіде өз позициясын біртіндеп көтеріп келеді. Көшбасшы орынға жету үшін республика бірінші өзінің аймақшілік сапасын арттыру керек. Аймақшіінде бұл үрдісті жандандыру үшін білім беру саласын кластерге бөлу арқылы алдыңғы қатарлы, соңғы қатардағыларды анықтап алу қажет. Жалпы алғанда бірінші ҚР білім беру жүйесі қандай құрылымнан тұрады? деген сұраққа жауап беру үшін интеллект картаға назар аударуымыз керек.

Xmind бағдарламасы арқылы ҚР білім беру жүйесіне интеллект карта жасау.

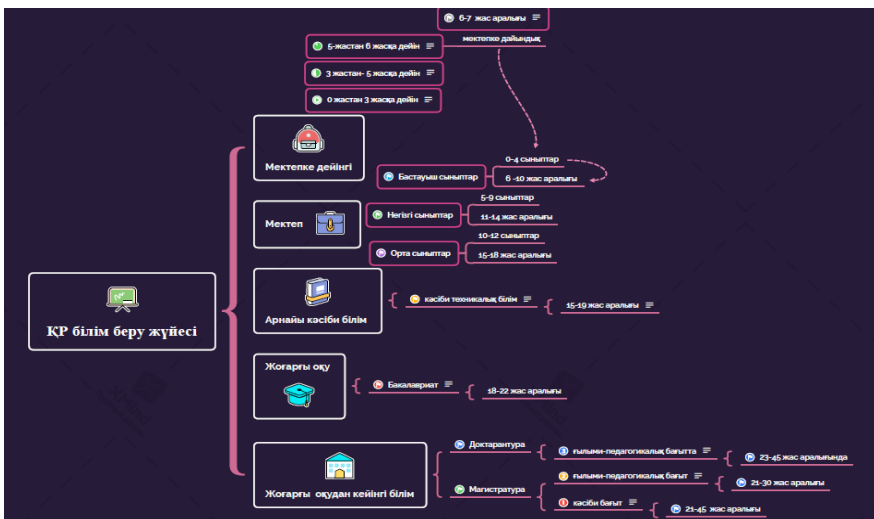
XMind-ақпаратты диаграммалары немесе кестелер түрінде құруға мүмкіндік беретін интеллект карталарын құруға арналған бағдарлама. Бағдарлама кез-келген күрделіліктегі кестелерді және диаграммаларды жасай алады. Шаблон карталарынан интеллект карталарын модельдеуге мүмкіндік береді, олардың арасында белгілі бір қатынастар орнатылады. Интеллект-карта немесе екінші атауы «ментальді картамен» жұмыс істеуде материалды бекіту үшін, тиімді графиканы есте сақтау үшін өте пайдалы. Сол бағдарламаның көмегі арқылы 1-ші сурет «ҚР білім беру жүйесіне» интеллект карта жасап көрдік.

1-ші суретте көріп отырғанымыздай, «ҚР -ның білім беру жүйесі» 4 немесе кей кездері 5 сатыны құрайтынын интелек

картаның көмегімен көрініс тапты. Интеллект картада оқушылардың жас ерекшеліктері мен сыныпқа бөлу категориялары да ұсынылған.

Мектепке қазақстандық балалар 6-7 жас аралығында барып, бастауыш, негізгі және орта сынып деп үш бағытқа бөлінген жүйеде оқиды. Бастауыш сыныпқа 0-4, негізгі бөлімге 5-9 сынып аралығы ал, 10-11 орта сынып оқушылары деп топтастырылады[9].

Қазақстан 1991 жылы тәуелсіз ел ретінде саяси аренаға шыға бастады. Орта білім беру жүйесін де өзгерту шараларын қолға алды. 1993 жылға дейін тегін, кейін ақылы негізде кәсіби және жоғары оқу орнына қабылданатын болды.

Сурет 1. ҚР білім беру жүйесі

Конкурста міндетті түрде отбасылық жағдай, аттестаттың орташа бағасы, олимпиада жеңімпаздары мен денсаулығы, ауылдық аймақтың түлегі екеніне де көңіл бөлінетін.

Қазақстандағы білім беру саласы тек мектеп табалдырығындағы біліммен шектелмейтіні баршаға аян. Үздіксіз білім алу саясаты бойынша мектептен кейін арнайы кәсіби білім алу (колледж, техникум, училищелер) аясын кеңітті. Қысқартылған форматта немесе мектепті аяқтаған соң жоғарғы оқу орындарында

білім алу үрдісі заман талабына сай маман даярлауда қазақстандықтар үшін орны бөлек дүние.

Интелект картаның келесі буыны жоғарғы оқу орнына бөлінген. 2010 жылдан бастап Қазақстанда үш деңгейлі білім беру жүйесін қабылдады оларға: бакалавриат-магистратура-докторантура жатады [10, б.15].

Жоғары оқу орындары Болон жүйесі бойынша бакалавриат арқылы елге кәсіби деңгейде маман даярлаумен шұғылданады. 4 немесе 3 жылдық білім алу келесі сатыға жол ашады, яғни олмагистратура. Магистратурадан соң – докторантура, ол арқылы ғылыми деңгейге көтерілудің келесі сатысы ашылады.

Xmind бағдарламасы білім беру саласында қолдануға өте тиімді болғандықтан жазба қағаз ретінде күнделікті өмірде қолданысқа енгізуге болатынына көзіміз жетті. Мәтінді қысқаша схема арқылы қолдану визуалды түрде есте сақтауға көмегін тигізеді. Бұл бағдарлама аудандастыру мен жіктеуде «Statistica» бағдарламасы сияқты статистикалық мәліметтерді өңдеп бере алмайды, дегенмен қолданысқа енгізуге өте тиімді.

Қазақстан аумағын кластерге бөлуге келгенде деңгейі: дамыған, орта, төмен аумақтар деп сипатталады. Қазақстан елін зерттеуді қолға ала отырып, республикамыздың әр түпкір-түпкіріндегі білім мен ғылым саласының көрсеткішін атаулы «Statistica» бағдарламасының көмегімен көрсетіп беруге тырысамыз.

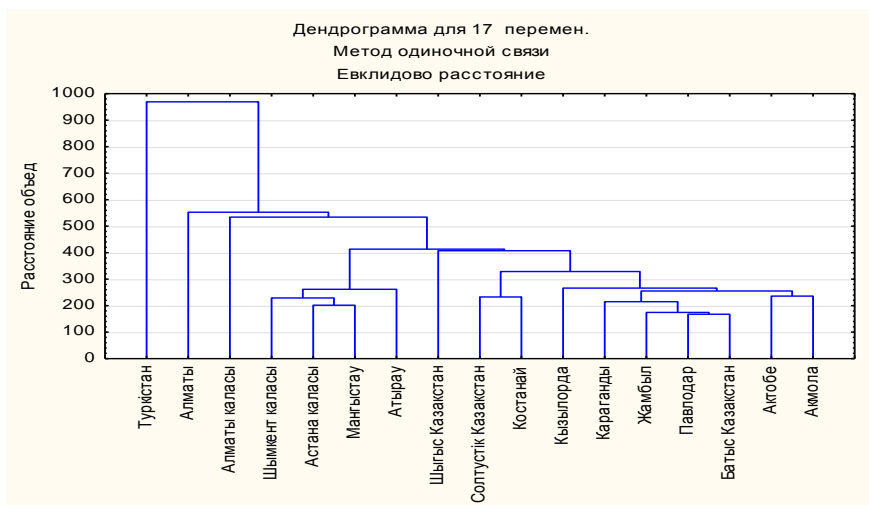
«Statistica» бағдарламасы арқылы ҚР білімін аймақтық деңгейде жіктеу. Статистикалық мәліметтерді толық өңдеп шығу, оған сараптама жасау бірнеше уақытты алатыны сөзсіз. «Statistica» бағдарламасы статистикалық әдістерді қолдана отырып, деректерді талдау, деректерді басқару, деректерді шығару, деректерді визуализациялау қызметтерін жүзеге асыратын, статистикалық талдауға арналған бағдарламалық пакет. Пакетте кең графикалық мүмкіндіктер бар, әсіресе кластерлік графика арқылы статистикалық мәліметтерді шығаруға мүмкіндік беріп, дендрограммалар арқылы 3 критерийдің компоненттерін ашып бере алады. Мысал ретінде 2000-2018 жылдар аралығында Қазақстан Республикасының мектепке дейінгі білім берудің көрсеткіштері арқылы аймақтық кластерлерге бөлуді дендрограмманың көмегімен көруге болады 2-сурет.

2-ші суретте көріп отырғанымыздай, горизонтальды бағытта аймақтар, вертикальды бағытта жылдармен қамтудың көрсеткіштері көрініс тауып отыр. Каластерге бөлуге келсек, 0-300 ге дейінгі бағанды төменгі деңгейдегі, 300-600 ге дейінгі аралықты орта, ал 600-1000 дейінгі аралығын жоғарғы деңгейдегі деп жіктеуді ұсынып отырмыз. Сонымен әр аймақты «Statistica» бағдарламасы арқылы 3 критерийге толық бөліп сипаттайтын болсақ төмендегідей шығады оларға:

1 кластер- даму қарқыны төмен аймақтар - Ақмола, Ақтөбе, Батыс Қазақстан, Павлодар, Қарағанды, Жамбыл, Астана қаласы, Солтүстік Қазақстан, Атырау, Шымкент қаласы

2 кластер- даму қарқыны орта аймақтар - Маңғыстау, Шығыс Қазақстан, Қызылорда

3-кластер-даму қарқыны жоғары аймақтар - Алматы, Алматы қаласы, Түркістан қаласы.

Сурет 2. 2000-2018 жж. аралығындағы ҚР мектепке дейінгі білім берудің аймақтық көрсеткіштері

Дендрограммдан көріп отырғанымыздай 18 жылдың статистикалық аймақтық көрсеткіштерін 3 кластерге жіктеу бізге алдыңғы қатарлы көшбасшы аймақ ретінде Алматы облысы, Алматы қаласы және Түркістан қалалары екенін көрсетіп беріп отыр. Әрине

Түркістан қаласы соңғы жылдары қосылғанымен көрсеткіш деңгейі, дүниеге бала санының жақсы қарқынмен келуі арқылы өз орнын көрсете білді. Орта деңгейдегі Маңғыстау, Шығыс Қазақстан, Қызылорда аймағы болса бір қалыпты даму қарқынын көрсету арқылы екінші позицияға шығып отыр. Соңғы 3-ші кластерге Ақмола, Ақтөбе, Батыс Қазақстан, Павлодар, Қарағанды, Жамбыл, Астана қаласы, Солтүстік Қазақстан, Атырау, Шымкент қалалары жатады. Атаулы кластерде аймақтар саны көп, бұл классификацияға түсудің де өзіндік себептері бар екенін айта кеткен жөн оларға: аз қамтылған аймақ ретінде, дүниеге бала санының келу деңгейінің төмендігі, әлеуметтік-экономикалық жағдайлар, саяси жағдай, республикада қабылданған бағдарламалар, тұрын үй мәселесі, қаржылық жетіспеушілік т.б. жатады.

Қорытындылай келе, зерттеу жұмысы Қазақстан Республикасының аймақтық білім беру жүйесін толық ашып береді деген ойдан аулақпыз, десек те аймақтағы білім мәселесін кластерге бөлу арқылы шешімін таппаған сұрақтарға жауап алуда көмегін тигізетіні сөзсіз. Жоғарыда мысал ретінде көрсетілген бір интелект карта мен мектепке дейінгі білім беру саласындағы аймақтық көрсеткіш толық зерттеу жұмысын ашып берді деп айта алмаймыз. Дегенмен, жоғарыда аталған бағдарламалар арқылы цифрлі технологиялардың көмегімен ауқымды материалдарды қысқа уақыттың ішінде, қолжетімді ақпараттар көмегімен толық зерттеуге мүмкіндік туар еді деген ойдамыз. Көшбасшы кластерлік аймақтар мен көш соңындағы аймақтар арасында байланыс орнатылып, мәселені бір жақты шешуге болатын жолдар іздестіруге көмегін берер еді.

Пайдаланған әдебиеттер тізімі:

1. Арыстанов Х.У. Правовые основы и принципы административно-территориального устройства Республики Казахстан. Автореферат диссертации... канд. юрид. наук. Алматы, 1994. 26 с.
2. Справочник по административно-территориальному делению Казахстана. Август 1920 – декабрь 1936 гг. / Составитель Ф.Н. Базанова, Г.Ф. Дахшлейгер. Алматы, 1959. 283 с.

3. Казахстан: экономика. Министерство национальной экономики Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://fb.ru/article/185451/kazahstan-ekonomika-ministerstvo-natsionalnoy-ekonomiki-respubliki-kazahstan>

4. Беркутова Е. Основные контуры региональной политики Республики Казахстан: стратегическое планирование, власть и экономика. Астана - Алматы, 2015. 72 с.

5. Программа развития ООН: индекс человеческого развития в странах мира в 2015 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/news/2015/12/16/7285->

6. Ерболат Б. Қазақстан білім индексі бойынша 35-орында. [Электронный ресурс]. URL: <https://kaz.365info.kz/khazakhstan-bilim-indeksi-bojynsha-35-orynda-292991>

7. Индекс человеческого развития. Информация об исследовании. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index>

8. Рейтинг стран мира по уровню образования. Информация об исследовании. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>

9. Білім берудің барлық деңгейінің мемлекеттік жалпыға міндетті білім беру стандарттарын бекіту туралы. [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1800017669>

10. Жақсыбеков Ә.С. Қазақстан Республикасындағы жалпы және қосымша білім беруді модернизациялаудың мемлекеттік саясаты (саясаттанулық талдау) Саяси ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авторефераты. Алматы, 2010. 40 б.

В.В. Подолько

Омский государственный университет, Омск (Российская Федерация)

ТЮРКСКИЙ МИР В XXI ВЕКЕ: В ПОИСКАХ КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В настоящее время в постсоветских республиках важную роль играет идея государственности, выступая в качестве элемента

консолидации гражданского общества. В статье рассматривается казахская государственность как исследовательский концепт. В 2015 г. в Республике Казахстан состоялось празднование 550-летия казахской государственности. В работе приводятся точки зрения казахстанских историков о моменте возникновения государственности. Показана роль государственности в национальной политике Республики Казахстан.

Ключевые слова: независимый Казахстан, казахская государственность, суверенитет, тюркская государственность

V.V. Podolko

Omsk State University, Omsk (Russia)

THE TURKIC WORLD IN THE XXI CENTURY: IN SEARCH OF KAZAKH STATEHOOD

Currently, in the post-Soviet republics, statehood plays an important role, acting as an element of consolidation for civil society. The article considers the Kazakh statehood as a research concept. In 2015, the Republic of Kazakhstan celebrated the 550th anniversary of the Kazakh statehood. The paper presents the points of view of Kazakh historians about the moment of the emergence of statehood. The role of statehood in the national policy of the Republic is shown.

Key words: independent Kazakhstan, Kazakh statehood, sovereignty, Turkic statehood

В 1990-е гг. бывшие союзные республики столкнулись с проблемой создания исторического нарратива в рамках формирования гражданской идентичности. Важное внимание новые независимые страны уделяли определению момента обретения государственности. Возникали споры и дискуссии на эту тему. В казахстанской исторической науке одни исследователи связывали процесс обретения государственности с историей тюркских каганатов. Другие предлагали брать за основу советский период, т.к. именно тогда были установлены практически современные границы Республики. Третьи выдвигали в качестве даты обретения независимости и отправной точки для строительства собственной государственности 1991 г. Также стоит отметить, что для национальной политики Республики характерны тенденции этноцентризма, поэтому исследователи преимущественно

используют термин «казахская государственность», отталкиваясь от титульной нации страны.

Определяющей логику рассуждений в исторической науке стала точка зрения, высказанная в 2014 г. первым Президентом РК Н.А. Назарбаевым, который подчеркнул, что казахская государственность берет свое начало с момента возникновения Казахского ханства: «В 1465 г. Жаныбек и Керей создали первое ханство. История государственности казахов пришла с тех времен. Конечно, в современном смысле этого слова, с авторитетом во всем мире и с такой известностью, оно, возможно, и не было государством. Однако те же слова можно сказать и по поводу других государств того времени. Очень важным является тот факт, что в то время была заложена основа. Мы должны продолжать великие начинания предков» [1, с. 103].

Действительно, самая тиражируемая в казахстанской исторической науке версия относится к XV в. Но и здесь мнения расходятся:

1) К.А. Акишев полагает, что началом узбекской и казахской государственности принято считать 1428 г. – год образования ханства Абулхаира (Оно же – Улус Шайбани, Ханство Узбеков);

2) А. Хасенов предлагает 1445 г., акцентируя внимание на том, что именно в этом году после смерти правителя Улуг-Мухаммад-хана на территории нынешнего Казахстана обособился казахский улус и возникло Казахское ханство, не зависящее от ханства Абулхаира и от Могулистана;

3) следующая версия имеет большое количество историков – Н.А. Атыгаев, М. Тынышпаев, С. Жолдасбай, М. Магауин, К. Салгарин и др. Согласно их мнению, дата образования Казахского ханства – 1465 г. – перекочевка Жаныбека и Керей на территорию Жетысу (Семиречье) [2].

Казахстанские историки при рассмотрении данного события обращаются к сочинению «Тарих-и Рашиди», автором которого является Мирза Мухаммад Хайдар. Он в своем произведении не указывал ряд датировок, представляя в качестве альтернативы фразы «той весной», «в том году», «около того года», но дата основания Казахского ханства прописана четко: «начало правления казахских султанов пошло с 870 года» [3]. Согласно синхронистическим

таблицам И. Орбели, 870 г. хиждры начался 24 августа 1465 г. и закончился 11 августа 1466 г.[2].

Именно поэтому, основываясь на сведениях из «Тарих-и Рашиди», в 2015 г. было проведено празднование 550-летия Казахского ханства. В ходе празднования организован комплекс мероприятий, которые выступали «консолидирующим звеном для казахстанского народа» [4, с. 16]. План мероприятий был сформирован Министерством культуры и спорта РК, в него вошли:

1. развитие проектов по изучению истории формирования и развития Казахского ханства как на территории Республики Казахстан, так и в научно-исследовательских центрах Российской Федерации, Западной Европы, Турции, Китая и т.д. с целью выявления источников о казахской государственности;

2. создание фильмов, видеороликов о Казахском ханстве;

3. проведение научно-практических конференций;

4. организация выставок по истории Казахского ханства;

5. проведение заключительного мероприятия в междуречье Чу и Талас, где прошло театрализованное представление [5].

Основной аудиторией вышеприведенных мероприятий являлось молодое поколение республики, ценностная система которого формируется под влиянием образовательного процесса. Поэтому в казахстанских учебных изданиях с каждым годом все большее внимание уделяется государственности. Особый интерес представляет учебник за 10 класс для общеобразовательных школ (2019 г.), основанный на цивилизационном подходе. XX век, будучи временем модернизации и индустриализации, описан в учебнике как «кризис традиции» и «лишение цивилизационной основы» для казахского народа [6, с. 215]. Существенное влияние на новый учебник за 10 класс оказала программа «Рухани жаңғыру» [7], идеи которой (к примеру, концепция культурного кода нации) транслируются в данном учебнике.

В учебнике отмечается, что «казахская государственность не ограничивается рамками Казахского ханства. Ее истоки находятся в ранних кочевых государствах саков и усуней, в кочевых империях тюрков и монголов». К тому же, определяется сущность кочевой государственности. Она рассматривается как форма

этносоциального объединения, которая возникает одновременно с кочевой цивилизацией [7, с. 149].

Таким образом, в казахстанской исторической науке присутствуют тенденции определения государственности как преемственной составляющей в рамках культурно-исторических процессов в стране. Основная проблематика заключается в отсутствии единообразия в категориально-понятийном аппарате – исследователи вкладывают разные смыслы в термин «государственность». Обращаясь к национальной политике стоит отметить, что на этапе независимости концепт государственности выступает в роли консолидирующего звена для казахстанцев и способствует укреплению гражданской идентичности населения республики.

Библиографический список

1. Тленшина Г.М., Паршин И.А. Институт ханской власти в традиционном обществе казахов (историография проблемы) // Исторические исследования: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 102–107.

2. Атыгаев Н.А. О времени образования Казахского ханства (к 550–летию образования ханства). // Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iie.kz/?p=4051>

3. Мирза Мухаммад Хайдар Та'рих–Рашиди. – Ташкент, 1996. – Кн. 1. // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tarich_Rashidi/frametext13.htm

4. «Ұлы дала елі» // Mangi EL: международный научно–популярный исторический журнал. № 5 (13). 2015. С. 16.

5. 550–летие Казахского ханства // Kazakh-tv.kz: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: https://kazakh-tv.kz/ru/category/550_kazakhstan

6. Джандосова З.А. История Казахстана: учебник для 10 класса общеобразоват. школы. Алматы, 2019. 256 с., илл.

7. Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». 12 апреля 2017 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан: [сайт].

[Электронный ресурс]. URL:
https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizatciya-obshchestvennogo-soznaniya

Сведения об авторах

Абдильдинова Лашын Батырхановна, магистр гуманитарных наук, преподаватель, Жетысуский университет им. И. Жансугурова, Талдыкорган (Казахстан), *E-mail: abdildinoval@mail.ru*

Алексеева Валерия Евгеньевна, студент, Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия), *E-mail: alekseeva_2001_182@mail.ru*

Аубакирова Жанна Сакеновна, канд.ист.наук, доцент, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск (Казахстан), *E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru*

Бедушева Алина Гавриловна, студент факультета алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия), *E-mail: abedusheva@list.ru*

Боговиева Росина Руслановна, студент, Алтайский государственный институт культуры, Барнаул (Россия), *E-mail: rosina.bogovieva@mail.ru*

Бурнаев Артем Витальевич; студент, Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия), *E-mail: timon21998@mail.ru*

Галушкин Захар Максимович, студент, Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия) *E-mail: zakhargalushkin@gmail.com*

Иунина Ксения Владимировна, студент, Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия), *E-mail: ki.llisaan@gmail.com*

Казakov Георгий Константинович, преподаватель кафедры востоковедения, аспирант, Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия), *E-mail: kazakov-gk@yandex.ru*

Калинская Анна Викторовна, студент, Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия), *E-mail: kalinskaja.anna@gmail.com*

Калташева Диана Васильевна, студент факультета алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия), *E-mail: diankalt@mail.ru*

Кантырова Кун-Тана Александровна, студент факультета алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия), *E-mail: www.bluesun@mail.ru*

Кенбаева Адия Болатовна, студент, Жетысуский университет им. И. Жанугурова, Талдыкорган (Казахстан), *E-mail: adika170700@gmail.com*

Курманов Ернар Фархадович, магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры истории Казахстана, докторант, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск (Казахстан), *E-mail: ekosya_ukg@mail.ru*

Лапуценко Антон Витальевич, магистрант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия), *E-mail: lavant1996@mail.ru*

Левчук Виктория Денисовна, студент, Жетысуский университет им. И. Жанугурова, Талдыкорган (Казахстан), *E-mail: vika.levchuk.00@inbox.ru*

Лилявина Елена Владимировна, канд.ист.наук, старший научный сотрудник, и.о. заведующего выставочным отделом, Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Томск (Россия), *E-mail: Lena4igrina@mail.ru*

Лыкова Алёна Алексеевна, аспирант кафедры истории и документоведения, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск (Россия), *E-mail: alena.lykova.1995@mail.ru*

Мандаева Карина Эркемендиновна, студент факультета алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия), *E-mail: karinka.mandaeva@yandex.ru*

Мусаева Эльвира Абышкызы, канд.ист.наук, доцент, докторант, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск (Казахстан), *E-mail: elvira.musaeva.75@mail.ru*

Нехвядович Лариса Ивановна, д-р искусствоведения, профессор Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия), *E-mail: lin@email.asu.ru*

Подолько Валентина Владимировна, аспирант кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии, Омский

государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия), *E-mail: valentina1497@mail.ru*

Попова Ольга Степановна, студент факультета алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия), *E-mail: popovaoli2000@gmail.com*

Серкебаева Калия, студент, преподаватель, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Гимназия мировых языков им. И. Арабаева, Бишкек (Кыргызская Республика), *E-mail: serkebaeva588@mail.ru*

Скоробогач Никита Игоревич, аспирант кафедры Российской истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск (Россия), *E-mail: skorobogach_nikita@mail.ru*

Тойбаев Асхат Жунисович, докторант, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск (Казахстан), *E-mail: askhat19@list.ru*

Торопова Вероника Евгеньевна, студент, Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия), *E-mail: VeraTоропова98@mail.ru*

Тусупов Айбек Русланович, магистрант, Павлодарский педагогический университет, Павлодар (Казахстан), *E-mail: infor96@mail.ru*

Убей-Конь Дарья Григорьевна, студент, Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия), *E-mail: darya-ubeikon@mail.ru*

Фрадкина Гелла Борисовна, аспирантур, Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия), *E-mail: gella_pavlodar@mail.ru*

Оглавление

Программа Первого Международного научного молодежного форума	6
От редколлегии	16
СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ТЮРКСКОЙ ОБЩНОСТИ В РОССИИ И ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»	19
Тусупов А.Р. СПЕЦИФИКА ФОРМ ЗАВИСИМОСТИ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ КАГАНАТАХ	19
Бурнаев А.В. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА И ЗАПАДА	24
Калинская А.В. ВЛИЯНИЕ ТЮРКСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА НА НАСЕЛЕНИЕ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ	30
Кенбаева А.Б. ТРУДЫ АРАБСКИХ ИСТОРИКОВ И ГЕОГРАФОВ О ТЮРКСКОМ МИРЕ	34
Левчук В.Д. ТРУДЫ ТЮРКСКИХ УЧЕНЫХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	39
Серкебаева К. ВКЛАД ВЫДАЮЩЕГОСЯ РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО Е.Д. ПОЛИВАНОВА В ИЗУЧЕНИЕ ЭПОСА «МАНАС»	44
Убей-Конь Д.Г. К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПОГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)	53
Иунина К.В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯСАЧНОЙ ПОЛИТИКИ У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	58
СЕКЦИЯ «ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ»	64
Попова О.С. ЛЕКСИКА МИФОВ И ЛЕГЕНД, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ БОЖЕСТВА НИЖНЕГО МИРА В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	64
Бедушева А.Г. ОБРАЗ КОНЯ В АЛТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	68
Лапуценко А.В. ОБРАЗ ЧИНГИЗ-ХАНА В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	74
Абдильдинова Л.Б. ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ	79
Калташева Д.В. ИСТОКИ ПИСЬМЕННОСТИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ	84

Алексеева В.Е. ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ КУМАНДИНЦАМИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И РОДНОГО ЯЗЫКА	90
Боговиева Р.Р. НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ В СОВРЕМЕННОМ БЫТУ КАЗАНСКИХ ТАТАР (НА МАТЕРИАЛАХ СЕЛА БЕЛЕНЬКОЕ).....	95
Лилявина Е.В. НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТОМСКИХ ТАТАР	102
Торопова В. Е. СОХРАНЕНИЕ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙЦЕВ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА	111
Мандаева К.Э., Кантырова К. А. МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	115
СЕКЦИЯ «ТЮРКСКИЙ МИР В XXI В.»	119
Нехвядович Л.И., Фрадкина Г.Б. КАЗАХСТАНСКАЯ ПЕЙЗАЖНАЯ ЖИВОПИСЬ СЕРЕДИНЫ 50-60-Х ГГ. XX ВЕКА	119
Курманов Е.Ф. ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ КАЗАХОВ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА).....	124
Лыкова А.А. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ).....	130
Скоробогач Н.И. ВЛИЯНИЕ АССОЦИАЦИИ ХАКАССКОГО НАРОДА «ТУН» НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ	135
Тойбаев А.Ж. КАЗАХИ АЛТАЯ: ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ДИАСПОРЫ И РЕПАТРИАЦИЯ В КАЗАХСТАН.....	141
Галушкин З.М. УЙГУРЫ КИТАЯ: К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	147
Мусаева Э.А., Эубакирова Ж.С. КАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БІЛІМ БЕРУ САЛАСЫН АЙМАҚТЫҚ ЖІКТЕУ ТУРАЛЫ.....	153
Подолько В.В. ТЮРКСКИЙ МИР В XXI ВЕКЕ: В ПОИСКАХ КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	165
Сведения об авторах	171
Оглавление.....	174

Научное издание

**Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого
Алтая**

Материалы I Международного научного молодежного форума

Барнаул, 29–30 октября 2020 г.

Издание опубликовано в авторской редакции

Дизайн обложки

Подписано в печать 27.10.2020.

Формат 60x84 1 / 16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 11. Тираж 100 экз. Заказ № 431

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:
656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66